

Григорий Зинченко

Побег из

Бухенвальда

Григорий Васильевич Зинченко

Побег из Бухенвальда

Посвящаю внукам

От автора

*Жизнь — это борьба со смертью.
Пришел в отчаяние,
Ты без боя отдался в руки смерти.
Хочешь жить? — не отчаивайся.*

Книга «Побег из Бухенвальда» не роман или приключение, а очерк из моей жизни. В Бухенвальде я находился, когда мне было девятнадцать — двадцать лет. Я не был политическим заключенным, но в продолжение шести месяцев я имел возможность ежедневно встречаться с политическими заключенными из Франции, Чехословакии, Италии и России. Это были люди грамотные, которые любили рассуждать о мировых событиях.

Особенно остались в памяти их рассуждения об Украине, принудительной коллективизации и искусственном голоде тысяча девятьсот тридцать третьего года. Это не была новость для людей Европы, а только для меня. Будучи в армии, я в своей простоте, не преследуя никаких политических целей, поделился с солдатами, как строился «социализм». И, конечно, мне это обошлось очень дорого. Я чудом остался живой. Сам себе я говорил: «Третий раз смерть показала мне зубы и прошла мимо». В особом политотделе я дал подпись: «Во всей своей жизни, нигде и никогда, я не буду высказывать свои мнения относительно голода в тридцать третьем году». Моя подпись мне говорила: «Хочешь жить, тогда молчи».

После распада Советского Союза стали свободно печатать в прессе о голоде тридцать третьего года. Когда американские и канадские города отмечали шестидесятилетие голода на Украине, я ни в одной газете не прочел, почему и какая цель этого голода?

Живя в Америке, девятого мая тысяча девятьсот девяносто четвертого года в школе Английского языка я напомнил, что на Украине «День Победы» это большой праздник. Мой рассказ был о Бухенвальде. Вместе с учительницей мы описали мой побег из лагеря. Этот рассказ прочитали во всех классах.

После этого мне предложили написать более подробно и оставить на память своим внукам. Так появилась эта книга. Но я не хотел, чтоб она осталась как биография дедушки, а стала достоянием простого читателя. Не желая утомлять длинным рассказом, я решил коротко описать некоторые исторические события.

Деревня Панская, которая описана в этой книге, взята как одна из многих, которых не стало на карте после голода в тысяча девятьсот тридцать третьем году. В настоящее время я не имею материальных возможностей, чтобы сделать перевод моей рукописи на английский язык и отпечатать книгой, но я верю, что она будет отпечатана. А пока молю: «Господи, благослови».

Григорий Зинченко

Часть I. Начало скитаний

Обычно книги начинают с описания природы и это не удивительно. Сейчас мне семьдесят, но как в кино перед глазами картины из давно ушедшего детства. Вот я босоногий мальчишка бегаю за коровами по выкошенным лугам. За лето черные кудри выгорели, а

пятки сделались черными. Но меня это не волнует. Лето на исходе, а в сентябре я пойду в школу, мне очень хотелось учиться.

Меня не волновало, что у меня нет обуви, нет целых штанов. Если бы мне мать и пошила новые штаны, я бы их все равно на второй день порвал.

Но прошли школьные годы. В пятнадцать лет я уже окончил семилетку. И вот свобода. Выбирай путь в жизни. А выбора не было. Из колхоза уехать очень трудно, не отпускали. Директор школы, добрая душа, советовал мне учиться. Когда я учился в младших классах, бывало, подойдет ко мне, потреплет мои волосы и скажет: «Светлая головушка, большим человеком будешь».

Что я большим буду, это понятно, а почему светлая головушка, если у меня волосы черные, я не понимал. А когда я стал постарше, он меня «математиком» называл.

И вот этот директор настойчиво советовал мне учиться, говорил, что он семнадцать лет директором работает, много было способных учеников, но такого он встретил впервые. Много хороших советов давал, но главное — не мог посоветовать, за какие средства учиться. Родители мои — люди бедные. В нашей деревне была только семилетняя школа, которую я и окончил, а в десятилетку нужно ходить за восемь километров. В школу ходили пешком. Хорошо было в деревне: с ранней весны до осенних морозов ходили в школу босиком. Стыдно? Нет. Ведь я не один такой, половина учеников в школе были босоногие. А кто был побогаче, те и обувались. В нашей семье было шесть детей. Моей старшей сестричке, которая была на два года старше меня, отец покупал тапочки.

Хотя она в школу ходила только три года. С четырнадцати лет пошла работать в колхоз и работала почти даром. В конце года в колхозе давали расчет, но деньгами не платили, а только зерном. Наш колхоз был передовой, они говорили, что платят людям лучше, чем другие колхозы и выдавали премию. За каждый отработанный день — один килограмм зерна. А те, кто работал в поле на свекле, получали за день полтора килограмма зерна. Но разве это мыслимо, за полтора килограмма зерна целый день полоть свеклу, а осенью копать вручную?!

Осенью в школу я не ходил — помогал сестричке копать свеклу. Она заканчивала свой участок первая и за это получала премию — сапоги зимние, ткань на платье и платок. А в семнадцать лет ей дали премию — зимнее пальто. Многие тогда хотели бросить колхоз и уехать в город, работать на заводе. Но ни один завод не принимал, если не было справки, что тебя отпустил колхоз. А таких справок председатель колхоза не давал. Были мы, казалось, свободные, но накрепко прикрепленные к колхозам. Как не хотелось оставаться в колхозе. Я мечтал закончить школу лучше всех, тогда мне могли бы дать справку для обучения в городе. Одни мечты!

Иногда вечером, когда вся семья собиралась за столом, начинался разговор о моем будущем. Отцу очень хотелось, чтоб я учился и стал большим человеком в городе.

И вот снова в доме совещание. Поздний августовский вечер. Собрались ужинать. На столе горячая картошка, сваренная в кожуре. Ее никто не чистит. Да и когда? Все работают допоздна. Входит бригадир и спрашивает отца:

— Василий, а почему ты сына не забрал домой?

— А где он? — видя волнение бригадира, и отец заволновался. — Что с ним?

— Да... да, наверное, от жары ему плохо стало. Он на току. Я дал указание напарнику, чтоб он отвез его домой. Только твой сын заупрямился.

Слышно как кто-то подъехал на лошадах. В комнату входит Леня Покуль, не по годам высокий, крепкий, пятнадцатилетний парень. За ним вхожу и я. Увидев, что собрались ужинать без меня, возмутился:

— Так что, картошку между собой поделили, а меня забыли? Давай каждый по две.

— Да у нас всего по пять, — отозвалась Оля.

Я присел на табурет, но смотрю, что-то отец взволнованный. Так смотрит мне в лицо, как будто давно не видел.

— Что, не узнаешь человека собственного покроя? Я тот самый, сын собственных

родителей.

Отец был деревенский весельчак и на всякие шутки быстро давал ответ. Но на этот раз он поднялся и тихо вышел из-за стола.

— Что случилось, Гриша? Ты белый как мел. Леня, расскажи, что произошло?

— Да вот, заставили нас разгружать подводу с зерном, ящиками килограммов по сто и носить на весы. Почти две подводы разгрузили. Потом Гриша начал стонать и сел.

Отец с бригадиром осмотрели мой живот, что-то щупали, давили.

— Да, — сделал умное лицо бригадир, — подорвал живот. Ну ничего. Полежит немного, найдем работу полегче.

Бригадир ушел, а дома решали мою судьбу. Отец предложил нанять квартиру в другой деревне, чтобы я окончил десять классов.

— Ведь ему только пятнадцать лет, еще свое отработает.

Мать возразила.

— Легко говорить: «Пусть учится», а за что? Три года в школе, а потом еще в городе в какой-то «технике» учиться. И тоже квартиру нанимать. Да и босой там ходить не будет. Ты подумал об этом? Пусть поработает. Вон сколько ртов за столом. Кто их учить будет?

Так началась моя трудовая жизнь в колхозе. Глубокой осенью пришло с области распоряжение: «Всех крепких юношей, которые не ходят в школу, направить на обучение в город». В то время открыли так называемые «ФЗО» (фабрично-заводское обучение). Забрали и меня вместе с большой группой мальчишек пятнадцати-семнадцати лет. Приехали представители из города Харькова и других городов. Образованием нашим никто не интересовался, мнением тоже.

Сначала нас распределяли по городам и по внешнему виду. Старших и покрепче отправляли на угольные шахты в Донбасс. Меньших ребят снова сортировали на слабых и сильных. Здесь я попал в число сильных. Таких «сильных» нас было трое. Мне говорили: «Повезло, попал на завод в Харьков!» Нам вручили какие-то номера и на другой день поездом повезли в Харьков. Сколько было радости! Все-таки в город едем, учиться. Родители тоже были довольны. Думали: «Вот как о наших детях заботятся!»

Всю дорогу мы пели песни, шутки-прибаутки. Как же! Из колхоза выбрались, да прямо в город. Я и большинство из нас впервые ехали в город, который находился всего за шестьдесят километров от нашей деревни.

Приехали. Сопровождающий стал давать приказы:

— Выходите и на перроне стройтесь по трое.

В других вагонах были такие же «счастливчики». Нас завели в большой зал. Таких ребят, как мы, собралось сотни две. В стороне стояли представители заводов. И тут мой друг стал шептать мне на ухо:

— Смотри, там наши покупатели.

Я возмутился.

— Что я раб из книги «Хижина дяди Тома», так за Тома деньги какие платили, а мы кто? За нас они и копейки не дадут.

— Сейчас подойдут, за уши тебя и в сумку, и ты не свой. Ты был папин и мамин, а теперь ты дяди Партии.

Разговор прервался командой «Внимание», и нас быстро распределили по заводам. К вечеру всех привезли в столовую, покормили и распределили по общежитиям.

Комнаты большие и в каждой по двадцать кроватей. Под потолком электрические лампы.

Молодой мужчина представился комендантом. Начал нас знакомить. Показал туалет (это небольшой сарайчик, между четырех казарм, на улице). Потом показал баню.

Интересная баня, откроешь кран — бежит холодная вода, другой откроешь — горячая. И тазики на каменных столиках. С баней мы разобрались быстро. Она такая же, как у каждого из нас дома была. Только дома воду грели на плите, а здесь легче. А вот в казарме техника сложная — электрическая. Тут уже комендант показал свою ученость. Нас-то он за

дурачков считал. Думает, ребята из деревни, темнота, ну и давай нас просвещать. Разошелся не на шутку.

— Посмотрите на устройство возле двери. Его называют «выключатель». Вверх потянешь рычажок, лампочка загорается, вниз — тухнет. Вы знаете из книг, есть лампочка Ильича, а здесь на потолке висит на двух проводах, ее называют электрической лампочкой.

Ну, думаю, оказывается, мы изучали лампочку Ильича, а здесь электрическая. Мы деревенские, наверное, отстали от техники, а она движется вперед. Лампочку я действительно видел впервые за свои почти шестнадцать лет. У нас в деревне еще не было электричества. Но в школе я изучал это.

Меня подзывает комендант.

— Как имя?

— Грыць.

— Ну, Грыць, покажи на деле, что ты понял за «выключатель».

Я подошел, поднял рычаг вверх и лампочка загорелась, вниз — потухла.

— Ну как, понял?

Я соорудил глупую физиономию и говорю:

— Нет, не понял.

— Что не понял?

— Почему его называли выключателем? Ведь он включатель или зажигатель.

Комендант рассердился:

— Много будешь умничать, плохо кончишь! Подводит к другому устройству и говорит:

— Это розетка электрическая, а это радиорозетка.

Потом показывает на коробок и говорит:

— Это динамик.

Продолжает удивлять нас своей ученостью. Подводит к большому шкафу на стене.

— Здесь пробки. Если их выкрутить, электричества не станет, если вкрутить — будет. Не забудете?

Я говорю:

— Конечно не забуду. Меня мама всегда за пробки ругала, это когда я коров пас. Молоко выпью, а пробку в карман. Бегаешь до вечера, да не только пробку и бутылку потеряешь. Да что там бутылку, корову потеряешь. Ищешь, ищешь, а она давно дома.

Комендант промолчал. Потом начал нам показывать кровати. Здесь тоже короткое поучение.

— Смотрите, кровать застелена белой простынею. У вас работа будет грязная, одни из вас будут кочегары, другие углевозы, вагоны с углем тоже будете разгружать. Поэтому постель вам будут менять два раза в месяц, хотя по закону положено менять только один раз в месяц.

Я возмутился:

— Мне мать каждый день постель меняла. Старую солому утром спалит, а на ночь новую солому подаст...

Распределили кровати, и учитель ушел. Я лег и стал размышлять. Как много сегодня увидел нового: выключатель, розетка, динамик. Названия-то не новые, а вот законы новые, например, про постель. Что-то мы в школе не учили такой закон, что ее нужно менять раз в месяц.

Сразу все законы и не поймешь. Наверное, это и есть «высшая математика». «Низшую математику» я хорошо знаю: закон Ома, закон Вольта, Ватта и закон Джоуля-Ленца, закон всемирного тяготения. Все эти законы и формулы я хорошо знаю, легко решаю все задачи. Но все это называется «низшая математика». А теперь будет «высшая».

С утра нас собрали в зале. За столом сидит директор завода, рядом с ним парторг, а остальные — начальники цехов. Здесь нам давали должность.

Выступил директор завода коротко и предельно ясно.

— Товарищи! За вас позаботилась Родина. С сегодняшнего дня вы поднялись на ступень выше. До этого, так сказать, времени вы были на низшей ступени, то есть в колхозе. Вас обучали сеять рожь, пшеницу и другие злаки. Вас обучали выращивать сахарную свеклу и другие овощи. Вы осенью, так сказать, все это убирали, а потом, так сказать, отдавали на хранение государству. За это вас Родина, так сказать, не забудет. Но все же я скажу, все колхозники — лентяи. Почему мы их так называем? Летом, когда тепло на улице, работают все, так сказать, от восхода солнца до заката. А зимой? Что вы делаете зимой? В воскресенье вам привозили из города кино, так сказать, немое кино. А сейчас, в некоторые деревни привозят даже озвученные фильмы. Все это сделало колхозников бездельниками. И не только по воскресеньям, молодежь деревенская ежедневно стала посещать клуб и устраивает, так сказать, танцы. Но о вас Родина и Партия, так сказать, позаботилась. Теперь вы уже не колхозники, а рабочие, и будете работать круглый год. Да здравствует Страна Советов! Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует рабочий народ! Ура!

Кое-кто ответил «Ура».

— Слово предоставляется парторгу завода.

— Товарищи! Я хочу продолжить выступление директора завода. Коммунистическая партия — наш рулевой. Она ведет народ. На всех фронтах партия впереди, она указывает путь. Вы молодые. Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет. Кто дал молодым дорогу? Это Ленинская партия, партия Ильича! Мы идем, путем Ленина, живем по его заветам. Мы уже многое сделали, но у нас еще грандиозные планы впереди. Мы строим тяжелую индустрию, для этого требуется тяжелый труд. Директор говорил, что вы теперь будете работать круглый год. Я хочу ознакомить вас с условиями вашей работы. Вам не о чем беспокоиться, за вас побеспокоилась любимая партия. Ленин говорил: «Учение — свет, а неучение тьма». Умные слова, слова гения. В нашей стране учение бесплатное. Вас будут обучать заводскому ремеслу шесть месяцев бесплатно. И по окончании шести месяцев будете работать. С вас за учебу никто удерживать не будет. Вам дадут рабочую и выходную одежду бесплатно. Вас три раза в день будут кормить бесплатно. Вы будете жить в общежитии тоже бесплатно. Занятие ваше — это практика. Большинство из вас будут кочегары и, конечно, сразу же вам печи не доверят. Шесть месяцев вы будете на практике изучать работу помощника кочегара и так же бесплатно. За вас побеспокоилась наша Коммунистическая партия!

Потом начали распределять нас по должностям. Этот труд взял на себя предцехкома (председатель цехового комитета).

— Товарищи! Мы должны распределить вас по вашим способностям и силам. Кто из вас умеет работать с лошадьми, должность будет — углевоз. Встаньте, пожалуйста.

Мы все встали, так как все ребята знали как работать с лошадьми.

— Садитесь, вы меня не поняли. Я хочу узнать, кто особенно любит лошадей, прошу встать.

Нас встало трое.

— Вот ты, как твое имя?

— Грыць.

— Чем ты докажешь, что ты любишь лошадей?

Я сначала растерялся, а потом как выпалил:

— Да я всех жеребят в колхозе перецеловал.

В зале такой шум и смех поднялись, как будто клоун на сцену вышел. Смотрю, начальство тоже хохочет. Стою, что делать? Смех резко умолк. Парторг продолжает:

— Ну что ж, Грыць. Целоваться, может, ты и научился, но на должность углевоза ты не подходишь. На подводу уголь надо нагружать и разгружать, а силенок у тебя маловато. Нужны крепкие ребята.

Отوبرали человек пятнадцать.

— Следующая должность: кочегары «Гофманских» печей и кочегары «Периодических» печей.

Я больше не поднимался. Думаю себе: «Что это они из нас посмешище устроили. Должностные лица — это те, которые сидят вверху, значит, имеют должность. А которые сидят внизу, это рабочие, а которые сидят еще ниже — колхозники. А вот кочегары «Гофманские» и «Периодические» — о таких еще не слыхал. «Периодические», наверное, лучше. Можно периодически работать и периодически сидеть. Вот бы попасть в «периодические».

Идут по залу и записывают. Подходят ко мне.

— Фамилия?

— Зинченко Грыць.

— Теперь ты будешь не Грыць, а кочегар Зинченко Григорий.

Здесь я переспросил.

— Периодический?

— У тебя отца звать «Период»?

— Нет, Василий.

— Значит, Васильевич.

Так я стал кочегаром периодических печей.

— Следующая должность — загрузчики. Они же и выгрузчики. На эту должность нам нужны люди сильные.

Слушаю дальше. Разгрузчикам придется работать внутри самой печи, при температуре двести градусов по Цельсию. «Ничего себе, — думаю — вода кипит при температуре сто градусов, а то — двести».

Продолжает предцехкома:

— Этому ремеслу вас быстро обучат. И ни один из вас не сварится. Вам выдадут спецодежду — фуфайку и штаны ватные. Эта спецодежда будет вас предохранять от ожогов. Но сразу предупреждаю, чтоб одежда была сухая. Правда, были случаи, когда вата загоралась и рабочие получали ожоги. Но техника идет вперед. Сейчас шьют несгораемую одежду.

Мне стало почему-то страшно. Думаю: «Куда я попал?» Давали еще какие-то должности, но я больше не слушал. Потом объявили: «Сегодня суббота. Завтра выходной день. В понедельник вас отведут на ваши рабочие места и начнутся занятия. Завод работает в три смены, по восемь часов, шесть дней в неделю. Теперь все на обед в столовую. Даем сегодня дополнительный выходной».

Все встали и ушли. На душе у меня стало так печально и тревожно. С этого времени жизнь меня закаляла как сталь, научила быть и выносливым и отважным.

Первый день занятий. Выдали нам спецодежду и повели по цехам. Мой цех очень большой. Здесь были четыре «Периодические» печи и несколько вагонов стояли под выгрузку угля. В цеху запах напомнил мне колхозную кузницу, только там было чисто, а здесь как на угольной шахте, которую я не видел, но представлял.

Меня подвели к одному рабочему.

— Вот, Тимофей, это твой ученик. Учи и наблюдай за ним.

Ну вот, думаю, опять новости. «Учи» — это понятно. А «наблюдай», что-то похоже на шпионов. Надо быть осторожным. Помню, у нас в прошлом году посадили одного за какую-то политику. Конюхом работал в колхозе. Еще молодой, трое деток имел. Жена его Паша так и не знает, куда его дели. Посадили его в машину и увезли. Сначала говорили, повезли в район награждать новой фуфайкой. Начальство увидело, что его фуфайка вся изорвана, вот и дадут новую. А шутник был. Свадьбы без него не обходились, кто шутками народ будет веселить? Домой его больше не пустили. Люди говорят, посадили за болтовню. А случилось это так.

Заходит он однажды в магазин. Людей полно, ожидают хлеб, должны подвезти. Обращается к продавцу:

— Хозяин, дай мне вожжи.

«И зачем это ему вожжи?» — подумал продавец.

— Сейчас, сейчас, Иванушка. Тебя что, сам председатель колхоза Иван Иванович прислал? Ты в контору их понесешь или в сельсовет?

— Да нет. Прямо в конюшню оттарабаню.

Продавец посмотрел на него и решил, что вышел указ вешать портреты вождей даже в конюшнях.

— Выбирай. Это гений Ленин, Ильич.

— Нет, не этот.

— А это Сталин Иосиф Виссарионович.

— Нет, нет, не то.

— Тогда это Каганович, это Ежов, а это Сергей Миронович Киров, которого троцкисты недавно убили.

— Продавец, что ты даешь. Этих всех надо вешать, а мне нужно то, что зануздывать.

Здесь продавец понял, что ему не вожжи нужны, а вожжи.

Купил он вожжи и говорит:

— А этих вешай сам, — кивнул в сторону портретов...

И ушел.

В магазине начались шутки. Какой-то незнакомый мужчина, на которого раньше никто не обратил внимания, спросил об Иване, кто он и где работает, записал что-то на бумажке. А когда судили конюха, то этот незнакомец был свидетелем. В деревне его называли шпионом.

Вот он и дал показания, что конюх собрал в магазине народ и уговаривал перевешать всех вождей. Зачитали приговор, что он изменник Родины, с группой односельчан делал тайный заговор на правительство и угрожал перевешать районное начальство. Окончательно никто не понял, дали ли ему десять лет, или расстрел. С тех пор никто ничего не слышал о нем.

Я решил, что меня прикрепили к наблюдателю — шпиону Тимофею.

— Будем знакомы, Тимофей.

— А меня зовут Грыць. Разрешите мне вас звать дядя Тима?

— Хорошо, зови. А я тебя буду звать Гриша. Согласен?

Я кивнул головой в знак согласия. Лицо его отразило какую-то боль, и он тихо добавил.

— У меня был сын Гриша.

В этот день дядя Тима был печальный и в разговор не вступал. Печь была в последней стадии обжига. Он все время проходил ряд своих топок, а их было шесть, чистил шлак и бросал уголь. Как только он кончал шестую засыпать углем, сразу возвращался к первой. В этот день я ничего не делал, просто наблюдал за его работой.

На лице у него была маска с красным стеклом для глаз, фартук закрывал всю грудь и до колен прикрывал от огня. Наблюдая за ним, я подумал, что у нас так и колхозная лошадь не работает.

Дядя Тима был выше среднего роста, плечист, в руках чувствовалась сила, казалось, он состоит из одних крупных костей, обтянутых кожей. Выглядел он лет на пятьдесят. Иногда, поднявши щиток на лоб, он смотрел на меня своими голубыми глазами. В этих глазах я заметил теплоту, они смотрели на меня с любовью, хотя дядя Тима ничего не говорил.

Вот и кончилась смена, мы разошлись. После ужина я долго не мог уснуть. Все мои мысли вертелись вокруг дяди Тимы. Я никак не мог понять, зачем ему поручили наблюдать за мной и сколько ему будут платить за это? В настоящее время мне еще нет шестнадцати, а до восемнадцати за «болтовню» не сажают. Но люди говорят, что и за молодыми шпионят. Вот убили Кирова, а сколько человек расстреляли за него. У нас возле магазина повесили радио. Весь народ вечером собирался послушать, как труба будет говорить человеческим голосом. Это было интересно. У нас в деревне никто не имел радио, вот и шли послушать. Оно говорило за троцкистов, которых где-то ловили, а потом расстреливали. Сначала стреляли немного, потом каждый день по сто-двести человек. Я хорошо знаю, что троцкисты, это враги народа, в школе нас учили этому. В правительстве был очень мудрый человек по фамилии Ежов, сколько он троцкистов переловил! Как сообщат, что Ежов еще

двести их поймал и расстрелял, я от радости подпрыгивал возле радио. Потом появились плакаты: человек, одетый в рукавицы с иголками, торчащими во все стороны, а внизу была подпись: «Ежов — своими ежовыми рукавицами ловит врагов народа». Уже после по радио не стали передавать об этом, но люди говорили, что Ежова тоже поймали. Но я не верю, такого человека как Ежов поймать? Это, наверное, слухи. И еще не понятно. Уже расстреляли более тысячи человек, а остальные сидят в тюрьмах, как они могли все стрелять в одного Кирова? Могли и двое застрелить.

И еще не понятно, зачем я нужен дяде Тиме, он то не на должности, он просто кочегар. А какой он все-таки усталый пошел домой. Мне его было очень жалко. Ведь он столько угля сжег за смену, что мне никогда не сделать столько работы. На прощанье он пожал мне руку и сказал: «До встречи завтра». А может, он не будет за мною шпионить? А почему он сказал, что у него был сын Гриша? А где он сейчас? Сколько вопросов! Так я и уснул.

Началась новая жизнь — появились друзья. Вечером они играли в карты и домино, научили и меня в «очко» играть, но я любил шахматы. На деньги не играли, ведь у нас их не было. А расплачивались щелчками в лоб. Прихожу на работу, а дядя Тима спрашивает.

— А почему у тебя лоб весь красный и припухший?

— Да это я в очко проигрался.

Он побранил меня и для примера рассказал об одном богатом помещике, которого он хорошо знал. Помещик имел землю, нанимал работников, добрая была душа, платил за работу хорошо, со многих мест к нему нанимались. Да зимой зачастил к соседнему пану играть в очко. А тот пан хороший мошенник был — сначала, для приманки, немного проигрался, а потом все имение помещика к своим рукам прибрал, а помещика того к себе в рабочие принял.

— Оставь, Гриша, очко, к добру не приведет. Советую тебе, читай побольше книг.

Полюбил я дядю Тиму и ради него бросил карты навсегда. Начал играть в домино. Его здесь почему-то «козлом» называли, интересно было. Кто проигрывает, залазит под стол и покослиному десять раз пробэкает. Когда кто-то под столом вместо «козла», забавно, но судьба и меня под стол загоняла. Сидишь, как козел, и бэкаешь. И так каждый день по пять, семь раз вместо козла под стол загонят. Я так свой голос отработал на лад козлиный, что мог с любым козлом соревноваться. Потом мне кличку дали «козел», уже по имени не звали, козел да козел, скоро будут бараном называть, так и имя свое забудешь. В школе редко меня по имени звали, но тогда меня звали «математиком». Звучит красиво и отзываться хорошо, а тут «козел». «До чего докатился» — думаю.

Бросил и эту игру.

Вспомнил о своем увлечении шахматами. Один раз объявил соревнование по шахматам. Желавших было четверо. Условия были такими: кто проиграет, то следующий занимает его место. У троих я выиграл и вот настала очередь четвертого, его звали Леша. Он был на год старше меня. Сыграли первую партию — ничья, вторую — тоже ничья, потом он поднимается и говорит:

— Гриша, ты очень хорошо играешь, если тебя немного потренировать, то с тебя был бы хороший шахматист.

— Сейчас мне некогда, я иду на соревнования по шахматам, но с тобой хотел бы позаниматься.

Так мы подружились. Свободное время проводили за шахматами, рассказывали о своей жизни. Оба мы были комсомольцами. Первая новость, которую я узнал — это то, что зовут его не Леша, а Лев. Потом Леша открыл еще одну тайну, но взял с меня честное комсомольское слово, что я никому не расскажу. Он был еврей. Когда-то давно его дед имел обувную фабрику, это разрешалось при НЭПе. А когда НЭП уничтожили, то сожгли фабрику, а дедушку и бабушку забрали, может быть и убили.

Ведь в то время город пестрел плакатами с надписью «Бей жидов, спасай Россию». Был большой погром на евреев.

Разрешалось сжигать их дома, магазины, а если кого убьют из евреев, то это не

большая беда, только надо доказать, что когда был погром, этот еврей первый набросился на тебя. В школе я немного изучал, что такое НЭП. Учитель объяснял, что это «Новая Экономическая Политика». Землю раздали крестьянам, каждому свой надел. Заводы дали рабочим. Хочешь открывай магазин, строй себе фабрику — разрешалось делать все, работай, только не воруй. А евреи — шустрый и умный народ, начали открывать свои фабрики, нанимали рабочих. Жизнь закипела. Разрешалось даже торговать за границей.

Радовались люди — не даром революцию делали. Но этот НЭП не долго был новым, всего три года — и постарел.

Заговорили, что надо построить тяжелую индустрию, а то, что строили до этого времени — все исправить. Объявили евреев врагами народа и сделали на них погром.

Так и не стало Лешиных стариков. Но у Леши еще были родители, которые работали на большом заводе. Отец главный конструктор, мать — технолог. Завод выпускал маленькие трактора. А его отец разработал модель большого трактора, за что и его объявили врагом народа, так как малых тракторов можно больше построить, а больших — меньше. Родителей вызвали в Москву и больше он их не видел. Случилось это в тридцать седьмом году, когда Леше было четырнадцать лет. Свою настоящую фамилию он не говорил никогда никому.

На одном из комсомольских собраний Лешу выбрали комсоргом, а меня заместителем. Так наша дружба стала крепнуть. В мои обязанности входило собирать членские взносы, а Леша должен организовывать походы в кино, на заводские собрания или лекции.

Вспоминаю одно из собраний. Директор подготовил доклад, поэтому явка была обязательна. В здании на всю стену был прикреплен плакат: «Мы наш, мы новый мир построим», и внизу подпись (Ленин). Люди заняли места.

Слово директору.

— Товарищи, на исходе вторая пятилетка. Обязанности первой пятилетки мы выполнили за четыре года. Наш завод взял повышенные обязательства и вторую пятилетку мы должны выполнить тоже за четыре года.

Он говорил около часа, но я ничего не запомнил.

Слово лектору!

Этот с ходу берет быка за рога.

— Товарищи! Обратите внимание на эти грандиозные слова, которые на плакате. Мы строим социализм и мы его построим. Но наша цель еще впереди. Мы должны построить коммунизм, и мы его построим. Мы уже стоим одной ногой в социализме, а другой в коммунизме. Только нам нужно сначала достроить социализм и тогда мы перейдем двумя ногами в коммунизм. А для этого нам надо ускорять наши темпы.

— Да здравствуют большевистские темпы.

Дальше я уже не слушал, потому что в памяти возникли картины из жизни нашей деревни...

Как-то во время коллективизации, приезжает начальник с района и приказывает: «Собрать всех мужиков на «кутки». Это означало, чтобы всем собраться в дом, который отобрали у одного мужика, его раскулачили и куда-то выгнали за то, что в колхоз не пошел. Собрались мужики и начальник сообщил, что надо представителя от деревни в Москву на Слет колхозников послать. Кого-нибудь из грамотных мужиков, чтоб память была хорошая и чтоб народ мог за собой повести. Долго совещались, кого в Москву послать. Выбрали Оныську. Чтоб грамотный — не грамотный, но деньги умел считать, а когда расписывался, то крестики ставил. Память у него была отличная, все помнил. К нему собирались новости послушать, он мог рассказать у кого когда корова отелилась, за что мужик женку побил, в общем, все знал. А что народ за собой повести — это запросто. У него были овцы, вот он идет впереди, а овцы за ним следом. Потом он в колхоз пошел, и овцы за ним в колхоз пошли. Мужики, значит, решили, раз овцы за ним идут, значит, и люди пойдут.

Повез этот начальник Оныську на слет в Москву. Три дня в Москве их учили, потом все по домам разлетелись.

Приехал и наш Онысько домой. Теперь собрались не только мужики, но и бабы, и дети.

Уже не на «кутки», а там, где раньше церковь стояла, недалеко от кладбища.

Для Оныська построили трибуну. Почему называли «трибуна»? Не знаю. Это были две бочки, а сверху дверь от сарая. Залез Онысько на трибуну, постоял, потом снял картуз. Снова постоял... переступил с ноги на ногу, да как закричит.

— Товарищи! Нас на слете учили, что вы уже не мужики, и вы уже не бабы, значит, вы уже не люди, вы теперь товарищи. Нас три дня учили про большевистские темпы. Когда мы кушали — и тогда нас учили про большевистские темпы. Один так и говорил, что сейчас у нас все есть на столах, это благодаря большевистским темпам. А на столах у них все было, у нас тоже так бывает, но только на Пасху, но это все потому, что у нас нет большевистских темпов.

Мужики стали выкрикивать.

— Онысь, ты нам лучше объясни, что такое большевистские темпы, хоть пример приведи.

— Товарищи, я объясню вам, что такое большевистские темпы на примере. Вот смотрите, у нас старое кладбище, мы его строили двести лет, а по-большевистски — значит, строить быстро. А вот рядом новое кладбище, мы его заполнили за один тридцать третий год. Это и есть большевистские темпы. А вот второй пример. У нас лошадь дохнет одна в месяц, а когда они будут дохнуть каждый день — это значит большевистские темпы. Товарищи, да здравствует наша... Ах!.. Забыл. Товарищи, здравствуйте! Аминь!

Апрель тысяча девятьсот сорокового года. В этом году весна теплая, рано поднялась трава, солнышко ярко сияет. Спешу на работу к двум часам дня. Опять встречу с дядей Тимой, мы с ним очень подружились. Вместе работаем, он давал мне хорошие советы. Разговор у него всегда сводился к одному: чтоб жить, надо бороться, не всегда то хорошо, что кажется хорошо. Мы себе планы строим хорошие, утешаемся мыслями, мечты поднимают нас к высотам, а жизнь с высот бросает в пропасть, порой так больно, что говоришь: «Зачем жить?» Судьба может забросить далеко и в тиши будешь проливать слезы, а когда поплачешь, то сразу легче на душе станет. Режим работы у нас был такой, что первые три дня недели можно и одному справиться. Зато следующие три дня — это сплошной ад. Углевозы уголь к печам не успевают подвозить, а еще и шлак в конце смены вывезти надо возле всех шести топок горы его собираются. Для охлаждения шлак поливали водой. Из топок пар, дым, чад вырывается. Печь чистить, что в огне купаться, пот и грязь по лицу течет. Дядя Тима меня учил, чтоб с мокрым лицом к печке не подходил, можно обжечься, вода кипит на лице. Эту науку я хорошо выучил, рукавом вытрешь лицо и снова работаешь. Лучше бы тряпкой, но беда, где ее взять? Тряпка была большая ценность, пусть она старая, но может на латки сойти. К концу смены спецовка становится белая от соли. Печь была в начальной стадии обжига и было время для разговора.

— А скажи, Гриша, почему один из ваших ребят в печь бросился, какая причина?

— Причина одна, а догадок много. Бывают трагедии из-за измены друг другу, но за него утверждать не могу, ведь ему было только шестнадцать лет. Девчатами не увлекался, а только спортом... Говорят, обиды не выдержал: только один месяц, как нас перевели из учеников в рабочие. Раньше нас кормили, одевали, правда, денег не давали, но все же жить можно было. А Павлик, крупный такой был, никогда не наедался, всегда голодным был. Закончим обед и домой, а он стоит возле кухни, пока все бригады покушают, и просит добавки. Ему повар давал.

Когда он кушает, кажется не только свою порцию — три таких бы съел. Однажды парторг присутствовал на обеде, а он, наверное, не заметил, подошел к раздаточной и попросил добавки. Здесь ему досталось: «Ты что, приехал сюда живот набивать? Молодой еще, а хочешь за счет других прожить?» Пошел наш Павлик, голову повесил.

Мы звали его ласково — Павлик, а он на медведя похож был. А сила какая! Работал углевозом. Нагрузит подводу угля, лошадь плохо тянет, так он толкал подводу сзади, чтоб легче лошадке было. Спокойный был, только часто печальный, а после первой полочки

совсем как туча ходил. Получили мы впервые за шесть месяцев аванс. Нас на свой хлеб перевели. Здесь наш Павлик, как с цепи сорвался: проел свой аванс, два дня не дотянул до получки — перезаянл. Получаем получку, а там одни удержания: за общежитие; спецодежду мы получили — за нее удержали; за брак продукции тоже. Я еще понимаю, дядя Тима, с кочегаров деньга за брак высчитали, но он-то углевозом работал, какой у него брак мог быть? Вот он и не выдержал обиды, покончил с собой, в печь бросился. А может, и другая причина, кого спросишь? Нет уже его.

— Да, Гриша. В таких случаях всегда говорят: «Не выдержал, нервы сдали». А я говорю — нервы есть нервы, но их можно успокоить. Во всех обстоятельствах причина самоубийства — это отчаяние. Запомни ты и передай своим детям и внукам, что нет такого положения в жизни, чтобы не было из него выхода. Никому не отдавай жизни добровольно, если у тебя ее не взяли силой. В самую трудную минуту не приходи в отчаяние. Все ошибки в жизни можно исправить, а отчаялся — можешь совершить непоправимую ошибку. В песнях воспевается любовь, восхваляется отвага, героизм, но нет песни, чтоб прославляла отчаяние. Отчаяние всеми порицается, всеми осуждается. Жизнь прожить — не поле перейти. Жизнь это борьба, борьба, чтоб жить.

Смена кончилась, пошли по домам. В этот вечер мне очень захотелось побыть одному, в шахматы играть не пошел. Взял книгу, глаза читают, а мысли далеко блуждают. Отложил книгу в сторону и стал думать над словами дяди Тимы: «Не приходи в отчаяние». Может, они имеют смысл? У всех людей бывают минуты отчаяния, но из всякой ситуации есть выход. А сколько раз в жизни приходит отчаяние? Совершенное отчаяние бывает только раз — девиз для себя держи: «Никогда не отчаивайся». Хороший дядя Тима. Говорил, что у него тоже был сын Гриша, а где он сейчас, почему дядя Тима ничего о нем не говорит? Надо спросить.

Мы с дядей Тимой приняли смену. Записали температуру в печи, почистили топки и присели отдохнуть:

— Дядя Тима, мы полгода проработали вместе, а вы о себе всегда молчите — расскажите что-нибудь. Вы говорили, что у вас был сын Гриша, а где он сейчас?

— На этом заводе я отработал семь лет, но еще никому не говорил о себе. Перестал я людям доверять, даже близким, а вот от тебя ничего не скрою — поделюсь как с сыном. Когда-то я жил в деревне Панская, это от Харькова пятьдесят километров, а от Золочева — пятнадцать. Сейчас этой деревни нет совсем, но для меня она существует. Жил я там еще до революции, работал сначала у пана Филиппа в подмастерьях в кузне. Делали подковы для лошадей и разный инструмент. Перевел меня пан в мастера, но он был пан — как не пан. Придет в кузню и говорит:

— Тимка, я твоему подручному дал три дня выходных — жениться собрался. Подручным у тебя буду я.

Своим глазам не верю — пан, а оделся-то как мужик.

— Какая у тебя сегодня работа?

— Да со всех деревень идут подковы заказывать.

— Подковы, так подковы.

Выбирает молоток. Думаю, откуда он знает, какой молоток брать? Перебрал несколько, отложил один и говорит:

— Этот, что надо.

У меня клещи и маленький молоток, я стучу по наковальне, а он бьет по металлу. После обеда поменялись, я подручным — он мастером. Легко было с ним работать. В конце дня говорит:

— Ты у меня уже работаешь четвертый год. Доволен тобой, в деньгах я тебя не обижал — доход я имел неплохой. Деревня растет быстро. Одни сами дома строят, другие в долг денег просят. Один дом особенно красивый, по моему заказу построили, я его продам тебе за полцены, только женись, а там постепенно выплатишь.

Здесь я не удержался, в ноги пану поклонился.

Через месяц вошел в новый дом. Мне было уже двадцать пять лет. Пошли разговоры обо мне по всей округе: «С паном работал и пан дом подарил».

Со всех сторон едут, заказы дают. Кузню мы расширили на шесть рабочих мест, только работай.

Сначала приезжали с заказами в кузню, поговорить времени не было. Только и разговора — от кого заказ, что сделать и сколько это будет стоить. Потом стали приходить по вечерам ко мне домой с заказами. Еще один не ушел, второй заходит, а как собралось несколько мужиков в доме, знай — засели надолго, разговоры пошли.

Как-то один мужик рассказал как он женился, да не так как все, а по-особому.

— Ну как это по-особому? — расскажите, дядя Тима.

— Да начинал он как и все, а потом получилось по-особому. А было так. Подружил он с одним парнем, а у него было две сестры. Понравилась ему младшая, которой было уже девятнадцать лет. Сама хорошенькая. Тайком встречаться стал, да и договорились пожениться.

Сказал отцу о своем желании, а потом все вместе обсуждали. Когда было совещание семейное, тут мать и заупрямилась. Отец — за, мать — против. Отец свои аргументы приводит. Посмотрите, кто самый богатый на селе? Они. Имеют две пары лошадей, пару быков, кур, гусей; дом и участок большой, можно еще один дом построить. А девка какая? Кто с ней может сравниться по красоте? Не напрасно же наш сын к ней присмотрелся.

А мать на своем стоит:

— Все это так, да не так. Хорошая девка, кроткого нрава, годами не засиделась, вид ангельский. Но, говорят, когда дом покупаешь, ты сразу и соседей покупаешь. А когда женишься — не только жену, но также и отца с матерью приобрел. А кто у нее отец? — продолжает мать, — все знают, что он конокрад, но боятся сказать. А мать какая у нее? Такой скандальной бабы во всей округе не найдешь, ты сам знаешь. Да она нашему сыну жизни не даст. Нет, я категорически против.

— Полно, мать, мы сына женим не на матери, а на дочке. Богатые, вот только бы при сватовстве не продешевить, как можно больше приданого взять. Возьмем надел для сына, дом построим отдельно от них, если ты так боишься, что твой сын не сладит с какой-то бабой. Ходи в гости, да внучатами радуйся.

— Подожди, отец, мы еще сына не женили, а ты в гости к внукам уже пошел. Скажи, видал ли ты больших плутов, чем они. Не связывайся с ними — обскубут, как гуся. Говоришь, приданое дадут, как бы не так — пообещают золотые горы, а получишь одно горе. Нехорошие они люди, — заключила мать.

— Ты говоришь за приданое. Пока оно не будет у нас в доме, я сына в церковь венчаться не пущу.

— Да и то посмотри, по наследству — отец заикается, а старшая дочь мало того, что заикается, да еще и картавит.

— Мы сына женим не на старшей, а на младшей. Спросим сына, что он скажет.

— Папа, мама, я ее люблю, да мы уже и договорились пожениться.

Повелительный голос отца:

— Прекратить разговоры. Сын жениться хочет, а она ему поперек дороги становится. Передай своей, а как звать-то мы даже не спросили, но главное — договорились. Скажи, что в следующую субботу пусть ждут сватов.

Сказано — сделано. Наказ сватам строгий, не прошибить с приданым. Были чтоб и лошадь, и бык, и телка; зерна не меньше пятидесяти пудов, денег на полдома, ну и прочее. Не буду подробно говорить, все пошло хорошо, только что-то родители невесты долго между собой совещались, потом заходят и важным тоном отец произносит:

— Бог сватов прислал, противиться не будем.

Все согласились. Согласие надо закрепить перцовкой.

Бутылки поставили на стол, хозяйка закуску — гусака зажаренного подала. И начали закреплять, сначала по-деловому — назначили день свадьбы, в какой церкви венчаться

будут, а потом пошли повседневные разговоры.

Пришел день свадьбы, всю деревню созвали. Молодые поехали в церковь венчаться, а церковь, как на грех, оказалась закрытой. Поп куда-то отлучился. Тогда отец невесты и говорит кучеру: «Обвези-ка ты их вокруг церкви, коль в храм не могут попасть». Три раза обвезли их вокруг и домой поехали.

Дружок предупреждал жениха: «Смотри, не очень много пей, знаешь порядки — невесту могут украсть, большой выкуп потребуют, половину приданого отдашь. У тебя есть хранители невесты? Скажи, пусть много не пьют, на другой день, пожалуйста, это их день — пусть веселятся».

Ни у кого такой бурной свадьбы не было. Всех прохожих за здоровье молодых выпить зазывали. Время шло к полуночи. Гости стали расходиться. Тесть подсаживается к зятю и заводит разговор.

— Ну что, сынок, такой свадьбы нигде не было и не будет. Давай выпьем за ваше будущее.

Как не выпить тесть все-таки предлагает. Выпили, потом повторили.

Здесь и теща, взявшись за бока, подходит:

— Ну, сынок, за такую красавицу не грех и с тещей выпить.

Тоже выпили. Снова тесть:

— Ты, сынок, не переживай, что вас не венчали, батюшка куда-то отлучился и ключи от храма забрал. То все не главное, а главное, чтоб жизнь была хорошая. Вишь, сколько народа было на твоей свадьбе.

За разговорами не заметил, как невеста исчезла. Стал жених волноваться, а теща снова:

— Сынок, не волнуйся, лучше выпей, она ушла в свою горницу. Выпей еще чарочку и иди к ней.

Сразу рюмку подносят. Выпил. А когда утром протрезвел, то увидел, что женат-то он не на младшей, а на старшей — заике. С тех пор и сам заикаться стал.

Пока мои заказчики делятся всякими новостями, по улице несколько раз уже пройдет деревенская молодежь.

В деревне жил гармонист. Как только стемнеет, можно услышать голос гармошки, как бы всех зазывающий: «Выходите, стар и мал после дневных трудов повеселиться, отдохнуть». Молодежь соберется, сначала песни поют, потом танцуют. Начинаются соревнования девушек. Девушки кружатся, ногами такты отбивают и всем улыбки посылают: «Смотрите, мол, какие мы красивые».

И каждой хочется быть лучшей. Это настоящие соревнования, не то что сейчас в заводе соревнуются, кто больше работает. Больше продукции дашь, о тебе в стенгазету напишут, передовиком назовут... Последний танец «гопак». Это уже соревнование ребят. Сначала плавно, тихо, потом гармонист ускоряет темп и пошли, как говорят «навпрысдакы» танцевать. Это настоящие соревнования. Ребята здесь соревнуются, кто лучше и дольше удержится на ногах. Земля дрожит! Когда один остается, тогда человек шесть ребят схватят его на руки и три раза высоко подбросят. Это награда победителю. На другом конце деревни еще одна группа молодежи. Здесь танцев не бывает, поют все вместе. Особенно отличалась Катюша, по прозвищу «соловей». Жила она на окраине деревни с бабушкой, которую мамой называла. В школу ходила всего три года. Коровы у них никогда не было, но гусей держали. Катя их пасла, а когда подросла, нанялась коров пасти. В шестнадцать лет ее принял на работу пан Филипп, свеклу выращивать. С этого времени и заметили ее трудолюбие. Но больше поражала ее память и способность петь. Достаточно ей услышать два-три раза песню, и она уже знает ее. Все жители знали, что у бабки Ксени есть девочка-сиротка, да кому до этого дело.

Парубки первые окружили ее вниманием за красоту.

Сама белолицая, а глаза черные. Всякий хотел рядом сесть и песни петь. Когда ее голос соединялся с другим, и самый слабый голос становился звонким. Но особой близости с Катюшей никто не имел. У нее был большой недостаток — бедная. Говорят, бедному парню

жениться день мал, а если бедная девушка, то и вовсе трудно замуж выйти.

Пошел ей двадцатый год, имела много друзей, а друга не имела. Зато в каждом доме, где женят сына, в списках невест стоит первая Катя. Всякий раз жениху задают вопрос: «Кого хотел бы взять?» Ответ один: «Катю». Но недолго идет разговор о ней: «Какое будет приданое, ведь она бедная, безродная, что с нее возьмешь?»

Деревенская молодежь веселится, а у меня заказчики сидят. Закажут пару подков сделать, работы на десять минут, зато час рассказывают то за свою племянницу, то еще за какую-нибудь родственницу, как за какой-то товар. Или начнут говорить за знакомую девушку, да так расскажут, что хоть женись на ней, а когда уезжают, как бы между прочим добавляют: «Заказ приеду с ней забирать, сам увидишь ее красоту, вот крест на себя кладу, не лгу».

Перекрестятся на пороге и уходят.

Пока я в доме вожусь с заказчиками, молодежь сходится возле моего дома и продолжают песни до глубокой ночи. В таких случаях я провожал Катю домой. Потом, чтоб не задерживаться со своими заказчиками, домой не приходил, а прямо на вечеринку.

Однажды собрались мужики решать вопрос, как устроить баню в деревне. Решили сделать все сами, только для этого надо договориться с паном Филиппом — его земля, за сколько можно купить. Все решили, что договариваться буду я. После работы пошел к нему не за себя, за народ хлопотать. Бывал я у него и раньше был пан любитель поговорить, кто женится, кто замуж выходит. На этот раз пан Филипп был особенно приветливый. У ворот меня встретил слуга, который и передал мою просьбу увидеться с ним. Вышел пан, пригласил меня в дом на чашку чая. Такое счастье не всякому выпадало. Хозяйка стол накрыла, самовар на стол поставила.

— Ну, Тимофей, садись за стол, рассказывай, какое горе тебя привело ко мне? Что, жениться задумал? — посыпался на меня град вопросов. — Сам знаешь, дочки у меня нет. Имею два сына далеко отсюда, на родине в Германии учатся. Что-то не желают ехать на Украину. Выкладывай, что заставило тебя мой дом посетить... ешь, пей, но крепче вишневой наливки у меня не бывает. Да и вообще-то ты ужинал? Вижу, нет. Да и кто тебе ужин сготовит? А ты знаешь где твои мать и отец? Не знаешь. А откуда у тебя фамилия «Гроссман». Это что, семейная тайна? Да ты ешь, ешь, не стесняйся моих вопросов. Что сможем — вместе разрешим.

— Чтоб сказать нужда, не нужда, и горе не горе. Мужики послали с просьбой к вам, — с трудом вставил я, — уж если угодно вашей добродетели, продайте нам кусок земли, по сходной цене. Мужики толковали, баня в деревне нужна. Все расходы берем на себя. А для этого поначалу землю надо иметь. А уж потом будем думать, как строить. Рабочая сила у нас дармовая, сами будем строить, а вот из чего, я и не знаю. Меня послали только за землю поговорить.

— Ну что ж, считайте земля у вас есть. На пустыре, за кузней. Я хотел там строить маслобойню и мельницу, не просто ветряную, а настоящую, паровую, чтоб народ со всех деревень ехал с заказами. Нужно масло — бей масло, нужно крупу — делай крупу, нужна мука простая или крупчатка — делай муку. Я вот только неделю как возвратился из Германии. Договора заключал. А какая у них техника сложная, а здесь кроме лошадей и волов ничего нет. У них машины на полях работают, хлеб тоже машины молотят — где надо двадцать человек, всего одна машина работает. Моя-то родина Германия и сам я немец, имя мое правильно не Филипп, а Феликс. Побывал у своих стариков, им уже за семьдесят, обсуждал с ними свою затею, но думаю, что для этого там земли маловато, так что даю ее вам под баню, стройматериал для бани у меня тоже есть. Завтра воскресенье, после службы Божьей и обсудим.

Любопытство меня разобрало, и я решился спросить:

— А как получилось, пан Филипп, что родители в Германии живут, а вы здесь — на Украине?

— Давно это было, Тимофей. Посмотри, какие здесь прекрасные поля, кругом

чернозем, земля родючая, вот мои родители и приехали на Украину, да не с пустыми руками, а с золотом. Губернатор Харькова любил золотишко, они договорились, оформили документы на эти земли. Кругом была степь, бери сколько хочешь, а наемной силы — только давай работу. И плату не просили большую, за харчи работали и на зиму хлеба дай. Кругом хутора появились. Дома поначалу не строили, а только землянки, как кроты все жили под землей. Год, два поживут так, начинают дом строить. В основном занимались скотоводством, кругом степь, раздолье. Мой дед племенных овец привез с Европы, первый кузню построил, а потом кирпичный завод — «цыгэльной» называли. Там я еще с пятнадцати лет был кузнецом.

Поля тогда обрабатывали деревянным плугом, сохой называли, а нам из Германии привезли с полсотни металлических плугов — «иссаковский» в обмен на шерсть и кожи. Овец развелось в каждом дворе целые стада — не знали, куда девать мясо? Шерсть и кожу отделанную можно сбыть, а мясо все не съешь, собакам давали, а иногда и закапывали. Тогда мои родители открыли копильный цех, возили копчения в город на продажу. С этого, Тимофей, видишь дом построили какой. А в тысяча девятьсот двадцать первом году на Украине был большой неурожай. Родители мои уехали опять в Германию, а мне все оставили в наследство. Так вот, Тимофей, мой род давно эти места обжил. Думали головой, тяжело работали руками, так и разбогатели.

А мне все больше хотелось узнать от дяди Тимы о его жизни, поэтому я постоянно пристаивал к нему, с вопросами.

— Дядя Тима, вы лекции посещаете, а на лекциях говорят, что за границей капитализм — эксплуатация человека человеком, одни богатые, а другие бедные. В нашей стране ведут борьбу с обогащением, у нас все равны. Я как только отработаю два года за то, что меня учили работать кочегаром, так и уеду, только не знаю куда. Как долго ждать, целых два года! Я просто поражаюсь, дядя Тима, как вы смогли отработать здесь уже семь лет, это не работа, а каторга, бурлаки на Волге лучше жили, хотя унылые песни, но пели, а мы петь разучились. А что нам платят? Аванс дают, а с получки одни удержания. Надеюсь, к зиме подсобираю денюжат, пальто себе куплю, да куда там, опять в рваной фуфайке зимовать буду. Почему вот уже пять месяцев как я получаю зарплату, но ее хватает только на еду, да и то с трудом. Я надеюсь собрать денег не только на пальто, но и на туфли тоже. Разогнался. Нет, два года я не выдержу, убегу, на север или юг, но убегу. На лекциях говорят, что сейчас ведется борьба с пережитками капитализма, чтоб все люди были равными. Что ж это получается, чтоб все были как я, раздетые и полуголодные?

— Да, Гриша, с обогащением борьбу ведут и своего добились. Среди рабочего класса богатых нет, все равные, все бедные. Ты говоришь, как отработаешь, уедешь на юг или на север. А если повезут, куда сам не захочешь, на восток или на запад? Ведь идут слухи, что заводы закрепят за рабочими.

— А как это может быть?

— Очень просто. Издадут закон, никого не увольнять с работы, кто где работал, там и работай. Никуда не уйдешь и на другую работу не перейдешь.

— Тогда не заводы закрепят за рабочими, а рабочих закрепят за заводами.

— Это правильно ты говоришь, закрепят. А это значит, ты не вольный, ты закрепленный, хотя у нас в России еще в прошлом столетии отменили крепостное право.

— А если действительно так будет, что тогда делать?

— Тогда, Гриша, запомни мои слова: «Жизнь — это борьба, никогда не отчаивайся. Только слабые духом падают в отчаяние»... Уже смена идет к концу, надо печи подготовить к сдаче.

Долго не мог уснуть. В голове вертятся слова: «Жизнь — борьба, никогда не отчаивайся». Если жизнь — борьба, нужно разобраться, с чем бороться? Во всяком безвыходном положении есть выход. Еще люди говорят: «Борись с судьбой». Но если это судьба, как с нею можно бороться?.. Хорошо дядя Тима говорил: «Никогда не отчаивайся».

А если тебе очень тяжело, обстоятельства так сложились, что смерть на носу, что тогда делать? Тоже не отчаиваться? Говорят, если летчику понадобился парашют, а его у него не оказалось, то он больше ему никогда не понадобится. Это судьба.

Не заметил, как уснул, но во сне меня преследовали какие-то кошмары. Толпа людей: шумят, кричат. Снится, вроде деньги никому не дают. Подхожу и я к кассе.

— Денег тебе нет. Распишись.

— Почему нет?

— Начальство знает почему. Расписывайся и уходи.

В стороне рабочие из нашего цеха кричат: «Убить его, повесить».

Слышу голос Леши: «Стой, ребята! Остановитесь! Милиция бежит, стреляют».

Вижу в углу директора, на шее у него петля, а над головой перекладина. Но тут врывается милиция и его освобождает. Директор сразу приказывает: «Всех заковать в цепи!» Меня тоже схватили, обе ноги заковали и в кочегарку потащили. Приковали к стене, как собаку на цепи, лопату к рукам тоже приковали. Какие-то люди повыскакивали с палками, бьют по голове, кричат:

— Работай!

Проснулся... Сильно болит голова. Как хорошо, что это только сон. Долго опять не мог уснуть. К чему сон такой? И снова... Спать не спал, а деревня наша приснилась. Снится, народу полно на улице. Все бегут, кричат, свистят, по ведрам палками бьют. Так бывало, если у кого пожар. Я решил (во сне, конечно), что где-то пожар и кричу: «Пожар! Пожар!» Хотел маму и папу разбудить. Не найду, где они, стал сестричек и братиков искать. Тоже нету. Выглянул еще раз на улицу, там кричат: «Спасайся! Спасайся!»

Бегу на улицу, а там тоже крик: «Собак отвязывай, собак скорее!» Я подбегаю к мужику:

«А где пожар?»

«Да не пожар, ты смотри вокруг, зверье окружает нас».

Смотрю, на колесницах звери и в упряжках звери, со всех сторон деревню окружили. Схватили меня, к телеге привязали и поволокли. Головой об землю бьюсь и кричу.

От боли я проснулся. Усталый, пошел на работу.

Работы было много, разговоров мало. Рассказал я свой сон дяде Тиме. Первый сон и второй. Долго дядя Тима молчал, а потом проговорил:

— Сон вещий, но ты, Гриша, прими его как сон. А когда начало сбудется, исполнится и конец.

Начальство стало нас часто посещать. Комиссии приходят, пишут, обсуждают, решают. Собрали нас, кочегаров, вручили новый режим обжига керамических труб.

Теперь не за шесть суток, а за пять суток и восемь часов обжиг должен проходить. Контролеры приходят через час, проверяют температуру, записывают. Сначала трудно было, потом вложились в график. На охлаждение печи вместо трех суток дали двое. Теперь печь остывала до 250 градусов по Цельсию, вместо положенных 150. Начались и у нас эти самые «большевистские темпы». На доску почета фотографии передовиков повесили. Директор завода первый, затем парторг, предцехком, фотографии начальников цехов тоже повесили. План выполнили на сто тридцать процентов, начальству премии вручили.

Кочегарам тоже обещали, а потом чего-то задержали.

Проходит месяц, второй, получку начали давать. Стоим у кассы. Уже шесть часов вечера. Сначала шутки были, потом и злиться начали. Да что такое, что стряслось, почему так долго денег не дают? Кто-то шутку пустил: «Ребята, премию нам начисляют, задержка получилась!» Успокоились, ведь за премию можно и лишнее постоять.

Наконец окошко кассы открылось и прозвучал голос кассира:

— В очередь все становитесь, не торопитесь, деньги всем принес! Из-за вас же и задержались. Получилась небольшая заминка, некоторые из вас болели, получать нечего; у некоторых долги старые удержали, тоже им ничего нет. А главное то, что работать плохо стали, брак сплошной идет. Но Родина вас не забудет, начальство за вас побеспокоилось.

Деньги всем начислили в долг.

Началось «ох» да «ах», да «почему?» От возмущения дыхание перехватило. Потом женщины кричать начали, некоторые плакать, а дальше и голосить. Мужчины — ругаться, закипела злоба в душе: «Как же так, за что же мы месяц пахали?» Подходит моя очередь. Смотрю, начислен четвертак. «Ого! — подумал про себя, — аванса тридцать получил, все удержания забрали и четвертак на руки дали. Как хорошо. Теперь и туфли куплю».

— Распишись! В долгах по уши, молодец! Но и тебя пожалели, в долг двадцать пять рублей дали.

Вот здесь-то я и обомлел. Как? Почему? Пахал месяц, не болел. План мы с дядей Тимой перевыполнили, в списки передовиков попали. Не может быть, ошибка. Отошел в сторону, задумался, шум и гам не умолкают. Нет, не пойду я больше на работу, пусть все ваши печи сгорят. Лицо и руки обжег. Работал честно один, а сколько плакал возле печи — не мог поднять колосники и дядя Тима проболел, вдвоем-то легче было. Не раз вместе с ними чуть в печь не свалился, они-то тяжеленные — килограммов по сорок, да еще и раскаленные, не всякому мужику под силу. Сажайте, жарьте, режьте, не пойду работать больше, не пойду! Работа эта — хуже смерти.

Иду домой. Обида в ярость переросла, аж руки задрожали. На ком злобу согнать, не знаю. Вдруг слышу как-бы чей-то голос: «Чего страдаешь так, зачем мучаешь себя? Работа — хуже смерти? Вот железная дорога рядом, ложись поперек и всем страданиям конец». От страха я от путей подальше отскочил. Кто дал такой совет? Остановился, осмотрелся, никого нет. Люди говорят, это смерть ходит сзади. О нет, так просто я свою жизнь не отдам, дядя Тима говорил: никогда не отчаиваться.

Услышал гудок паровоза — это поезд проехал. Стою, как вкопанный, уже не только руки, весь дрожу, а по спине холодный пот течет — ведь мог я на путях лежать раздавленным. Где и злоба делась, разум просветлел: «Что за глупые мысли в шестнадцать лет. Нет, так просто я не сдамся. Уж если умереть, то за идеи какие-нибудь, чтоб все героем тебя считали. Но ради славы тоже глупо умирать. Если умирать, то за обиженный народ, чтоб смертью своей народу пользу принести». Хоть я и не знал, какую пользу смерть героя может принести людям, но мы все тогда были напичканы всякими идеями о героической смерти. Самому за себя стыдно стало. Нет, так просто жизнь я не отдам. С такими мыслями поплелся я в общежитие.

Утро следующего дня. Солнце сияет, как будто ничего и не было. Иду на работу, когда прошел через проходную, увидел во дворе полно народу. Собрались вместе, «третья» — ночная смена и «первая» — дневная. Решили вместе к работе не приступать, чтоб не быть должниками, лучше не работать. Подадим все вместе на увольнение, две недели отработаем и уйдем. Начальник подбежал.

— Что случилось? В чем дело?

Подошел к одному, другому, уговаривает: «Пусть они не идут, ну хоть вы приступите к работе». Ко мне подходит: «Гриша, ты заместитель комсорга, приступи первый к работе, а я премию тебе выпишу — не меньше, чем четвертак». Здесь я возмутился:

— Я такой же кочегар, как и все, что всем, то и мне.

Другие цеха тоже не приступили к работе. Собрались все в клубе. Там же собралось начальство. Повелительный голос директора, даже «товарищи» не сказал, а с ходу объявил:

— Советская Конституция гласит: «Саботаж и забастовка запрещены законом». Забастовка — это измена Родине и карается законом, вплоть до расстрела. Ваш сегодняшний поступок рассматривается как организованная забастовка. Все эти ваши заявления, эти прошения уволить с работы по собственному желанию — являются доказательством, что это сделано организованно, направлено на развал страны и срыв производственного плана. Мы взяли повышенные обязательства выполнить пятилетку за четыре года. И мы выполним любой ценой.

Два года назад восстала банда троцкистов, но благодаря мудрому руководителю КГБ, благодаря нашей партии мы разоблачили главное гнездо банды, врагов нашей Родины. Они

сделали покушение на Сергея Мироновича Кирова и убили его. Это были видные люди: творцы науки, конструкторы, но они были изменники Родины и их расстреляли. А кто вы по сравнению с ними? Мурашки. Этот муравейник зашевелился, кто-то его побеспокоил? До этого времени вы молчали, но нашлись среди вас сынки поколения троцкистов, это сорняк общества.

Мы их найдем и этот сорняк уничтожим. Заявление на уход никого не спасет, раньше чем пройдет две недели, мы этих подонков засудим.

За последние два месяца мы план по выпуску продукции перевыполнили, но пошел сплошной брак, все гончарные трубы дали «осколки». Главные виновники — кочегары, это через них мы не выдали годной продукции и на пятьдесят процентов. Мы не могли удержать все убытки с одних кочегаров, поэтому распределили на всех.

Виновников брака и вредителей мы найдем, и им несдобровать. От этих вредителей мы избавимся. Они сидят здесь среди вас в зале. Я думаю, вы поможете нам с ними расправиться. Те, кто поможет разоблачить эту банду, получит награду. Родина таких не забудет. Это вы можете сделать сейчас, выступить и принародно разоблачить их.

Это и ваши враги, через которых в этом месяце вас всех лишили зарплаты и все вы остались должниками. Благодаря руководству нашего завода, было решено всем начислить зарплату в долг — из государственной казны, но в дальнейшем этого делать не будем, врагов народа мы найдем, их здесь не более десятка. Кто желает выступить первым?

В зале стояла гробовая тишина, да и кто пожелает получить в лучшем случае пожизненную каторгу.

Голос директора:

— Не бойтесь говорить, это не товарищи, это ваши враги. Ваша свобода вам гарантирована. А может, кто сам за себя скажет, мы примем это как чистосердечное раскаяние и простим. Я поднял руку.

— Выходи. Фамилия.

— Зинченко Григорий.

— О себе будешь говорить или о других?

— О себе и о других.

— Молодец, Гриша! Крой, не стесняйся. Разоблачай всех, чтоб и другим тошно было. Но если и тебя втянули в эту грязь, учитывая твою молодость и малограмотность, мы тебе простим.

— Друзья, я не умею красиво говорить, но мне стало обидно, когда директор в своем выступлении обвинял нас, как врагов народа, изменников Родины, сравнивал с мурашками. Мы не инженеры, не ученые, но мы рабочие. Шесть месяцев мы проработали и нам не дали ни гроша, считая нас учениками, хотя работали мы наравне со всеми. Если посмотреть на наш труд, он не по нашим силам. Но время прошло, можно бы и забыть, но вот мы стали рабочими и за наш труд мы остались должниками.

Унижение и оскорбление трудно простить, но можно, но нам пришивают статью «организованная забастовка».

Мы оказались срывщиками государственного плана.

Мы, которые в политике ни «бэ» ни «мэ», но свою работу знаем хорошо. Я думаю, здесь какая-то ошибка, вредителей надо искать «в верхах».

Голос парторга:

— Зинченко, прекрати. Говори по существу, ты много потеряешь.

— Мне терять нечего, кроме кочегарки, от которой сам желаю избавиться. Директор говорил за троцкистов, я тоже слышал как их разоблачили и расстреляли. От радости я прыгал, а теперь получается, что сам стал таким.

Опять парторг:

— Зинченко, говори по делу. Мы собрались не историю изучать, а вскрыть подлинных забастовщиков и бракоделов. Для нас все ясно — ты первый из них. Кто следующий желает выступить? А ты, Зинченко, иди подумай и потом расскажешь.

— Если кого надо обвинять как бракоделов, то тех, кто сидит за столом.

— Ты пожалеешь, но будет поздно. Нам достаточно твоих слов. Кто следующий будет выступать? А ты иди.

Здесь я погорячился и понес и на директора, и на парторга, и на инженера.

— Так что, мы бракоделы, а кто изменил технологию, кто подписал ее? Директор и главный инженер! Нам дали новый график «ускоренный обжиг и охлаждение». А кто его проверил? Ни директор, ни инженер. А виноваты во всем кочегары. Два месяца трубы лопаются и никто не проверил почему. Когда я получил этот график, то задумался, а как он подействует на качество? Сравнил старый график и новый. Кажется такая мелочь, всего на два градуса выше, а весь процесс обжига происходит на шестнадцать часов быстрее. Но главное, в основном время сэкономлено, когда наша продукция содержит много воды. Не надо много мудрствовать, всем известно, при большой температуре вода быстро испаряется.

Начал я вычислять и вот мои итоги, — я достал листок бумаги, мелко исписанный, — испарение воды происходит в виде прыжков, а не равномерно. По моим подсчетам, в то время когда снаружи трубы уже сухие, внутри они остаются еще сильно мокрые и поэтому лопаются. Но это еще полбеды. Беда в новом графике охлаждения; при резком охлаждении трубы лопаются на осколки.

— Ну и что вы решили делать? — вопрос директора.

— Мы все уже решили, а теперь решайте вы, а что я решил, это мое дело. А если искать бракодела, то главный бракодел — это ты.

Я указал пальцем на директора, бросил свои бумаги на пол и демонстративно вышел.

После меня выступил Леша. Его выступление мне рассказали.

— Товарищи, есть причина волноваться. Но выступление Зинченко для меня немаловажно. Нужно принять во внимание его расчеты о режиме обжига. Он мой друг, но я не собираюсь его защищать. Он очень горяч, но в то же время справедлив, отнести его к числу врагов народа — не могу. За все время нашей дружбы в нем я заметил глубокую преданность Родине, интересуется историей нашей страны и научными книгами. А то, что он вышел из себя, то мы сейчас все не в лучшем состоянии. Что же касается охлаждения печей, он не окончил, по этому поводу я хочу тоже кое-что дополнить. У меня нет вычислений, но есть опыт. Я работаю на выгрузке труб из печей и часто слышал выстрелы. Это отрывались осколки от труб. Вместо допустимых сто тридцать градусов, начинаем выгружать на двадцать часов раньше — при двести градусах. Нам дано указание пол и стены поливать водой, чтоб снизить температуру. Конечно, трубы будут лопаться!

Директор начал нервничать.

— Кто дал указание поливать водой?

— Мне дал старший мастер, а кто ему — не знаю.

— Подайте, пожалуйста, записки Зинченко.

Леша поднял записки и положил на стол. Директор бегло просмотрел запись и говорит:

— Мы выйдем на несколько минут и посоветуемся.

По залу прошел тихий шепот. Стали задавать вопросы друг другу, что будет с Зинченко? Куда он ушел?

Я пришел в общежитие. Одетый лег на постель, но чувствовал себя спокойно, страх прошел. Я прекрасно знал, что после моего выступления мне несдобровать.

Ожидал прихода «незваных» гостей. «Заберут, — думал я, — где-то осудят, никому не сообщат моей судьбы. А как друзья на работе, кто осудит, кто оправдает, поговорят немного, а потом все забудут. А отец, мать, моя любимая сестричка Оля и братишки, забудут ли они тоже? Все забудут, но родные никогда! Отец будет ожидать писем, где и что со мной, какой срок дали. Мама будет плакать».

Вспомнил лицо отца, когда он провожал нас в школу.

Зима, пурга на улице, ветер встречный. Мы с Олей идем в школу, бедненько одетые. Отец выйдет на улицу, вслед посмотрит. Мы немного пройдем, потом Оля поворачивается спиной, да так и идет, стараясь прикрыть меня от ветра. А я в самую большую пургу никогда

от ветра не отворачивался, как будто боролся с ним и все усилия прилагал, чтобы победить. Отец за горячим ужином иногда говорил: «Что будет с нашим Гришей? Любит книги читать о всяких приключениях».

Вспомнил, как я по вечерам вслух читал книгу «Как закалялась сталь», восторгался героями. Вспомнились слова отца «против власти не попрешь». Но при чем здесь власть? Я никогда против власти не восстану, власть хорошая — есть люди плохие у власти, с ними надо бороться.

В борьбе за справедливость можно и жизнь отдать. Вот скоро найдут несколько милиционеров, скрутят руки назад и прощай борьба за справедливость, а потом что?

А потом, кто следующий? И так по одному «борцов» уничтожат. Нет, живым не дамся. Мысли вихрем понеслись, не угонишься, самый лучший момент, пока не связан — покончить с собой. И как будто меня подгоняют: «Скорей беги, опоздаешь, железная дорога рядом...»

Услышал гудок поезда, зовущий: «Скорей, скорей, опоздаешь». Вскочил с постели, к двери рванулся. И тут пришла мысль: «Куда спешишь? Остановись!» Остановился у двери и размышляю: «Вчера испугался смерти, а сегодня сам ее ищешь. А как не хочется идти в тюрьму. Хотелось быть свободным. Но уже поздно, директор не простит. Может, пойти попросить прощения? Как будет унижительно, а друзья что скажут? «Герой» в кавычках».

Какой-то шум послышался в коридоре. Я спрятался за дверь. Мысль стучит в голове: «Опоздал». Толпа ребят врывается в комнату: «Где он, куда ушел?» Нашли меня за дверью, схватили под руки и вытащили на улицу.

Все разом кричат, но ничего не пойму, одно понял ясно:

— Тебя там ждут, начальство вызывает!

И здесь я закричал:

— Пустите, не пойду, живым в руки не дамся!

Затолкали меня в зал. Директор протокол в руках держит: «Уже состряпал дело, — подумал я, — наверное, решение сейчас объявит. Говорят, что от судьбы никуда не уйдешь, может, в тюрьме умнее буду? Эх! Будь что будет».

— Товарищи, я хочу зачитать протокол о решении нашего собрания: «Общее собрание завода рассмотрело причину массового брака на производстве. Причина брака выявлена руководителями завода, партийной и комсомольской организациями. Особенно отличился кочегар завода, Зинченко Григорий Васильевич! Решено: всему коллективу завода простить задолженность. Деньги, полученные рабочими в долг — считать зарплатой последнего месяца. За активное участие в выявлении брака Зинченко Григория Васильевича наградить месячным заработком в сумме пятьдесят рублей».

А теперь, товарищи, заберите назад ваши заявления об увольнении. Прошу всем разойтись и приступить к работе. Собрание закончено.

После этого случая меня уже не называли козлом, а дали новую кличку «Герой». На следующий день встретился с дядей Тимой, который после болезни уже вышел на работу. Он спросил:

— Ну что, герой, работать будем?

Я покачал головой в знак согласия. Окрыленный неожиданным счастьем, я предложил ему, чтобы он отдохнул, а я до конца смены поработаю один. Никогда не было так легко работать, как в этот день. Печь дышала жаром, а казалось, что дует холодный ветерок. Все же на свободе и доказал свою правоту. Да не только для меня, но и для всех рабочих этот день был как праздник. Печь снова была в начальной стадии обжига. Работы было мало и можно было поговорить. Я вспомнил прерванный разговор.

— Дядя Тима, вы до конца не рассказали, как женились и где ваша семья? Он был, как никогда, разговорчив, его лицо сияло счастьем. За два дня шли всякие разговоры обо мне. Мое выступление на собрании передавали один другому. Я стал чуть ли не революционером, а главное, всем объявлено прощение задолженности.

Дядя Тима продолжил свой рассказ:

— Мы окончили наш разговор на том, как я принимал заказы дома. По вечерам я стал встречаться с Катей. Пленила меня ее красота и очаровательный голос. В любом конце деревни, из сотни голосов, я узнавал ее. А когда в полночь все расходились по домам, я всегда старался провести Катю домой. По дороге она молчала, как будто ее голос с последней песней улетел, хотя в кругу друзей была всегда веселая и разговорчивая. Когда дойдем до ее дома, а это на краю деревни, она посмотрит мне в лицо и тихо скажет:

— Тимоша, спокойной ночи.

— До встречи завтра, — отвечал я всегда.

В это время у меня появился необыкновенный заказчик. Он уже надоел, а выгнать неудобно. Как только последний человек ушел, он тут как тут на пороге появился.

— Добрый вечер, Тимофей, по отчеству не знаю. У нас есть время ближе познакомиться. Сегодня у меня особый заказ, не нож или подковы сделать, а особо важный. Сделать металлические бороны, каких нет ни у кого, давай обсудим вместе, как это лучше сделать.

И тут он принялся хвалить меня на все лады, так что и не поймешь, чего он пришел. А он заливается на все лады: «Говорят, что ты все можешь делать, придумай для меня что-нибудь такое, чтобы все завидовали, в долгу не останусь, отблагодарю так, что всю жизнь помнить меня будешь».

— Помню его, Гриша, до смерти не забуду, если бы встретил, не знаю, что и сделал бы с ним. «Да еще говорят, ты не только мастеровой, ты и с паном в дружбе. А правда, что пан Филипп тебе кузницу подарил, просто так, взял и подарил? Я, конечно, не очень верю слухам: новую кузницу, где работает десяток рабочих, отдать даром — родной отец сыну не подарит. Скажи честно, правда это?» — глаза наглые, в упор смотрит и свое гнет, — такое случиться может, когда кто-то умом помешается. Филиппа знают все, со всех концов идут к нему, чтоб наняться на работу.

Сейчас он какой-то завод строит, в Германию частенько ездит. Ну, это его дело, а кузницу отдать так просто — не поверю.

— Частица правды есть, — ответил я, — заходит как-то в кузницу пан и говорит: «Идите все сюда». Мы побросали свою работу, подходим ближе. Пан продолжает: «Работы у меня по горло и без этой кузницы. Считайте, пана у вас нет. Я ее передаю Тимофею. Он будет давать вам работу и выдавать зарплату». Я испугался: «Что я буду делать?»

Стал просить пана: «Помилуй, пан, не могу, не для моего это ума. Если в чем провинился накажи, а управлять людьми не могу. Не могу металл и уголь доставать. Сам за двоих работать буду». «Жениться тебе надо, жена и поможет», — ответил пан и ушел. Тут мой заказчик возмутился:

— Дурак ты, Тимофей, простофиля. Такое счастье упустил. Жениться сказал, это дело. Я тебе помогу. Еще у меня есть заказик небольшой, да и товар я с собой прихватил.

Заказчик вышел. С улицы смех и голоса доносятся, ребята поют, Катин голос слышу. Заказчик вернулся, не один — за ним идет жена, толстая как купчиха, а следом девчонка, разодетая, как будто в церковь собралась.

— Тимофей, ты, наверное, после работы еще не ел, да и кто тебе приготовит ужин? Слышь, мать, ты ужин с собой взяла? Ты посмотри на дом — одна спальня, вторая, третья, а прихожая для гостей, а кухня! Ты только посмотри! Живет один, как барсук в норе, и хозяйки в доме нет. А дом-то новенький!

— Слушай, Тимофей, скажи откровенно, за дом в долгах по уши, не мог ведь пан Филипп дом подарить? Сколько должен? Кто тебе поможет, отца и матери нет. Давай потолкуем. Говоришь, кузницу предложил так просто, даром? Чудеса бывают всякие, особенно если «вавка» в голове. Пан предложил жениться — это дело, хозяйничать одному дома и в кузне — трудно.

И так он разошелся, что я даже растерялся, кто здесь хозяин, а кто гость, и вообще, что происходит? А мой заказчик слова не дает вставить, на одном дыхании строчит:

— Дочь, чего стоишь там у порога? Тебя и не рассмотреть, подойди ближе к столу,

садись. А ты, мать, чего стоишь? Ставь на стол, что у тебя там в сумке и сама садись. Мы прихватили лучшие вина, что у нас есть. Как в сказке, на столе появилась закуска и вино. Садятся.

С краю стола дочь присела. Наши взгляды встретились и она опустила глаза. Смотрю — хорошенькая, сказать нечего, товар не плохой. Молчит, ни слова. Толком не разберусь, кто она? Невеста? Сваты пришли, похоже. Да только не в дом невесты, а в дом жениха. На улице слышу смех и шутки, все поют, но почему-то не слышно Кати.

— Ну, мать, что скажешь?

— Хочу узнать толком, за дом и за долги? Какие, сколько? Тимофей — это правильно по мужской линии, а по женской будет Тимоша. Оно как-то и приятнее и ближе к сердцу, что ты, доченька, скажешь, согласна?

— Да, — и голову склонила.

— Слышишь, Тимоша, она согласие дала. Скажи за дом сначала.

— Да что здесь говорить. Десять лет я проработал у пана Филиппа. Он меня не обижал, сначала за харчи и одежду работал, потом деньги стал платить и еще кормил и одевал. Так я денег собрал. В это время пан Филипп пришел в кузню, поработать денек со мной. Он не пан, а хороший кузнец. Предложил купить у него этот дом. За полцены отдал, подсчитал материал и труд рабочих. Так без долгов и купил.

— Какой счастливый, наверное, мать «в рубашке» родила. А где же мать?

— Не знаю. До семи лет ее помню, а больше нет.

— Долгов говоришь нет, и мамы — тоже. С мамой вопрос легкий. Сегодня женишься и мама будет. Согласна, доченька?

— Согласна.

— Главное, чтоб на все было согласие. А там и семья добавится. А вот за кузню поговорить толком надо. Говоришь, пан предложил в подарок, но ты все взвесил и отказался. Это ты умница, Тимоша, правильно решил, не сможешь потянуть один. Пан говорит: жениться надо, кузня не женское дело, ее дело детей рожать, да щи варить. Не все сразу сообразишь. Эту ошибку мы исправим. Завтра ты пойди до пана Филиппа, низко поклонись ему в ноги, поблагодари за совет и за «подарок». Так и скажи: «От вашей милости, я кузню принимаю, как подарок».

Еще скажи, да не забудь: «Благодарю за ваш совет. Уже женился. Но только кузня не бабье дело, в кузнечном деле она не разбирается, а вот ее отец, мой значит тесть, тот знает, как дело повести». Да пусть сделает все по правилам, на бумажке напишет: «За хорошую работу кузню дарю Гроссман Тимофею в собственность, которая по наследству переходит Разумовскому Степану». И еще не забудь, чтоб на бумаге обязательно была печать, а также подпись пана Филиппа и губернатора. Ну, отец, согласен ты принять на себя такое бремя?

— Да что поделаешь, для общего дела на все пойдешь. Тимофей будет работать со своими рабочими. Я его освобождаю от приема заказов, все легче ему будет. Правильно ты сделал, что отказался от кузни. Какое твое мнение, мать, облегчим труд Тимофея? Пусть работает в кузне, а кузня будет наша.

— Умная у тебя голова, за зятя беспокоиться надо. Только ты, Тимоша, завтра обязательно пойди до пана Филиппа, поговори и убеди кузню оформить на отца, так и скажи, что не могу, мол, кузней управлять. А что скажешь ты, доченька? Ты уже говорила «да».

— Папочка, мамочка, побойтесь Бога. Я хочу как все люди. Я не могу, я не хочу без венчанья, я не хочу как...

— Как кто? Что ты хочешь этим сказать? Кто тебе дал право противиться родителям? Что скажет отец, то скажет мать, а твое дело выполнять. Откуда ты такая непокорная? Посмотри на старшую сестру, если б она противилась, был бы у нее муж? Нет, говорю, нет. А теперь у нее есть прекрасный муж. Что тебе еще надо?

— Хочу как люди, благословите нас, свенчайте. Молю я вас во имя Бога! Уж скоро пост пройдет, тогда свенчайте. Не венчанной я не хочу. Прошу вас, мамочка, прошу!

— Что скажет Тимофей завтра у пана? Его спросят: «Где жена?» Какой ответ ему

давать? Мое повеление есть приказ. Из дома этого ты больше не уйдешь, а завтра вместе с Тимофеем до пана пойдешь, своим присутствием подтвердишь. Так и скажешь: «Живем давно мы, но только порознь». Как здесь, матушка, сказать — порознь ночуем, да? А теперь решили ночевать вместе, да? А раз вместе, значит, ты жена. Вопрос решен, ты остаешься ночевать здесь. Согласие мы закрепим чарочкой. Как, Тимофей, согласен?

Выхожу я из-за стола и говорю:

— Бывают дела и хуже, чем без меня меня женили. Я принял заказ на бороны, а жену как понять, аванс или задаток? Какая ее цена — в договоре не значится. Если я у пана буду просить бумаги на кузню, то почему он не попросит у меня бумаги на жену? Когда и в какой церкви мы венчались, что мне сказать, какой дать ответ? Может, не совсем, но в Бога я верю.

— Можешь ты ему сказать, что после поста я обвенчаюсь.

— Я не умею лгать и не хочу. Жены не имею, но я женюсь. Пройдет пост, за это время себе невесту подыщу, обвенчаюсь и свадьбу справим.

— Какую еще тебе невесту надо? Ты слышал, она согласие дала, а ты как скоро изменяешь.

— А кто она? Вы имя мне ее скажите.

— Весь вечер за одним столом сидел и имя даже не спросил? Негодяй, изменник, еще и ночь не переспал уже другую ищет. За измену знаешь, что я тебе сделаю? Во век не забудешь! Не только ты, но вся деревня помнить будет. Решай сейчас, пока не поздно, запомнишь на всю жизнь, кто такой Разумовский.

— Решение одно. На бороны заказ я не принял. Откуда ты пришел, туда и иди. Следов в доме не оставляй, кого привел, всех забирай.

— Ах так, тогда прощай. Не забывай, не только ты, а вся деревня помнить будет. Пошли скорей отсюда. Такую красавицу отдать такому негодяю? Вот тебе шиш. Дочурка, на прощание слово кругленькое скажи ему, скажи, что молчишь?

Как только карета уехала, с шумом ворвались друзья.

— Добрый вечер, Тимоша, как дела?

— Что ты спрашиваешь, на стол смотри, гусь зажаренный лежит, вино и прочее, тайком женился, хотя бы Бога побоялся, свадьбу сделал во время поста. Невесту покажи, зачем спрятал?

— Хороший друг, выпивку оставил и для нас, но извини, мы в пост не пьем. Да ты хоть знаешь, кто она?

— Нет, не она, а кто они? Она-то в церковь ходит, поклоны бьет, постится.

— Тима, а ты знаешь, она уже замужем была. На свадьбе был у них, возле Золочена живут — вся деревня гуляла, сколько шуму было, а после свадьбы — втрое больше. Утром жених рассмотрелся, что его невесту своровали, а ему старшую сестру подсунули. Да ты, Тима, знаешь, кто он? Известный конокрад, его все боятся, а с начальством он в ладу. Еще бы, за деньги можно и царя купить!

Тут-то я и догадался, о какой свадьбе у меня в доме мужики судачили.

Без спроса гурьба девчат вошла.

— Смотрите на стол! Здесь свадьба! Споем ему?

— Какую?

— Давайте «Многие лета».

— Давайте.

Запели. «Многие лета, многие лета. Дай, Боже, им счастья!» Все поют, одна только молчит, голову опустила, глаза слезами залиты. Платком слезы смахнула, да где их удержать, по щекам ручьем текут. Чуть сам не зарыдал, без слов понятно — моя любовь не безответна.

— Дорогу дайте! Катюша, эту песню пропели нам с тобой, от Бога счастье пожелали.

Не знаю, как она на моей груди оказалась, рыдает и тихо шепчет: «Тимоша, не забывай меня, не забывай».

— Послушайте, друзья, я расскажу вам, что случилось — сегодня без меня, меня

женили, но жены так и не имею. Но я счастлив, знаю для кого живу — для тебя, Катюша.

И нам снова запели: «Многие лета, многие лета. Дай, Боже, им счастья!»

— В такой вот переплет я попал, Гриша. Но, слава Богу, выпутался. Ты тоже за эти дни немало пережил и вышел героем из этой переделки.

— Да какой я там герой, дядя Тима, с жизнью уже прощался.

— Да, Гриша, жизнь — это борьба, бывает трудно, кругом сплошная темнота, кажется, все пути закрыты и остался один путь — к могиле, но ты борись с обстоятельствами, не падай в отчаяние. Я тебе уже говорил, что нет безвыходных ситуаций — пусть это будет якорем надежды в твоей жизни. Счастье приходит к тому, кто умеет ждать... Четверть века прошло после тех событий, о которых я рассказывал. Много пережил в своей жизни, но, как сыну, тебе говорю — никогда не отчаивайся.

Смена кончилась — настроение прекрасное, жить хочется, впереди где-то счастье и надо только дождаться его.

Дядя Тима пожелал, чтобы в трудную минуту не отчаивался. Всего неделю назад я чуть не совершил роковую ошибку, но об этом дядя Тима никогда не узнает. Не только ему, никому не расскажу, мне было очень стыдно за себя. А что такое смерть? Ты был, и тебя больше нет, а может, есть? Ученые говорят, что нет, но кто знает, ведь мертвые не рассказывают. И сны, предсказывающие о будущем, откуда они? Да, жить так интересно! Ради счастья впереди, стоит жить.

В понедельник, после выходного, дядя Тима был в хорошем настроении, поэтому я снова стал приставать к нему с расспросами:

— Дядя Тима, расскажите, чем все кончилось?

— Пан Филипп поехал снова по делам в Германию и возвратился расстроенный. Попросил зайти к нему по важному вопросу. Это были времена НЭПа. Пан сидел за столом, заваленным деловыми бумагами. Предложил чашку чая. Рассказал о своих сыновьях, один из которых уже женился и другой тоже собирался.

— На сыновей возлагал большие надежды, думал, что они приедут и будем вместе работать, ведь сейчас здесь большие возможности. Встретился со старыми друзьями, которые убеждали меня вернуться в Германию. Много спорили над вопросом: «Что ждет Украину?» С их доводами я не согласен, но чувствую, что они правы. Они советовали продать все имение и уехать. «А если не продашь за два-три года, — говорили они, бросишь все и убежишь, если сможешь, конечно». Но это мои личные дела. А как твои? Как идет работа в кузне, что изменилось в твоей жизни?

— Очень много работы, мы продлили рабочий день до десяти часов, но заказов не уменьшается.

— Что ты предлагаешь? Может, не принимать заказы?

— Не принимать заказы — деньги терять, а вот кузню расширить на пять — шесть рабочих мест, это все равно, что открыть золотую жилу. Все расходы покроются за полгода.

— Это ты сам вычислил или жена помогла?

— Жены нет, поэтому помогать некому было. Сам прикинул, сколько денег теряем. Прикинул, во что обойдется постройка, за полгода все окупится. Я считать не умею, но в уме прикинул.

— А как бы ты все это сделал?

— Я бы нанял шесть новых рабочих. По четыре часа они бы работали в кузнице и по четыре — на стройке. В кузне будет доход, а на стройке — расход, вместе ни дохода ни расхода, а кузня новая будет.

— Здорово у тебя получается, Тимофей, — пришел в восторг пан, — с сегодняшнего дня назначаю тебя хозяином кузни, а хозяин делает так, как считает лучше.

Завтра же поеду в губернию и все сделаю по закону: оформлю на тебя «Дарственную» бумагу. Но тебе нужна жена, давай обсудим и этот вопрос. Это делается раз и на всю жизнь. Кузню можно построить, можно разрушить, жена не кузня — это хозяйка в доме. Умная

жена — дом построят, дом у тебя есть и жена будет.

— Скажу откровенно, хотел сорваться с места и убежать, думаю, сейчас начнет предлагать какую-нибудь родственницу. Возможно, вдовушку с детьми, а перед глазами стоит заплаканная Катя. Понятно, почему добренький такой. Бежать, бежать пока не поздно, бросить кузню, деревню, дом, бросить все... А как же Катя, тоже бросить? Деньги есть, можно бежать в город сегодня же ночью, а там и Катю тайком заберу. Трудно оставить друзей, деревню Панскую.

— Дядя Тима, а почему ваша деревня называлась Панская?

— Да говорят, что люди у нас жили, как паны, дома у всех хорошие, церковь каменная была. С других деревень в церковь приходили... А пан Филипп продолжает:

— Чего, Тимофей, молчишь, голову повесил, или какая беда стряслась за эти дни, или ты жениться совсем не собираешься, век бобылем жить? Я же тебе добра желаю.

Луч надежды проблеснул. Уж если добра желает, то не будет принуждать меня жениться на нелюбимой.

— А жениться, Тима, надо. Кого взять, давай подумаем вместе. Из богатых, знатных или простых, кого хочешь взять? Свою из Панской или с хуторов? Я знаю всех наперечет. Из богатых знаю я одну, под Золочевым живет. На утреннюю службу всегда за восемь верст идет. Поклоны бьет. Как раз на выданье... Но беда, отец у нее страшный плут, да еще и в начальство продвигаться стал. Начальник величает его «товарищ Разумовский», а простолюдин с поклоном «Степан Иванович». Мать у нее не лучше отца — ведьма, только ангелом прикидывается. Ну, то родители, а про нее худого слова не скажу. Ну, Тимофей, здесь воля твоя, что скажешь?

— Разумовский Степан Иванович, говорите, зовут, знаю, встречался с ним, но больше не хочу.

— Где, когда?

— Привез однажды заказ и дочку прихватил. Ужасный человек, на прощание пригрозил, что не только я, но и вся деревня помнить его будет. Простите, пан, не могу я взять себе в жены его дочку.

— Есть из богатых поближе. Хотел бы взять такую, чтоб сразу клад в дом принесла? Знаю одну, живет на краю села.

Я аж привстал, на краю села жила моя Катюша.

— Танцует и поет отлично.

Нет, не Катюша. Она только поет, но я не видел, чтоб она танцевала.

— Отец и мать богатые. Братьев трое, мастера на все руки и работы не боятся, а вот что она может делать, не знаю. Конечно, приданое хорошее будет. Что скажешь, Тимофей?

— Простите, пан, не могу, деньги у меня есть и дом тоже.

— А про кузню забыл? Говори: «И кузня есть своя». Давай с другого конца деревни зайдем. Там живет старуха с внучкой. Девчонка у меня работает, о ней ничего худого не скажу. Трудолюбивая, всегда первая управляется. На свекле работала в этом году, тяжелый труд, туда не многие идут, а она взяла самую большую ланку.

Если и есть богатство, то от своих трудов... Да и красавица. А поет, что соловей заливается. Что скажешь? А все же советую ее, но выбор должен быть твой, тебе жить.

Я просиял весь, без слов понятно стало. Так и порешили, пан в сваты пойдет, как только пост кончится. Вот что значит Гриша, никогда не отчаиваться, счастье всегда впереди!

Новый закон о трудоустройстве

После смены завод гудел, как улей.

— Слыхали новость? Новое постановление о трудоустройстве передали по радио. Ничего не понятно. С целью укрепления трудовой дисциплины закрепить рабочие места за рабочими. Если и захочешь уйти, то не сможешь, а если по какой-то причине ты захочешь

уйти со своего рабочего места, тебе дадут срок на два года. А когда отсидишь, тебя снова закрепят на старое место, горячился худошавый парнишка, — и еще слышал по радио, вот земля провалилась подо мною, что если кто открепится и не выйдет только один день на работу, его будут судить. Закрепят за рабочим местом на шесть месяцев и двадцать пять процентов с заработной платы начальство заберет себе, а с твоего процента заберут все долги. О... и еще. Если ты когда-нибудь снова на день открепишься, тогда с тебя начальство возьмет себе пятьдесят процентов, а тебе и на хлеб не останется. Тот кто работает плохо и не зарабатывает и пятидесяти процентов, получит год принудительной работы, пока заработает пятьдесят процентов.

— Да не так, ты все перепутал.

— Может, и перепутал, а все равно так. И еще говорили, если ты бежал и не добежал до завода за двадцать одну минуту, тоже осудят на шесть месяцев, пока двадцать пять процентов отдашь.

— Нам до завода всего пятнадцать минут бежать, мы успеем.

— А если проспишь, как успеешь? Да еще говорили, не добежал сегодня пять минут, потом десять, потом три минуты, потом еще три. Считай, ты не добежал на двадцать одну минуту, вот и отдай двадцать пять процентов.

И так всех рабочих закрепили и больше никогда не отвяжут.

— А я сегодня видел, как наш парторг картинки расклеивал. На картинках люди летают, как бабочки, высоко, выше завода. Одни летят в один завод, другие — в другой, а их ловят сачками. А на другом рисунке этих людей поймали и отрезают ножницами крылья. Стоят двое и режут, нарезали много, целую кучу. Я только не распознал, кто эти двое в галстуках, наверное, наш директор и парторг, у них всегда на шее галстук висит, а может, и выше начальство, и они галстуки носят.

— Ну, это ты уже загнул, где ты такие картинки видел?

— Видел, честное слово, видел.

— А как вы думаете, нас закрепили за работой на два года, а потом открепят?

— Радио ясно говорило, молодые люди были закреплены на два года, а теперь всех рабочих закрепили навсегда. А через два года и вас, как и всех закрепят.

Вечером в клубе состоялся митинг. Директор зачитал новый закон о трудовой дисциплине. Старый закон гласил, что если рабочий хочет уволиться, имеет право на увольнение через две недели после подачи заявления.

А новый закон говорит, что рабочий не имеет права уволиться или поменять работу. За исключением перемены места жительства с выпиской паспорта за пределы города. За самовольный уход с работы — лишение свободы сроком на два года с отбыванием в исправительнотрудовых лагерях. После окончания срока обязаны вернуться на прежнее место работы. За прогул одного рабочего дня — штраф, то есть на протяжении шести месяцев будут удерживать двадцать пять процентов с заработной платы. За повторный прогул — удержание пятьдесят процентов в течение шести месяцев или удержание двадцати пяти процентов в течение одного года. За опоздание на работу в течение года свыше двадцати одной минуты — удержание двадцать пять процентов заработной платы в течение трех месяцев.

Уходил с собрания с тяжелым сердцем. Надеялся через два года отработать и уехать, а теперь рухнули все мои планы. Теперь ты вечный раб, никуда не уйдешь, могут лишить зарплату и ничего не сделаешь. Восемь часов в день, шесть дней в неделю и так без конца. Работа адская, а мне только семнадцатый год, поменять ее не имею права, посадят. Работаю наравне со взрослыми, а получаю в половину меньше, как малолетка. И так будет до двадцати лет. О дядя Тима, вспоминаю твои слова: «В трудную минуту никогда не отчаивайся, счастье впереди». Встретились мы с дядей Тимой, но говорить не хотелось.

— Ну что, Гриша, исполнился твой сон, поймали тебя, ноги в цепь заковали. Первый сон исполнился, но это не беда. Второй твой сон страшнее и, похоже, он тоже исполнится.

Проходили дни, стали забываться наши переживания, но новых законов боялись.

Вспоминаю один случай. Это было глубокой осенью, моросил дождь. Выходили пораньше, подъем в шесть часов, чтобы успеть на работу к семи. Был тогда выходной день. Под дождик сон хороший. Вдруг крик:

— Поднимайтесь, на работу опоздали!

Парнишка один свет включил и тормозит нас всех.

— Поскорее одевайтесь, посадят всех за саботаж, гудок прогудел! Уже семь часов, пора на работе быть, а мы спим! Поскорее одевайтесь!

Все вскочили, быстро оделись и побежали. Бежим что есть мочи, через лужи напрямик, ведь за опоздание судят.

Скорее б добежать, чтоб не было этих злополучных двадцати да еще с одной минутой. На проходной вахтер задержал нас:

— Остановитесь, куда это вы бежите?

— Простите, дяденька, простите, проспали чуточку, пустите на завод.

— Куда на завод? Сегодня выходной! Что вы, как с цепи сорвались!

Идем домой, со смеху животы понадрывали. В общежитие приходим, там тоже смех.

Жизнь шла своим чередом. Молодые быстро ко всему привыкают, кажется, уже и горя мало, что тебя закрепили пожизненно кочегаром. Все больше меня интересовала судьба дяди Тимы.

— Дядя Тима, расскажите еще о себе.

— Да что рассказывать... Проходит время, все забывается... Как-то после нашего разговора приходит пан Филипп в кузницу. Веселый, улыбается.

— Бросай работу!

Все бросили и смотрят, что дальше будет. А он нас за труд благодарить начал, а потом и заявляет:

— Итак, работники мои, нет у вас больше пана Филиппа! Конечно, Гриша, в то время уже не было панов, потому что это было после революции, но мы все равно его паном считали. Смотрим на него и не можем понять, что случилось.

— Решил я кузницу передать в собственность Тимофею Гроссману. Он парень трудолюбивый, по сердцу мне. И фамилия его красиво звучит — Гроссман, то есть «Большой человек», может действительно большим человеком станет.

Отдал мне документы на кузницу и ушел. Бросили мы работу, стали бумаги рассматривать. Все законно сделано, нотариусом заверено, печать стоит. Ну и давай меня поздравлять. Работы, конечно, прибавилось. И дом есть, и кузница, и жена, все есть. Но счастье это не долго продлилось, через два года кончились времена НЭПа.

Был конец двадцать седьмого года, когда стали делать погромы на зажиточных мужиков. Пан Филипп с женой тайком уехал в Германию, я больше его не видел. Весной двадцать восьмого года пришло от него письмо управляющему его домом, в котором он распорядился весь скот раздать бедным, имение продать и деньги отдать в церковную казну. Ниже: «Я больше не вернусь» — и подпись. Все знали, что кузница уже моя, поэтому ее не тронули. Все разделили, что можно было.

Жили мы тогда, Гриша, хорошо, у каждого свое хозяйство было, земли достаточно, живи да трудись. Народ в нашей деревне трудолюбивый был, мужики, как муравьи, копошились день и ночь. Но в тридцатом году пришли перемены. Переделали уезды на районы, на несколько сел был один районный центр. Если нужно решить какой вопрос, дом продать, или еще что-нибудь, едь в район. Дома не очень продавали, а вот земли покупали. Со всех деревень ехали в райземотдел. Потом начальство стало по деревням ездить, говорили, что какой-то еще новый строй будет, который Ленин когда-то мечтал сделать. Людей в то время делили на два класса, бедные и богатые. Бедных убедили, что они бедные, потому, что есть богатые. А если у богатых отобрать их богатство, тогда все будут равные. Богатых называли в то время «кулаками». Я, конечно, тоже разделял людей на два лагеря, но только на ленивых и трудолюбивых.

Ленивые свои земли продавали, а трудолюбивые покупали. Некоторые так

разленились, что говорили: «За пана лучше было жить. Отработал лето, зиму отдыхай, не надо думать ни о чем». Нас убеждали, что эксплуатация человека человеком недопустима. Помню, у нас один распинался:

— Порядок НЭПа не оправдал себя, поэтому НЭП разрушили. Землю раздали крестьянам. Начали хозяйничать единолично, то есть каждый для себя, а о других кто думать будет? До бедного крестьянина никому дела нет.

На это обратила внимание наша партия, позаботилась о крестьянах. Ленин говорил: «Мы наш — мы новый мир построим». Мы верны Ленинским заветам. Мелкие хозяйства убыточные, их надо укреплять и соединять.

Большевистская партия разработала план развития сельского хозяйства путем объединения единоличников в колхозы. Что такое «колхоз»? Это коллективное хозяйство, все хозяева и нет ничего личного. Для этого надо на добровольных началах от земли отказаться и объединиться в колхозы. А чтоб землю обрабатывать, надо объединить лошадей, а если объединять лошадей, тогда и коров, и всех домашних животных. Все личные коровни, конюшни и овчарни надо разломать, а построить новые. Работа всем будет, только работай. С чего начнем? Сначала надо записаться в колхоз. Потом все подсобное хозяйство — слесарни, сапожные мастерские, кузни — разломать и построить большие. Все плуги, бороны и все оборудование сдать в колхоз для общего пользования. Теперь будет все общее, все ваше и ничего личного. А с единоличниками мы будем вести борьбу.

Панов больше нет и не будет. Название вашей деревни надо изменить. Есть предложение больше не называть Панская, а по новому — Покрова.

— Вот так и началась у нас коллективизация. А ты, Гриша, помнишь что-нибудь о коллективизации?

— Да совсем смутно, дядя Тима. Мне тогда пошел седьмой год. Я помню своего деда, у него было много сыновей. Мне рассказывали, что на сыновей в то время давали землю, вот, он и имел много земли. Помню, какой у него трактор чудной был: впереди два колеса, а позади одно, большое. Мотор дедушка выписал из Германии и сделал свой трактор, а когда организовали колхоз, он отдал его туда. Еще врезался в память мне один случай.

Была зима, сильный мороз. Снегу тот год было много. Я любил по снегу бегать, хлебом не корми. Выбежал во двор, немного побегал, слышу, какой-то шум на улице я туда. Смотрю, а это наши соседи, которые жили через три двора, на подушках сидят, дети заплаканные, и мать одеялами детей укрывает, а их у нее было много. Отца их не видно было. Так вот она мне и говорит: «Иди, Гриша, домой, пока не выгнали вас, грейся». Я не мог понять, зачем она на улице детей спать положила, ведь в доме-то теплей. Дальше бегу и снова вижу семью, только у них детей было поменьше. Дети плачут и мать вместе с ними. И так по всему селу. Мне стало страшно и я побежал домой. В доме было тепло, мама печку натопила. Залез на печку и сижу, даже обедать не захотел, страшно стало, думал, что и моя мама сейчас нас соберет и на улице спать положит. Я-то ничего, мороз люблю, а вот сестрички и братики меньшие, они замерзнут. Дядя Тима, прошло уже столько лет, а забыть не могу, как вспомню — мороз по коже ползет, даже летом. Когда отец вечером пришел домой, я осмелел и спрашиваю:

— Папа, а почему сегодня все штунды своих детей на улице спать положили?

— Почему, сынок, штунды? Не только штунды, а все кулаки сегодня освободили свои дома.

— Не знаю, дядя Тима, как у вас, а у нас не только кулаков, но и штундистов выселяли.

— Папа, давай их к себе заберем, им холодно.

— Нельзя, сынок, и нас выселят. Приказ такой, кто заберет их в свой дом и обогреет, у того тоже отберут дом.

— Тогда, дядя Тима, в поле много лошадей ходило, а на хвостах записки висели. Я читать не умел, а мужики читали и смеялись; «Бродяжничаю не потому, что серая масть, а потому что Советская власть». Говорили, что кто не хотел идти в колхоз, куда-то уезжали, а лошадей в поле бросали. Это все, что я помню за коллективизацию,

— А как у вас проходила эта коллективизация? Она, наверное, была кругом одинаковая.

— Да, Гриша, одинаковая... Начальство с района приехало, народ собрали в церковь, не на службу Божью, а в колхоз записывать. Кто идет в колхоз, имеет право оставить себе дом, жену, детей и собаку. Остальное обязан отдать для общества. Поначалу записывалось мало, все те, у кого, кроме жены и детей, больше ничего не оказалось. Затем пригрозили выслать на Соловки всех, кто не записался в колхоз. За Соловки знали все, но не знали, где они, туда людей высылали, но назад никто не возвращался. Потом записались и те, у кого была корова или лошадь — отдали и пошли в колхоз, так пол деревни записалось. В первый год дела шли хорошо, работали все вместе, пахали и сеяли. Посеяли все вовремя и урожай собрали хороший. А зимой тех, кто не записался в колхоз, начали раскулачивать. Многие побросали все и уехали в город.

У других дома позабирали, некоторые даже сожгли. На весну уже все согласились пойти в колхоз. Брошенные поля к колхозу присоединили. За мою кузницу даже отдельное совещание сделали, с района целая комиссия приехала. Председателем комиссии был Разумовский, решали вопрос, что делать с имением пана Филиппа.

Забор вокруг имения высокий, из кирпича, скотный двор и прекрасный панский дом с садом.

— Какие будут предложения? Вот ты, впереди стоишь, что скажешь о пане?

— А что я за пана могу сказать? Хороший человек, даже когда уехал и тогда за нас помнил, велел все имущество раздать и мне досталось. Я это все в колхоз отдал, больше у меня ничего нет.

— По делу говори, что нам делать с имением? Священник вышел к алтарю, перекрестился, нас всех благословил крестным знамением.

— Если говорить за все имение, время много надо.

— А ты короче, по делу.

— Если коротко говорить, оставить все как есть, скотный двор колхозу нужен.

— Да он же мал, весь скот колхозный не войдет.

— С тыльной стороны можно пристройку сделать, увеличить.

— Ты что, панское добро жалеешь, надеешься, что власть вернется старая? Ну говори, а за дом какого мнения? Священник молча отошел в сторону. Кто-то предложил:

— Дом хороший и двор тоже, в таком доме прилично сидеть правлению колхоза.

— Ты что с паном вместе рюмку пил, где это видано, чтоб правление колхоза в панском доме находилось?

— Какие предложения за сад и кухню? Я поднял руку.

— С тобой мы будем после говорить. Поднялась одна тетка, семь детишек у нее.

— Я предлагаю из дома сделать детский сад.

— А ты всех своих туда приведешь, заведующей будешь? И мужу должность нашла, а старшую свою в няньки хочешь? Сама норовишь пожить в панском доме, своих детей добром колхозным прокормить желаешь?

Хороший план, за счет людей прожить.

И к народу обращается:

— Товарищи колхозники, подумайте сами, какой может быть детский сад за версту от села? Ну в хорошую погоду и на спине принести ребенка можно, а в дождь?..

А поп вот говорит, скотный двор оставить там, да еще пристроить. И это не пойдет, тоже далеко от села. Правление колхоза — далеко, негоже быть оторванным от массы. Правление колхоза должно быть вместе с народом. Пан Филипп, когда строил свой дом, он не захотел вместе с вами жить, в сторонке все построил, пан с мужиком никогда не был в ладу.

— Товарищ председатель, пан Филипп выстроил свой дом, когда еще деревни Панской не было. Потом он дал удел из своего имения и мужики бросили свои землянки, которые за пять верст по оврагу были, и построили себе дома.

— Откуда ты, дед, все знаешь?

— Знаю, конечно, все мы знаем. Дорога эта от Золочева до Богодухова была пустая, вот пан и предложил по обе стороны строить дома и стала наша деревня Панской называться.

— Дед, сегодня у нас не урок истории, а по-деловому решить надо, что делать с панским именем. Какие еще будут предложения?

Все молчали. Тогда сам Разумовский стал излагать свои планы.

— Товарищи, по поручению народа, мы на районном собрании решили вопрос преобразования вашей деревни. Были даже предложения, чтоб вашу деревню с плодоносных земель переселить и построить по оврагу. Но я был против такого решения, пошел в защиту и отстоял.

Деревня останется на месте, а панское гнездо надо разрушить, чтоб не осталось и следа. Скотный двор построим в центре деревни. Для этого десяток домов снесем и поставим на том месте свинарник, а вокруг будут конюшня, коровник и овчарня. В этом году дома сносить не будем, а после посевной приступим к постройке скотного двора.

— А где будем брать материал на постройку?

— Не знаете, где взять? Стена вокруг имения высотой в три метра из добротного кирпича сложена, будем разбирать ее и строить скотный двор. — Дед, ты снова лезешь не в свое дело, кто тебя умным назовет — строить свинарник из красного кирпича? Самые теплые и дешевые постройки из глины и соломы, то есть самана. Правильно говоришь, стену будем разбирать, но весь кирпич вывезем в район, такой кирпич — ценность. А в районе решат, что с ним делать. Мы боролись против панов, и мы победили, а теперь не оставим никаких следов после панства. Следующий вопрос, что будем делать с панской кузней? Этот вопрос дадим решать Гроссману Тимофею.

Отвечай, на каком основании ты присвоил себе государственное добро? Не считаешь ли ты себя наследником пана Филиппа только потому, что вы оба по национальности немцы? Дай отчет, а народ сам решит, что делать с тобой и с твоей кузней.

— Кузницы у меня никакой нет.

— Да ты что народ обманываешь? Вот мы изъяли из архива документы, да еще и фальшивые. Слушайте: «Я, Филипп Скоттман, даю в подарок собственную кузню Тимофею Гроссману». Здесь подпись и печать нотариуса.

— Почему фальшивые документы?

— Никакой пан не имеет права дарить государственное имущество. И теперь ты будешь утверждать, что у тебя нет никакой кузни?

— Да скажу! Когда организовывали колхоз, я ее отдал и сам пошел работать кузнецом, а правление колхоза поставило меня бригадиром.

— А документы дарственные где?

— У меня дома.

— Почему ты не отдал их в колхоз, вместе с кузней? Ты что, ходишь в церковь и молишься, чтоб разрушилась Советская власть и панство? Что молчишь? Говори.

Он разгорячился и его шрам на щеке покраснел, как живая рана. Я вспомнил его угрозу, когда он проезжал с заказом и дочкой, на которой хотел меня женить: «Ты меня не забудешь, не только ты, но и вся деревня помнить будет». Потом такой шум поднялся, который не подобает в Божьем храме. Каждый свое кричит, а молодежь свистеть начала, окна задрожали. Начальство вместе с Разумовским встали и начали звонить звонком, который стоял перед ними на столе. Все успокоились.

— Колхозное собрание решило кузню оставить в целости и не разрушать. С должности бригадира Тимофея отстранить, как не справляющегося с работой.

— А кто же тогда справится, если Тимофей не справляется? — снова начал выступать тот же дед.

Тут у Разумовского совсем терпение лопнуло.

— Тебе что, дед, надоело жить в теплой хате? В Сибирь захотелось?.. Собрание объявляю закрытым.

— Вот так, Гриша, мы и построили колхоз. Для нашего облегчения нам привозили готовые решения, которые не подлежали обсуждению.

Великая тайна. Голод 1933 года

Наша дружба с дядей Тимой крепла. Вспоминал свое геройство в кавычках, свои глупые замыслы покончить с собой. А иногда представлял себя мучеником и наслаждался этим. Но такие моменты быстро проходили и мне становилось самому за себя стыдно. Бывало, кто пристанет с вопросом: «Герой, как дела?» Думаю, откуда ты знаешь мои переживания, хотел забыть тот случай, как дурной сон, и успокоиться, но не мог. А может к лучшему?

Однажды я дяде Тиме рассказал про первый день нашей встречи, когда начальник приказал ему наблюдать за мной. Как я его боялся, думал, что он шпионить за мной будет и начальству докладывать. Когда я закончил свой рассказ, он рассмеялся, потом похлопал меня по плечу и сказал: «Глупое ты ягня, зачем бы я за тобой следил, какой из тебя враг?» Я снова затронул его.

— Дядя Тима, а как начальство колхоза к вам относилось?

— Можно сказать, хорошо, но я видел, что они исполняли указания районного начальства. Однажды приходит председатель колхоза в кузню и говорит мне:

— С завтрашнего дня оставляй эту работу. Пойдешь на посевную.

А посевная техника тогда была простая. Впереди себя привязывали мешок с зерном. Отмеряют каждому мужику полосу земли шириной в пять метров и сей. В тот год после посева прошли дожди. Все были рады, урожай будет хороший, ведь посеяли вовремя.

Наши земли забрали колхозы, пришлось для огорода вырубать сады. Сарай тоже поломали, так как в них уже не было нужды, все хозяйство отдали. Отработаем в колхозе десять часов, а по вечерам в своем огороде возимся. Как закончили посевную, меня перевели панский сад рубить. Нагрязнуло начальство с района, приказали срочно приступить к разборке панской стены. Всех согнали на эту работу, даже детей и женщин в подсобные поставили. Все сразу же увозили на подводах в район.

Лето выдалось особенно жаркое, дождей было мало. В середине июля наши огороды начали желтеть. В колхозе было лучше, там все посадили раньше. Мы радовались тому, что хлеба колосились. Теперь все наше, поля наши, огороды наши. Надеялись, что будет у нас картошка своя на зиму.

Урожай собрали в тот год неплохой, давно такого не было. Косить выходили рано на заре, ведь днем очень жарко, да и зерно высыпается.

Раньше в воскресный день в церковь ходили, теперь же церковь закрыли до зимы. Пока урожай с полей не уберем, никаких выходных. А комиссий — одна за другой, где они только помещаются в городе? На каждых пять косарей, один приказчик. Да все ученые, то говорят не так косу держишь, то не полный покос гонишь. Отдыхать установили только пять минут в час. А кто знает, когда этот час пройдет, часов никто из нас не имел. Выматывались мы тогда на работе так, что на своем огороде не хватало сил и времени работать. А потом начиналась молотба. Молотили мы тогда цепями. Как-то навестила нас делегация вместе с районным начальством. Говорили, что среди них даже представители из Москвы были.

У них тоже жаркая пора была, нужно объехать все колхозы. Объявили они нам новые законы о зернопоставках. Начальство деревенское немного поругали, нас лентями обозвали. Рассказали нам, где что сеять и когда убирать. Потом сообщили, что мы в больших долгах. Они, мол, два года нас жалели, колхозы укрепляли, а теперь надо платить эти долги. Да еще и пеня за прошлые года выросла.

Зерно отобрали, а взамен ничего не дали. Ты, конечно, Гриша, помнишь тот год... Великий голод был; прошло всего восемь лет, такое быстро не забывается.

Ведь он был не только у нас, а по всей Украине и частично по России. Много людей умерло от голода. А мы вот с тобой живем, хотя трудно, но живем. Пройдут года и многое

сотрется из памяти, а будущее поколение как узнает о том ужасе, что люди пережили? В газетах не пишут об этом и радио молчит. Сначала немного поговорили, что во всем виновато местное начальство. В некоторых колхозах поменяли председателей, на том все и кончилось. Вашей семьи, наверное, тоже коснулся голод? Ты что-нибудь помнишь?

— Да, помню, но очень смутно, а вот чувство голода осталось до сих пор. А за урожай я ничего не знаю, еще не понимал тогда толком. Помню, как-то сидим за столом, только пообедали. Мама с папой разговаривают.

И вдруг они заволновались, на улицу смотрят, а там подводы едут. Остановились возле двора и направляются к нам в хату. Отец только за голову взялся и тихо застонал.

Дверь открылась, заходят двое и давай командовать.

— Из-за стола не выходить, руки на стол положить. Я с перепугу нырь под стол, а он кричит:

— Куда полез, шенок? А ну, вылезь!

Достал бумагу и начал читать долго и непонятно, одно лишь понял, как будто мы хлеб растащили.

Думаю: «Хлеб мы не растащили, мы его с борщом поели». Отец ответил:

— Я ничего чужого не брал, только то, что дали на трудодень.

Один из них в руке держит железку, наверное, ею легче зерно выколачивать из крестьян.

— Произвести обыск в сарае, погребе и на чердаке. Зерно, крупу и муку забрать. Тебе приказываю молчать, и ни слова, а руки на столе держать.

Я думаю, пришли к нам воры, как до соседки за коровой. Только папа и мама молчат, а соседка кричала.

А если я закричу, он меня тоже по голове трахнет, как соседку? Лучше буду молчать.

Подводы уехали. Отец вышел во двор посмотреть, обошел кругом. А мама как сидела за столом, так и осталась сидеть. Вернулся отец и тихо говорит:

— Забрали все: зерно, корову, телку, немного осталось картошки, но ее не то что на посадку, на еду до весны не хватит.

Здесь мама не удержалась, как заголосит. Мы с сестричкой Олей ее поддержали, потом и меньшие двое плакать стали.

— Слезами горю не поможешь, крепиться надо, как-то переживем, с Божьей помощью. Говорят, «Бог дал, Бог — взял». А я подумал: «Бог-то дал, а люди взяли».

Недели через две, пришли опять те двое. И тоже во время обеда, мама нам на стол подавала.

— Еще долги есть за тобой, ты почему не все отдал?

— Я ничего вам не давал, вы сами взяли.

— Обыскать все кругом, горшки проверить в печке.

— Нашли вот, с полпуда пшена, а в горшке вареная каша.

— Пшено забрать, а кашу выбросить. Подходит к столу.

— Государственное добро едите?

Схватил тарелку у меня из рук и бросил наземь.

— Дядя Тима, расскажите, а как у вас проходил грабеж. Отец никогда об этом со мной не разговаривал.

— Гриша, об этом опасно рассказывать. Ты еще ребенком был, в школе мог поделиться с друзьями, а те другим. Смотришь, в одну ночь у тебя отца и не стало бы. Сейчас тебе пошел семнадцатый год, ты уже взрослый, сам можешь рассудить, кому сказать, а где и промолчать. У меня нет ни родни, ни семьи, ни детей, я их давно потерял, больше мне терять нечего. Если по неосторожности расскажешь где-либо, ты просто себя погубишь, а что до меня, то мне все равно.

Тридцать третий год — великая государственная тайна.

За эту тайну сотни тысяч людей погибло. Девиз у меня такой: «Не все, что знаешь, говори». С тобой, Гриша, делюсь, как с сыном, может, поведаешь ту тайну детям, внукам. Но

сейчас за эти разговоры судят, как за политическую клевету на Родину. По радио говорят и в газетах пишут, что мы строим тяжелую индустрию. Это правда, только ее строят на человеческих костях. Страшный голод был на Украине, вымирали целые деревни.

Об этом нигде не встретишь в печати. А в разговоре, если кто и вспомнит о своей родне или семье, то очень осторожно. Причина той трагедии — голод. А почему был голод, все молчат. Объясняют очень просто — засуха, неурожай. Бог-то послал урожай, да вот люди сделали голод. Ты был совсем мальчишкой, а все-таки не забыл, как у тебя из рук кашу отняли. Не забыл и я, как грабили людей. Урожай хороший был в тот год. Да что там, старики говорили, что такого урожая на хлеб много лет уже не было. Сейчас смеются над Богом, что если бы Он был, то не послал бы такой голод. А Он его и не посылал, но люди делали, что хотели. Сначала отобрали у частных владельцев банки, сделали их государственными. Но банки оказались пустыми. Не доверяли тогда новому правительству, вот и держали свое добро, золото и серебро дома. Его-то и надо было забрать. А как? Добровольно никто не отдаст. Надо предложить что-то купить: плуг, косилку, молотилку или швейную машинку.

Но опять же, кто купит, а кто и нет. И вот был разработан легкий метод, испытанный веками. Это простой грабеж.

Заходят в дом так называемые добровольцы.

— Хозяин, поднимай руки, если хочешь жить и дорога жизнь твоей семьи. А ты, хозяйка, выкладывай на стол все добро. За жизнь, человек все отдаст.

— А если нет ничего, тогда умирай?

— Смотря какой грабитель. Знаешь песню Кармелюка:

Зовуть мене розбийником,
Що людей вбиваю.
Я богатых вбиваю,
Бедных награждаю.
Отак гроши розделив,
Я греха не маю.

Увидят, бедный мужик, что с него возьмешь? Но если заметили, что зажиточный крестьянин, то всю душу из него вытряхнут. А осенью тридцать второго года был массовый грабеж, на высшем уровне продуманный. В самом Кремле! Это и есть, как я ее назвал «Государственная тайна».

— Дядя Тима, объясните, пожалуйста, лучше, что-то трудно понять.

— Я расскажу о нашей деревне, а ты поймешь. Деревня наша славилась богатством. А где богатство, там и зависть. Тот год нас долго не беспокоили. Кругом объявили зажиточных людей «кулаками». Собрали голытьбу, активистами их назвали, а молодежь в комсомольцы записали. Вот этих комсомольцев убедили, что враги богатые люди, они живут за счет бедных. Комсомольцам дали волю: бери, что хочешь из одежды, а хлеб и весь домашний скот — государственное достояние, нужно собрать и вывезти в город. Легкая нажива прельстила бедную молодежь. Свободу дали — делай, что хочешь. И эти комсомольские юнцы пошли ломать и грабить. В каждую деревню являлись добровольцы, вместе с представителями из района. А чтоб комсомольской молодежи не стыдно было, их посылали в другие деревни грабить. И пошло... Там тулуп новый взял, там еще что-то. Бери, что пожелает душа и все так просто, даром. Налеты на село начинались неожиданно, со всех сторон, облавой.

И не спрячешь ничего. Правда, мужики ночами старались закапывать зерно и овощи в землю. Но если эти запасы обнаруживали, то такому хозяину несдобровать, до смерти могут забить. Случалось, молодые верхом на лошадях убегали. А старики или семейные руками разведут, куда побежишь, семью не бросишь.

Кругом беда, а нашу Панскую забыли — живем спокойно, хлеб жуем. Конец ноября, на

улице уже мороз. Нежданные гости явились и к нам. Подводами едут, молодежь на тех подводах, как на гулянку собрались. По дворам разъехались, грабить начали, было что брать. А чтоб больше страху нагнать, стрельбу открыли. Пять ветряков в поле сожгли. Мужики у нас в деревне не простые были, каждый за свое добро в защиту стал — кто с вилами, кто с топором, Штундистов у нас много было, так те и не защищались — заходи, бери. Стоят среди двора с поднятыми руками и молятся. Сам Разумовский был во главе этих разбойников. Вот когда я вспомнил, что не только я, вся деревня помнить будет. Некоторые женщины целуют ему руки, просят, ради детей что-то оставить. Но сегодня он совсем не тот, какой был, когда не имел власти. Сегодня он хозяин. Только смотрит по сторонам, не разбежалась бы охрана. Где охрана есть, там он герой. Но на штундистах зло согнал. Штунды в колхозы не пошли, они теперь враги народа, как хочешь, с ними так и поступай. Через несколько дворов от меня жил старшой ихний. Умный мужик был, на все руки мастер, Павел Матвеевич величали его. Жил зажиточно, овец держал с полсотни. Собралось возле его двора с десятков подвод. Мешки с зерном тянут, все барахло выносят из дому. Скандал подняли, ругань. Два сапога и активистов двое, один кричит.

— Отдай сапог, я первый приметил!

— Я первый брал, а ты меня толкнул! — кричит второй.

Сундук открыли, а там два полушубка и овчина. Набросились, как воронье на дохлую скотину. Здесь Разумовский успокоил всех своим приказом.

— Никому ничего здесь не брать. Сложить все обратно в сундук и в мою подводу погрузить. Всех овец забрать. Он еретик, штундист, враг народа.

Стоит наш Павел Матвеевич, как в рот воды набрал, молчит. А вид у него как у святого с иконы, только повторяет.

— Бог дал, Бог взял, да будет воля Твоя, Боже.

Ягнят несут, овечек выгоняют из овчарни, барахло на подводы грузят. Овцы спокойно идут, на то они и овцы. Только Разумовский кричит:

— Скорее, шевелись!

Последнюю овцу притащили и говорят:

— Один баран остался в загоне, страшный такой.

— Давай и барана, — а сам к овцам наклонился. Открыли ворота, чтоб барана выгонять. И тут такое случилось, чего никто не ожидал. Баран метнулся из загороди, через весь двор разгон набрал и с ходу Разумовского сзади подсадил. Он через воз перелетел и приземлился с другой стороны. Только ойкнул. Бедный в дугу согнулся, стонет. Кричит: «Бейте его, то есть Павла Матвеевича, это он специально порчу на барана нагнал, чтоб он меня убил. Видите, стоит, руки поднял». Что тут творилось, трудно передать. Разумовского посадили в телегу и увезли.

Не выдержал я и рассмеялся.

— Так ему и надо, дядя Тима, поделом. Баран и тот сообразил, кто виновник всех бед.

Я безбожник был и в комсомоле состоял, а так хотелось, чтоб тот баран комсомольцам всем штаны порвал.

— И что же дальше было, дядя Тима?

— Да что дальше... Никак они не могли того барана взять, да и овечки вокруг него собрались. Матвеич в сторонку отошел, овечек к себе зовет. Они послушные были, склонили головы, идут к нему, баран тоже с ними.

Потом Матвеич веревку вынес. Сам барана за рога привязал к подводе. Овечек тоже привязали и увезли.

Так в первый день пострадал лишь служитель Божий, Павел Матвеевич. Не понимаю я его, Гриша, крепкий такой мужик был, сила в руках имела, а он не то что сопротивляться, сам грабителям помогал. На следующий день уезжать он решил. Вся деревня собралась у его двора. Еще бы, баран деревню спас от кровопролития, ведь все собрались стоять не на жизнь, а на смерть.

Матвеич вышел на крыльцо, сам снял шапку и нам всем предложил шапки снять.

— Давайте все прославим Бога, что так все кончилось, ведь могло быть и хуже. Все сняли шапки, кто Бога славил, кто стоял, но все понимали, что что-то важное происходит. В конце Матвеич помолился. Потом прощальные слова сказал:

— Дорогие односельчане! Вчера повеял ветер, но да хранит вас Бог от бури. Но буря грянет — и деревни этой не станет. Спасайтесь бегством, все, кто верит в Бога.

Мне Бог открыл, спасайтесь из этих мест. Я ухожу.

— Когда?

— Сегодня.

— Куда?

— Не знаю. Мой Бог спасет меня. Простите меня за огорчения, может, я кого обидел, к кому не проявил внимания, прошу прощения. С собой обиды тоже не понесу.

И он уехал. Штундистов в нашей деревне было одиннадцать семей, все они вслед за Матвеевичем куда-то выехали. Прожили мы две недели мирно, смеяться над штундистами стали, что они убежали тогда, когда никто не гнался за ними. И вдруг из области постановление:

«Покрыть долги, что собрались за два года. Все зерно сдать государству». Хлеб будут завозить уже печеный в деревенскую лавку (это так раньше в деревне магазины назывались), а мы его там будем покупать. Получается, что за свой же хлеб еще и платить должны. А тех, которые сопротивлялись новому постановлению, по ночам увозили куда-то, так что все очень быстро поняли, что нужно молчать, если хочешь жить.

Следующий раз приехали брать зерно и скот. Разговор с нами был короткий: «За малейшее сопротивление расстрел на месте». Никто и не подумал сопротивляться. Проверил и я свое хозяйство: Рябко живой, амбар с зерном пустой и ни зернышка. Проверил погреб.

Картофель забрали, только семенной остался и огурцы.

— Что будем делать, Катя, Матвеич говорил спастись бегством. Но куда было бежать? Детишек двое маленьких, третьего ожидали, дожидаться бы уже тепла. Матвеич говорил, что мы еще худших времен дождемся. Исполнились его слова. Но это было еще не все. Он говорил, что деревни этой не будет, так вроде Бог ему сказал. Какие страшные слова, дожить бы до тепла, потом уйти. Но как дожить? Картошку всю посчитали. Если использовать экономно, то до начала марта хватит.

И так не только у меня, а по всей деревне.

Так началась ужасная зима тридцать третьего года.

Деревня как будто вымерла, в гости ходили мало. Как-то сидим мы со своей семьей в хате. Стемнело, ветер в трубе свистит. Залаял пес. И тут я спохватился.

— Катюша, как нам быть? Картофельный запас мы разделили, но ведь у нас есть пес, о нем мы забыли! Что делать с ним, может, отвязать и пусть бежит куда-нибудь?

Опять залаял пес, и мы переглянулись — в такую погоду хороший хозяин собаку со двора не гонит.

Началась пурга, несколько дней из дому никуда не выходил, да и куда пойдешь в такую погоду и на пустой желудок. А может, это у меня только забрали, а все живут нормально? Да и совет какой-то нужен. Одедся потеплей и пошел по деревне. К вдове-соседке первой захожу, она в слезы.

— Оставили меня все и ты, Тимоша, тоже не заходишь. Ограбили среди бела дня, все забрали только немного картошки осталось. Бедная моя вдовья головушка. Во имя Бога молю тебя, не забывай меня и сироток.

Трудно мне было смотреть на ее слезы, сам чуть не заплакал.

— И у меня, соседушка, все забрали.

Ушел от нее с тяжелым сердцем. Ноги не хотят идти, вернулся домой, а дома встречает пес голодный. Я подошел к нему, а он возле ног трется и смотрит на меня, как будто хлеба просит. Я отвязал его: «Спасайся, как можешь». Спрашиваю жену.

— Катюша, когда ты последний раз пса кормила?

— Сегодня и вчера не давала ничего. Тимоша, картошка быстро уходит, чем детей

кормить будем?

Кто-то постучался в окно, смотрю, а это пес лапой стучит, кушать просит. Отнес я ему свою порцию супа, а сам голодный лег спать. Через какое-то время я решил снова пойти по селу. Может, у кого хлеба раздобуду для своих детей, да и для соседки-вдовы. Не давали мне покоя ее слезы. Вышел я из дому и не знаю, куда идти. Пойду, думаю, сначала к богатому другу. Пчеловодом он был, пасека большая, да и человек неплохой. Жили они вдвоем с женой, раньше медом меня угощал.

Зашел, поздоровался. Хозяин лежал в постели.

Хозяйка печь топила, видно, что-то собралась варить.

Подошел к хозяину, он сильно похудел. Просить милостыни не стал, а только спросил:

— Как дела?

— Какие дела, когда с голоду пухнуть стали. Трудились мы вдвоем с женой, от темна до темна, все было и на черный день откладывали. И вот настал этот черный день. Нечисть комсомольская в дом ввалилась, забрали все, что смогли, одну свеклу оставили. Вот мы ее пожиге варим и юшку пьем. Ноги пухнуть уже начали. Как уговаривал меня Матвейч, бросай свой дом, бери жену и уходи, хороший был человек, да кто его послушал. Одни единовѣрцы с ним и ушли. Не послушал я его, на свое богатство понадеялся. Золота собрал немало, мог бы не одну коровку купить, а теперь все отдал бы за буханку хлеба. Да кто его возьмет, золото сейчас как мусор, никому не нужно. Я предлагал уже не одному, никто и смотреть не хочет. Пошел бы я сейчас куда глаза глядят, да ноги не ходят. Только по двору с палкой пройду, а так все лежу в постели, доживаю последние дни.

Понял я, что напрасны все мои надежды помочь вдове и выпросить себе. Вернулся домой с пустыми руками. Катюша ждала, может, я принесу горсточку муки или кусочек хлеба.

— Нет, Гриша, не могу я больше говорить про те страшные времена, не только видеть, а слушать страшно. Уж лучше ты расскажи, как голод перенес.

— Дядя Тима, я помню очень мало. В газетах читал, что был голод небольшой в связи с засухой, но люди его мужественно перенесли. У нас картошка была, а сколько, я не знаю. Помню, мама нам делила суп картофельный.

Разделит нам всем и говорит: «Добавки нет и не просите».

А иногда картофель в мундирах сварит с огурцом и тоже поделит. Чай пили из веток вишни и малины. Только сахара мама не давала, соль на стол поставит и говорит: «Сахарите понемногу, много не лежите, а то вредно, потому что сахар нынче соленый». А уже через время и соль стала давать по норме. Иногда отец муки немного принесет, тогда мама суп сварит мучной, без картошки. В такие дни мы чай не пили, мама говорила, что чай попили в супе. Как-то знакомые приходят и говорят, что хлеб есть в городе. И про какие-то торгсины рассказывали. Я тогда не знал, что такое торгсины, думал, что-то съедобное. Здесь дядя Тима рассмеялся и говорит:

— Не все же подряд можно кушать. Торгсины это магазины были, где меняли хлеб на золото или серебро, да только в нашей деревне о них не знали, так бы, может быть, выжили, ведь золото у нас было.

— А у нас за торгсины говорили все, даже дети. И вот однажды отец пошел в город и два дня его не было. Вернулся с двумя буханками хлеба и говорит: «Саша, это мою маму звали так, — всего по две буханки давали, больше не меняют. Очередь такая была, жуть, на версту растянулась. Люди там с вечера стояли, а мы только к утру приехали». Долго мама делила этот хлеб. Утром и вечером ели хлеб, а днем воду теплую пили. Помню к Рождеству отец принес еще раз хлеб и говорит: «Вот это все, больше нет ни гроша, менять тоже нечего».

Дожились до того, что отец принес нам брагу с завода — это жидкость такая, цветом как кровь, а на вкус кислая.

Спиртозавод был в селе Дублянка, где делали спирт из зерна. Завод закрыли и все люди бросились туда, вот отец и принес нам, а мама ему и говорит: «Василь, от нее же люди

потравились, вылей».

Но больше всего запомнился мой день рождения двадцать четвертое марта. Мама приготовила обед, всем по картошке положила, а мне две дала и говорит: «Гриша у нас сегодня именинник». Володя, мой меньший брат, как заплачет: «Я тоже хочу быть именинником, почему Грише две, а мне только одна!» За столом поднялся плач.

Я проявил героизм: «Разделите эту картошину на всех».

Попили чай липовый и мама говорит: «Ну вот, дети, это и все, последнюю картошку съели, а теперь попробуем на воде жить». От воды мы все поправились. Я тогда не понимал, что мы уже стали пухнуть от голода, кушать уже не хотелось. Папа куда-то исчез, а мама была всегда с нами. Как-то заносит деревянное корыто, в котором когда-то хлеб месила и начала скоблить. Собрала немного муки вперемешку с опилками, поделила на кучки и варила нам суп. Так еще протянули. Она все повторяла: «Скорей бы поднялась крапива». Когда вернулся папа, я его не узнал, худой такой и страшный. «Смотри, Саша, я принес крапивы, только из-под земли появилась». Сварила мама эту крапиву и по пол кружки всем налила. А папе говорит: «Попей немножко юшки, а через время еще». Он попил, а на меня так странно смотрит. Я испугался, что он отнимет крапиву и быстренько проглотил свою порцию. Прошло уже столько лет, а я все еще помню, какой он страшный был, как простонал «скорей», когда делили крапиву. Начал просить добавки. Мама его к кровати подвела и говорит: «Полежи, а я сейчас еще приготовлю».

— Ну, детки, считайте перезимовали, уже трава пошла расти.

На следующий день мама сама пошла искать крапиву, а мы остались дома, а через недельку и нам разрешили идти на луг и кушать осоку, строго предупредив зелени не кушать, а только корень и белую часть. Когда я пошел в школу, рассказал своему двоюродному брату, как мы на лугу паслись. Он говорил, что тоже ел осоку и выжил, а соседский мальчик щипал сырую крапиву и кушал. Мой брат предложил ему выйти на луг, ведь осока вкуснее.

Он жадно накинулся на нее и стал есть не только белую часть, но и зелень. Скоро ему стало плохо. На следующий день этот мальчик умер. У них вся семья вымерла. Не всем так повезло, как нам, много людей умерло в тот год.

— Да, такого и врагу не пожелаешь. Помнишь я тебе говорил за Матвеича, он советовал спастись бегством.

Павла Матвеевича я встретил здесь в Харькове. Все его единовѣрцы остались живы. Тебе, Гриша, я сейчас расскажу то, чего я не говорил еще никому, если у тебя нервы крепкие и ты, ну скажем, не брезгливый.

— Дядя Тима, говорите всю правду, про это в книгах не прочитаешь, а я хочу все знать.

— Ну тогда слушай. Число умерших скрывают, пишут просто: «Были смертные случаи». Но как шила в мешке не утаишь, так и этого, сколько бы не скрывали число умерших от голода, все равно когда-нибудь это станет известным. Но я думаю, что немало, возможно, сотни тысяч, а может, и больше. Вымирали селами, но о себе они уже не расскажут. Свидетели, которые остались в живых, тоже молчат о той трагедии, которая постигла нас.

Так вот, дожить до тепла на одной картошке мы не смогли — уже в конце января картошка была на исходе. Пойду в амбар, а он пустой, только мыши бегают. Я Кате предложил:

— А что если мышей ловить, да кушать?

— Нет, не смогу, умру от голода, но мышей кушать не буду. Я не против, вари для детей и корми их, может, и сам поешь.

— Я тоже не смогу их есть.

— А что если попробовать обжарить их на огне?

— Обжарить-то можно, но кушать — нет. Нужно что-то придумать, картошка на исходе. — Тимоша, убей нашего Рябка, за это греха не будет, детишки-то слабые совсем.

— Да что с того Рябка, одни кости. И тут меня осенило.

— А что, если откормить его мышами, но только как это сделать, ведь он не кот, ловить мышей не будет.

Решил смастерить мышеловку и попробовать подкормить пса. Поймал мышь. Бросил собаке, не ест, только смотрит, то на меня, то на мышь.

— Давай его напоим соленой водой, а мышу немного осмолим, — подала идею Катя.

Так и сделали, получилось нормально. Мыша пошла как кусок мяса. Все съел. Через некоторое время поднес я Рябку живую мышу, он тоже съел. Тогда я открыл все сараи, чтоб он ловил сам себе мышей. Да и я, когда поймаю, подкидывал ему. За неделю наш Рябко поправился. Теперь уже очередь и до него дошла. Повесил веревку через перекладину, взял нож и тарелку для крови.

— Только не носи кровь в дом, детей испугаешь, да и я не могу видеть это, — попросила Катя.

Рябко бегают, трется у ног, смерть, видно, почуял.

Накинул я ему веревку на шею, завязал. Собака привычная была к ошейнику, не вырывалась. За веревку потянул и повис наш Рябко. Здесь я схватил нож, перерезал горло, а кровь в тарелку спустил и выпил. Снял шкуру с собаки и бросил в угол, а тушку в дом понес, чувство такое было, как будто я петуха зарезал.

— Давай разделим это мясо, чтоб на месяц хватило, — говорит Катя.

Начали делить, да куда там, тут и на полмесяца не хватает. Посмотрел я на своих детей Люсю и Гришу. Лица припухшие, под глазами мешки висят, по комнате еле ходят, да и у Катюши в глазах уже жизни нету.

— Нечего делить, сначала приготовим бульон и попьем. Потом еще добавим. Если сейчас не поддержать детей, то потом будет поздно.

После этого мяса мы ожили, но и оно очень скоро кончилось, что делать? Вспомнил про шкуру. Побежал в сарай, может, из нее что-нибудь можно приготовить.

Смотрю, а шкуры и след простыл, крысы все поели. От досады я чуть не заплакал. Был такой злой на себя, почему не догадался забрать с собой в дом? Такая досада взяла меня, что я скажу Кате, ведь она меня за шкурой послала. Надумал крыс ловить, но ведь от крыс и кошкидохнут, как же ими детей кормить, ведь они только чуть-чуть окрепли. Думал, с ума сойду, зачем так жить? Я жил ради детей, жены, а теперь сам их и погубил. Перед глазами умирающие дети и Катя пухлая стоят. Немного успокоился. Ну, а если бы я шкуру принес, еще неделю пережили, а потом? Какая разница, все равно умирать, сегодня или через неделю. Катюша говорила, что в погребе пусто, а если я проверю. Полез в погреб, кругом пусто, стал бочки двигать с места на место и заглядывать по углам. И вдруг вижу в углу картошка. Я от радости даже набрать забыл, побежал в дом.

— Катюша, у нас в погребе картошка еще есть! Набрал я с полведра и несу домой, много не мог унести.

— Там еще много!

Много — это одно ведро, а было только начало февраля. Натопили печь, сварили суп, поели и так хорошо стало. Перенес я весь картофель в дом. На чердаке нашел семенную кукурузу в кочанах, Тут мы совсем ожили.

Дожили до середины февраля. Но вижу, Катюша совсем слабая стала. Взял я весь домашний труд на себя. Обед готовлю, печку топлю, кукурузу тру. Но на стол подавала Катя, говорила, что это женское дело, а потом совсем ослабла, и это не стала делать. По комнате едва пройдет, да и то, куда ей, ведь через два месяца мы ожидали пополнения в семье. Стал все делать сам. Катю кормлю двойной нормой, а она, бедняга, и к столу не стала подходить.

Стала меня просить, чтоб я по селу пошел.

— Тимоша, сохрани деток. У нас и деньги есть, и золото. Отдай все и купи хоть немного хлеба.

Пошел я по селу. Решил соседку навестить, а то за своим горем и о ней забыл. Стучу, никто не открывает.

Толкнул дверь, захожу. Тишина. Плита не топлена.

Зашел в другую комнату, а на кровати большая куча подушек лежит и ни души. Опять на улицу вышел, следов нет. А может, их уже в живых нет? Надо проверить весь дом. На печь заглянул, под кровати тоже — нет нигде.

Взгляд упал на кровать. Поднял подушки — лежат, она и двое дочек. В испуге отскочил, решил, что они мертвые, но потом подумал: «А вдруг крепко спят». Снова подошел к кровати, стал потихоньку звать, потом громче.

Молчат. Рукой коснулся лба — холодные. Снял шапку, перекрестился. Стал думать, как могилу выкопать да похоронить. Земля мерзлая. Придется ждать тепла. Когда первое потрясение прошло, решил поискать продукты, им они больше не нужны. Спустился в погреб, обыскал все, кроме трех картошин ничего нет. Сарай проверил тоже пусто. Заглянул в кладовку — пусто. В коридоре увидел — узелок висит. Достал его, похоже фасоль. Да, точно, но как забрать? Вдову обидеть. Подошел к постели, прощения попросил, что без спросу беру. У Бога попросил прощения, чтоб Он простил грех. Принес домой, а Катя снова.

— Детишек сохрани, а мне больше не жить.

Я посмотрел на них, совсем отощали. Надо побольше давать есть, подумал я, но где взять продуктов? Пойду, наверное, к своим друзьям, в ноги поклонюсь. Может, до молодой пары зайти, что обвенчались летом? Не раз, бывало, когда возвращался с работы домой, приглашали чайку попить. Хорошая пара, они кусок последний пополам поделят. Живут далековато, но пойду к ним первым. Подхожу, ворота открыты, дом тоже. Самовар на столе стоит, а вместо сахара соль. Кругом все прибрано, как будто гостей ждут. На столе лежит записка:

«Прости нам, Боже». И дата — двадцать третье февраля.

Значит, три дня назад писали. На кровати лежат вдвоем, как будто спят. Уснули вечным сном. Подхожу, ужасно пухлые, воду, видно, пили много с солью. Венчальное платье положено сверху, так как она была вдвое больше прежнего. И он был одет в костюм, одна рука в рукаве, а другая свободна. Какая прекрасная была пара, а теперь жутко смотреть. Я ближе подошел. Платье измазано кровью, а у него рука в крови — у обоих вены перерезаны.

Подошел снова к столу, перечитал записку: «Прости нам, Боже». Ужасным смыслом наполнились эти слова. Ведь, говорят, самоубийцы в рай не попадут. Перекрестился в святой угол: «Прости им, Боже». Иду домой, еле ноги волоку от горя своего и людского. Дома рассказал Кате увиденную картину, она посмотрела умоляющим взглядом:

— Ты хоть не сделай этого, детишек сохрани.

Как тяжело вспоминать все виденное и пережитое. Решил снова идти по дворам. Думаю, на этот раз я не уйду, хоть кусочек хлеба для детей выпрошу. А в ушах все слова Катины: «Деток сохрани». Зашел к одним, тоже холодно и ни единого звука. Ноги мои стали какие-то тяжелые, не могу идти. Неужели все село вымерло! Нет, думаю, ради семьи надо жить. Почувствовал себя вором. Но не воровать я пришел и не грабить. В кусочке хлеба нуждаюсь.

Стол накрыт нарядно, а на столе что-то прикрыто расшитым полотенцем. Приподнял полотенце и глазам не верю, куча золотых монет и записка: «Каты, вы забрали нашу жизнь, возьмите и этот мусор». Кому это золото сейчас нужно, если семья умирает с голоду. Я жить хочу, кусочек хлеба найти бы. Каты забрали их жизнь?

Значит, их уже нет в живых. Прошел одну спальню, вторую. Тихо. Зашел в зал, а там два трупа висят. У меня уже и страх пропал, такого насмотрелся. Еще раз повторил в уме то, что было написано в записке: «Каты, вы забрали нашу жизнь, заберите и этот мусор». Нет, я не кат и мусор мне не нужен, но если есть сухая корка хлеба, я заберу. Всю кухню перерыл. Под лавкой вдоль стены картошки с полведра нашел и немного пшена. Почему, думаю, они покончили с собой? Еще могли бы несколько дней пожить.

Картошка была как камень, мерзлая. Принес домой и говорю:

— Сегодня я большой урожай собрал! А Катя мне в ответ:

— Детей накорми.

Я печь растопил, тепло стало. Радовался, что хоть Катя поест. А то она все детям отдавала, сама только воду пила, говорила, что не хочет. Я подошел к кровати:

— Катюша, не умирай, прошу тебя. Сейчас я приготовлю покушать.

— Поздно, Тимоша, детишек сохрани. Она была уже вся пухлая.

— Пить дай. Сварил я ту мерзлую картошку и даю ей.

— Тимоша, я не могу глотать, водички дай. Я растер картофель, с водой размешал, и она с большим трудом глотнула. Ужас охватил меня.

— Помогите, что мне теперь делать? Дочурка плакать стала, кто поможет мне, если все село умирает с голоду? Снова подошел к кровати.

— Катюша, покушай, ради меня, покушай. Что я буду делать один. Она глотнула два раза и покачала головой:

— Не могу.

Уже и дети стали просить, чтобы покушала. Она отказывается. Решил сам покушать немного, еще ничего сегодня во рту не было. Ем, а мысли все о Кате. Смотрю на нее, ужасно пухлая, глотать не может, а глаза все такие же голубые, но только неподвижные стали.

Тут дядя Тима, замолчал, посмотрел я на него, а он плачет.

— Не могу я, Гриша, говорить, тяжело. Кому я сделал что-то плохого, зачем жену у меня забрали?

— А детей?

— И детей я не смог сберечь. Сегодня не могу говорить об этом, как соберусь с силами, тогда и расскажу. Но только, Гриша, никому ни слова. Их не возвратишь, а себя погубишь. Наказ жены я не исполнил, не смог детишек сохранить. А ведь она ради них сама не ела, думала спасти. Всего семь лет прожили вместе! Она сиротой осталась в два года. Пусть будут прокляты те, кто жизнь людей губит. Он сел на скамейку.

— Дядя Тима, смена кончилась, пора домой.

Ушел дядя Тима, а я не находил себе места. Сегодня у нас лекция в клубе: «Происхождение человека». Может, туда пойти? Вход бесплатный, почему бы не сходить?

Народу собралось много. Лектор начал говорить о Боге, критиковал древних египтян, как они своих фараонов в богов превращали.

Сижу и думаю, а чем мы, современные люди, отличаемся от древних египтян? Они ставили статуи своих фараонов и кланялись им, а у нас на каждом углу памятник Ленину — чем вам не идол. Задумался так, что даже прослушал, о чем говорят. Снова прислушался, объясняют, что не Бог создал человека, а человек Бога. Только откуда взялся человек? Второй лектор рассказывал, как природа сотворила человека. Такую чушь понес, сам толком не понимал, о чем говорил. Рассказал о появлении человекоподобных обезьян. Эти первые обезьяны куда-то делись. Их называют «Потерянное звено». Это звено еще Дарвин искал и не нашел. Обезьяны и макаки являются нашими предками.

— У кого есть вопросы? Тишина.

Поднялся я:

— Как может неживое сотворить что-то живое и дать ему жизнь?

— Надо изучать химию. Если один химикат соединить с каким-нибудь другим, то получится третий химикат, совершенно не похожий на те первые два. Вопросов больше нет?

Я понял, что лектор абсолютно безграмотный. После выходных дядя Тима продолжил свой рассказ.

— Катя моя больше с постели не встала. А я все продолжал ходить и искать продукты. Бывало, в дом зайдешь, а там — живые, просят кусок хлеба. В таких случаях просто уходил. Искал дома, где были мертвые, там хоть что-то мог найти.

Видел даже такое. Лежит мертвец, крысы обгрызли его со всех сторон. В избе две детские головки лежат, детей поел, а теперь и его очередь пришла. Ничего не стал брать, спешу домой. Подхожу ближе, слышу, дети плачут. Поспешил в дом — Катюша навек уснула. Перекрестился, Царства Небесного пожелал, а слез нет. С трудом в сарай перетащил

ее, чтоб до тепла там лежала.

Дети сильно плакали, и я решил, что сделаю все, чтоб дети остались живыми. Пошел снова по хатам. Зашел к молотобойцу нашему. Дочурка у него была красавица, вся в папу. Думаю, может у него что есть, по старой дружбе даст. У такого не могут все забрать, одной рукой десятерых сомнет. Захожу в дом, о ужас, посреди комнаты лежат два трупа, еще теплые. У хозяина в руке ружье, наверное, застрелил жену, а потом и себя. Что делать, кому жаловаться будешь? Прошел на кухню, как обычно, посмотреть, может, что съедобное найду. На столе стоял чугунок с мясом. Удивился, откуда у них так много мяса, наверное, не всех овечек отдали. Решил взять мясо и поискать шкуры, чтоб не повторить ошибку, как с Рябком. Нашел шкуру, только шерсть вся в крови, потянул ее и замер от ужаса. Боюсь я, Гриша, дальше говорить.

— Да не бойтесь, дядя Тима, говорите, я никому не скажу.

— Это была головка их дочки... Тяжелый день был. Я уже не знал, что делать. Разум мутился от голода и всего увиденного, а дома голодные дети ждут. Захожу еще к одним, всего три года как поженились. Услышал детский плач.

— Хозяин дома? Слышу тихий голос откуда-то.

— Нету уже в живых, Тимоша, это ты? Тимоша, спаси мое дитя, оно еще живое. Меня оставь, мне уже не жить, сыночка заberi. Он, бедняжка, пустую грудь терзает, всю искусал и капли крови лижет.

Я ужаснулся. О Господи! Ребенок грызет материнскую грудь. Нет, это не людоеды. Людоеды те, кто обрек их на голодную смерть, а это их жертвы. Чем помочь этой малютке? Решил на обратном пути зайти.

Тяжело было смотреть на весь этот ужас. Прохожу мимо одного двора и вдруг слышу лай щенков. Зашел во двор, вижу, возле скирды три щенка играют, упитанные такие. Это был двор штундистов. Сами-то они выехали куда-то, но может что осталось из продуктов. В доме все было перевернуто и съестное забрано. Мать щенков ушла куда-то, а они были доверчивые. Я заманил их в дом и совершил расправу, кочергой ударил по голове, положил в мешок и понес домой. Чтоб не повторить ошибки с кожей, подвесил щенков и осмалил их. По комнате пошел приятный запах. Приготовил мясной бульон, решил не экономить, ведь дети совсем ослабли. Налил бульона и положил по кусочку мяса.

Уже стемнело. Дети попросили пить, чая не приготовил, дал им бульон. Затем уложил детей спать, перекрестился на ночь и сам лег. Среди ночи дети проснулись, пить захотели. Чувствую и меня жажда мучит. Выпил стакан воды, другой. Ну, а детей не стал поить холодной водой, а дал им бульон, пусть поправятся от сытного.

Утром я проснулся первым, дети крепко спали. Я поджарил мяса на сковородке. Разогрел бульончик и решил разбудить детей, так как время уже подходило к обеду. Приподнял одеяло, а они холодные. Тут я пришел в отчаяние, упрекал себя за то, что погубил детей своими же руками. Я не знал, что едой можно погубить их.

Остался я один. «Зачем теперь жить? — думал, — кому я нужен?» Вдруг вспомнил, как вчера молодая мать просила спасти ее сына. Налил бульона, хотел взять мяса кусочек для той женщины, но передумал, мясо может повредить и ей, а бульончику немножко можно. И пошел я спасать других, коль своих не смог уберечь. Захожу в дом, тишина как в гробу. Подошел к кровати, но уже было поздно. Богу душу отдала вместе с сыном. А он, бедняжка, искусал всю материнскую грудь. Так с грудью во рту и умер. Снова тот же вопрос в голове, зачем так жить? Надо пройти всю деревню, может, кто-нибудь еще есть в живых. Но нет, казалось, весь мир вымер. А может, это только наше село вымерло, только я остался жить, чтоб другим рассказать, ведь мертвые не расскажут.

Появилась у меня цель жизни, хотя бы для того, чтоб рассказать людям правду. Уходить надо подальше от этих страшных мест. До Золочева пятнадцать километров, а там ездят поезда на Харьков. Но как до Золочева дойти? В такую даль я не дойду, совсем ослабел.

Немного надо окрепнуть. Щенков осталось двое, доем их, а когда теплее будет, тронусь

в путь. Надо жену и детей похоронить. Священника призвать бы, да где он, священник? И как могилу вырыть, земля мерзлая. А если похоронить их в погребке, там земля мягкая. Детей на ночь оставил в доме, а завтра займусь похоронами. И вот на утро занялся работой. Перенес своих дорогих в погреб и разложил по порядку. Катюшу под стенку и детишек рядом. Накрыв одеялом, поцеловал на прощание и стал стены погреба разрушать, чтоб прикрыть тела землей.

Март выдался на редкость теплый. Каждый день сидел я возле могилы-погреба, не хотелось в дом заходить, лечь бы тут рядом и уснуть навсегда. Но теплая погода была не кстати. В домах лежали мертвецы и издавали такой ужасный запах, что даже на улице невозможно было находиться. Не смог я больше жить среди мертвецов, побоялся, что с ума сойду. Стал готовиться в путь. Доел все, что у меня осталось, взял свое добро, деньги золотые и просто кусочки золота. Вспомнил про золото, которое видел на столе у соседа. Но передумал брать, ведь не мое это добро, да и в крови человеческой оно. Свое возьму, может пригодиться, а если нет, то выброшу. Постоял у могилы, поцеловал порог дома, ушел уже под вечер. Всю ночь шел, но до восхода солнца только полпути прошел. Увидел скирду соломы возле дороги, прилег на солнышке и крепко уснул. Когда проснулся, снова продолжил свой путь. К вечеру я добрался до Золочева. Увидел людей и глазам своим не поверил, не надеялся уже увидеть живую душу.

— Дядя Тима, а что с вашей деревней стало? Вы хоть один раз там были после этого?

— Бывал и часто.

— А почему вы не женитесь, скучно ведь жить одному?

— Не могу, Гриша, больше жениться. А тайну тебе расскажу, но ты молчи и никому не говори. Эта тайна от народа скрыта, но все же государственные решения доходят до людей, ведь сама жизнь о них рассказывает.

Пришел я в Золочев, сел на поезд, народа было мало.

Дети ходят по вагонам и просят что-нибудь поесть. На сиденье сидело трое мужиков, и я решил подсесть к ним, послушать, о чем они говорят. Разговор они вели о хлебе, в каком торгсине дешевле. Спросили и меня.

— А ты в какой торгсин едешь?

— Не знаю, куда еду и не знаю, что такое торгсин.

— А ты часто в городе бываешь?

— Первый раз после зимы еду. В прошлом году был перед жнивами.

— Ясно, почему ты не знаешь, что такое торгсин, все про них знают, ведь это где золото меняют на хлеб.

(Только намного позже я узнал, что это сложное слово, состоящее из двух слов: торговля с иностранцами. Открывались магазины, где за золото иностранцы, а позже и советские граждане могли покупать то, чего не было в обычных магазинах. Во время же голода в этих пунктах обменивали хлеб на золото. Объяснение автора)...

Вначале, когда зерно стали вывозить из сел, взамен привозили хлеб печенный из города, а потом объявили, что нужно самим за хлебом ехать в город. Эти магазины называли торгсинами. А вам, что, никто не объявлял?

— Нет, никто.

— А как же вы зиму пережили или у вас хлеб никто не забирал?

— Хлеб весь забрали и люди все помирали, со всей деревни один я в живых остался.

Решили мы все ехать в дешевый торгсин. Народу было очень много, еще с вечера становились в очередь.

Так я за кусочек золота купил четыре буханки хлеба.

Вспомнил свою деревню. Ведь жили там люди богатые, у каждого золотишко было, а с голоду все умерли. Это работа Разумовского. Не сообщил нам ничего о торгсинах. Недаром говорил, что все будут помнить его. Вот, Гриша, я тебе и рассказал всю тайну. Чтoб построить тяжелую индустрию, нужно золото, а золото почти все было у людей на руках. Вот и решили забрать у людей зерно, чтоб они ехали в город и покупали хлеб за золото, ведь

человек все отдаст за кусок хлеба. Так и собрали добро людское.

— Дядя Тима, а сейчас, кто-нибудь живет в вашей деревне, давно вы там были?

— Я там бываю часто, сам знаешь, мои все там похоронены. Первый раз я пошел туда, как только окреп. Жутко было смотреть на это зрелище. Не доходя до деревни пару километров, я увидел клубы дыма, а смрад был невыносимый. Спалили нашу деревню, чтоб зараза не распространялась, а потом трактором все заровняли, как будто и не жили там люди... устроился я кочегаром, так и работаю здесь... Гриша, а ты помнишь ту лекцию о происхождении человека, ты ведь тоже тогда был, я тебя там видел.

— Да, помню, вы еще подошли к лектору, посмотрели на него и вышли.

— Да, Гриша, когда этот лектор вышел выступать, я своим глазам не поверил. Ведь это был Разумовский, старый конокрад, убийца нашей деревни. Ишь как в люди выбился! Я подумал, подойду поближе, в глаза ему посмотрю. У меня было такое состояние, что я готов был ему горло перегрызть за всех: за всю деревню, за мою семью, за детей, которых убили родители. Если бы он сообщил нам, что в городе меняют золото на хлеб, то никто бы не умер, у нас деревня была дружная, в беде никого не оставили бы. Решил я сжечь его в его собственном доме, но Бог уберег меня от этого душегубства.

Да, Гриша, есть все-таки Бог на свете.

— Дядя Тима, что с вами, почему вы так говорите?

— Да не было мне покоя, выследил, где живет этот изверг. Стал делать подготовку для исполнения моего приговора. Еду как-то в трамвае после работы, решил кое-что купить для этого дела, и вдруг знакомый голос.

— Никак из Панской будешь? Тимофей, да неужели это ты?

Смотрю, да ведь это же Павел Матвейч, штундист наш. Разговорились по дороге. Он ехал на свое собрание и меня пригласил. Я, конечно, не хотел ехать на их собрание, но очень хотел с ним поговорить, меня жгло всего внутри. Он это заметил и стал так душевно со мной разговаривать.

— Моя душа зачерствела после всего пережитого, а тут вроде плавиться стала. Ну и открыл я ему план, который жизни мне не давал. Не оставил меня Матвейч, навещать стал, убеждал меня не брать на душу смертный грех, страшным судом Божиим страшал. Привязался я к нему, Гриша, душой привязался.

— Да вы что, дядя Тима, никак в штундисты записались?

— Еще, Гриша, не записался. Да думаю только, что есть все-таки Бог.

Тут я совсем растерялся, а дядя Тима стал меня поучать:

— Ты говоришь что не веришь в Бога. Не верит в Бога тот, кому это выгодно, а выгодно кому? Грешнику. Кто будет отвечать за миллионы убитых душ, пусть не оружием, а голодом. Убивают только грешники. Они имеют власть, издают законы в ущерб народу, чтоб возбудить ненависть ко всему доброму. А когда человек потеряет веру в добро, тогда легко потерять и веру в Бога. Ты, Гриша, доверился ученым, когда ты был на лекции, разве ты не чувствовал духовную пустоту. Их доводы пустые — бездарность ума. Кыш, когда-то конокрадом скопил денег на людских слезах и в начальство выбился. За Бога говорить не буду, как сейчас принято говорить, «религиозная пропаганда» запрещена, за это судят и сажают в тюрьмы.

— Дядя Тима, хуже не будет. Я бы сейчас лучше в тюрьму пошел, чем так работать. Вы посмотрите на нашу работу, жара невыносимая, как в аду. Каждый день одно и тоже, лопата, уголь и раскаленная печь. А плата какая, хватает только на хлеб, суп и на спецовку, а чтоб пойти в кино или в театр, денег нет. В кино ходил только один раз, когда был учеником и работал бесплатно.

— Что ты, Гриша, задумал. Не вздумай бежать, дальше своей деревни не убежишь. Слыхал, двое ребят сбежали. Поймали их и судили, еще, говорят, милость проявили к ним, потому что малолетки, по году только дали. Работают теперь на угольной шахте бесплатно. Ну, а после снова сюда на работу пришлют, а могут и оставить на шахте работать.

— Что будет, то будет, а здесь работать не буду.

— Гриша, терпение — лучшее качество человека, а время покажет. Наберись терпения, а дальше будет видно, что делать.

Часть II. Вторая мировая война

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

— Гриша, ты слушал сегодня утром радио, слышал новость?

— Дядя Тима, какое радио, нужны мне эти новости. Вот у меня новости, снова опоздал на четыре минуты, проспал. Я уже на восемнадцать минут опоздал за последних три месяца. Еще мне осталось три минуты и меня осудят. Бежать надо, пока не поздно.

— Остановись, Гриша, никуда не надо бежать, заберут итак.

— Как заберут, куда?

— Сегодня началась война.

— Война, с кем?

— Германия, без объявления пошла на нас войной.

— Кто, Германия? Через три дня будут бежать до самого Берлина. Вы знаете, дядя Тима, у них танки из фанеры. Даже если и дубовые, все равно дерево. Против их танков у нас есть смесь горючая. Армия наша непобедимая. А что Германия? Их армия пока прошла Европу — истощилась.

— И где ты, Гриша, такой чернухи набрался, все шутишь, а я серьезно. В восемь часов будут передавать обращение Сталина ко всему народу нашей страны. Давай подправим топку и пойдем послушаем.

В своем обращении Сталин призывал народ подняться на защиту Родины. В голосе звучала тревога, в его речи я не почувствовал огромной уверенности в непобедимости наших войск. Первые отряды уже сегодня отправляются на фронт. В стране объявили военное положение. Во многих местах враг прорвал оборону пограничных войск и продвинулся на территорию нашей страны. Войска начали отступление. Уже за полтора месяца Украина была занята до Днепра, но была еще надежда, что задержат немецкие войска там. Но вражеский десант был высажен в тылу и отрезал всякое подкрепление. К концу августа фронт приблизился к Сумской области, а это уже рукой подать до Харькова. Наш завод и многие другие начали эвакуировать на восток. Людей, целыми отрядами везли, под Сумы рыть противотанковые окопы. В основном на окопы везли женщин и подростков.

Забрали и меня. Окопы рыли целый день под обстрелом немецких самолетов. Иногда они кружились очень низко и выбрасывали листовки. Я поднял одну и стал читать:

Советские дамочки,
Не ройте ямочки.
Придут наши таночки,
Раздавят ваши ямочки.

Надо же, в чужой стране, а чувствуют себя как дома.

Как-то на рассвете нас подняли по тревоге и объявили, что мы находимся в окружении. Приказ был опускаться в овраг и отступать вместе с войсками. В общем, спасайтесь кто как может. Мы шли вместе с солдатами, но никто не знал, куда. Одни говорили, что в сторону фронта, другие, что мы отступаем. Такая толпа людей, хорошая мишень для немецких самолетов. С трудом вышел из общего потока и поднялся на вершину холма. В этот день был сильный дождь и я никак не мог определить, где мы находимся. Хотя надеялся, что нахожусь где-то недалеко от родной деревни. Услышал ржание лошадей, значит, обозы рядом. Только

не знал, наши или немецкие. Спустился в овраг, отсидеться пару дней, чтоб фронт прошел и потом искать дорогу домой. Дни были теплые, по солнцу определил где юг и пошел в сторону Полтавы.

Много прошел незнакомых деревень, все спрашивал дорогу домой. Люди у нас добрые, встречали хорошо, давали поесть, предлагали переночевать. Так на десятый день добрался домой. Был поздний вечер, во дворе стояли две подводы. Стучу в окно, не открывают, только в доме все засуетились. Снова постучал посильнее и услышал Олин голос.

— Кто там?

— Ты что, своих в дом не пускаешь?

— Папа, это же Гриша!

Дверь открылась и навстречу мне выбежала мама.

— Заходи, сынок, скорее в дом, откуда ты взялся? А я им нараспев:

— Бежал бродяга с Сахалина звериной узкою тропой... И вот он уже дома, что, не ожидали?

— Не поймешь, откуда ждать. Одних везут на запад, другие бегут на восток. Ты, конечно, голодный, сынок?

— Не прочь перекусить что-нибудь, да только повкуснее, надоели скитальцу сухари.

Тут и отец появился, начал целовать, мама и ахнула:

— А я и поцеловать забыла, так растерялась.

— Лучше, мам, позже, чем никогда.

— У тебя все шутки — прибаутки, расскажи лучше, где был?

— Страну Советов изучал, прошел от южных гор, до северных морей и другой такой страны не знаю, где так много гибнущих людей.

— Успокойся, сынок, время военное.

— Да я и не понял, на какой стороне нахожусь. Или может, у нас в гостях немцы из самого Берлина?

— Гости, но только не из Берлина.

И тут я только заметил чужих людей во второй половине дома. Быстро накрыли на стол и сели ужинать. Стал рассматривать людей, мне показался один из них знакомым. Это был начальник станции.

— Колесников Николай Иванович. Это моя жена и дети. А ты кто будешь?

— Сын собственных родителей. Родился по собственному желанию, умру по сокращению штатов. Владею десятью языками и все по-русски, на Украине зовут Грыцько.

Отец рассердился.

— Поменьше языком болтай, я тебе ведь уже говорил, что военное время.

— Отец, а разве я выдал военную тайну, я ведь только назвал свое имя, впредь постараюсь и этого не говорить.

— Гриша, лучше расскажи о Харькове.

— Да что я знаю, заводы все эвакуируют в Сибирь. В Харькове творится ужасное, все куда-то едут, поезда перегружены. Нас заставили окопы рыть, а потом отдали в руки немцев. Говорили, что на окопы везут, а попали на передовую с лопатой в руках, вот и воюй, как хочешь.

На утро оказались в окружении. Лопаты побросали, копать нечего, разве только могилу для себя. Солдаты стали отступать и мы вместе с ними. Решил разобраться и вышел на бугор. Смотрю, а немцы идут в том же направлении, что и мы. Переждал пока они пройдут, немцы пошли на восток, а я в обход, на юг подался. По солнцу ориентировался, так и пришел домой.

— Да, пережил уже немало, — вздохнул отец, — но Бог знает, что впереди всех ждет? Вспоминаю, как я воевал, был я на три года старше Гриши тогда. После революции на Украине появились всякие отряды. Колчак, Петлюра, Махно, каждый норовил себе людей набрать. За кого воевать, не поймешь. Облавы на мужиков делали, всех забирали. Я решил одеть кофту, юбку и пошел полоть огород. Смотрю, идет толпа, я ногу подогнул и полю

огород. Они остановились, посмотрели и ушли, кому нужна безногая баба? И на фронте тоже побывал. Пошел мне тогда двадцатый год. Приказали отступать. И отступать не хочется и в плен не знаешь к кому идти.

Попадешь в плен, все равно воевать пошлют. Только поменяют звезду на трезуб. Увидел мертвого солдата, вымазал себе руки и лицо в кровь, взвалил этого мертвеца на плечи и потащил. Проходят мимо солдаты, а я их спрашиваю, где находится медсанбат, мол, ранены, нужна помощь. Они посоветовали в тыл идти. Так и я нес его, от пуль спасаясь. К ночью до леса добрался и как ты, Гриша, домой пришел. В погребке скрывался до тех пор, пока они разбирались, чья власть лучше.

В конце сентября шли бои за Харьков, фронт обошел нас стороной. В село приехали немцы, назначили двух полицаев и жизнь пошла своим чередом. В поле тогда много бродило коров и лошадей. Люди ловили их и забирали себе, так и жили. Однажды объявили, что к нам в деревню должны приехать войска СС и их нужно достойно встретить. В центре собрались все жители деревни. Был приказ, как только въедет немецкое начальство, встречать их хлебом-солью, по украинскому обычаю. А все должны были стать на колени и поклониться. К обеду приехали немцы на броневиках. Встретили их хлебом-солью, поклонились. Стали объявлять новые законы через переводчика. Сообщили нам, что они пришли не как завоеватели, а как освободители от большевистского ига. Войну они ведут только с коммунистами и евреями. Всему остальному народу они дают свободу и независимость от власти коммунистов. В свою очередь, весь народ должен помогать им разоблачать скрывающихся коммунистов и евреев. За неподчинение новой власти — расстрел.

— Сегодня вы должны выдать в наши руки коммунистов и евреев. Мы произведем над ними справедливый суд. Все коммунисты и евреи должны быть повешены.

Если кто из вас будет их скрывать в своих домах или будут знать, где они скрываются и не сообщат, будут расстреляны. Тот, кто выдаст их нам, получит вознаграждение.

Через некоторое время снова нагрянули немцы, собрали всех мужиков. Объявили, что по лесам появились партизаны, поэтому за всякую связь с ними — расстрел. А если в какой-нибудь деревне будет убит немецкий солдат, то за это расстреляют пятьдесят человек. Затем привели двух молодых ребят, моих ровесников, и объявили, что они имели связь с партизанами — их расстреляли. Назначили старосту села, который должен докладывать о всех подозрительных личностях. Если же будет скрывать, то расстреляют и его.

Как-то поздно вечером неожиданно появился Николай Иванович. На этот раз один, без семьи. Говорил с отцом о каких-то лагерях для военнопленных. Потом позвали меня.

— Гриша, на доброе дело нужен связной, ты хорошо ездишь на лошади. Спасать людей от гибели нужно, так что будь готов.

— Я-то готов, только к чему?

— Меньше будешь знать, лучше для тебя будет. Риска большого нет, связным будешь. К примеру, зайдешь в дом, куда тебя пошлют и скажешь: «Вас зовут в гости». Без лишних слов. Тебя могут спросить: «Куда идти и когда?»

Так я стал связным. Отец предложил мне общаться с молодежью, прислушиваться к их разговорам. Если что важное или интересное узнаю, то говорить ему. Обычно Николай Иванович спрашивал:

— Что нового слышно?

— Особого ничего. Говорят, что Нюра своего мужа из плена привезла. Много пленных с голоду умирает.

— А есть такие, которые хотели бы помочь,?

— Не знаю. Света говорила, что очень жалко их.

— А не можешь ты ее к нам позвать?

Я сходил за ней. Николай Иванович и Света долго разговаривали, он давал советы, как можно помочь пленным. Можно сварить картофель и бросать в колонну пленных, но не подходить близко, охранники могут убить.

Через время она и другие девчата ходили из дома в дом, просили хозяек картошку варить в «мундирах». Женщинам он советовал:

— Вы стойте на обочине дороги, когда боковые конвоиры пройдут, бросайтесь в середину колонны и поднимайте плач. Со стороны это будет выглядеть так, как будто вы узнали мужа или брата, смотря по возрасту. К вам подбежит конвой и будет оттягивать вас, но вы не обращайтесь внимания. Вы плачете и тащите пленного из колонны. Просите у конвоя. Они не поймут, но догадаются, что какая-то родня. Иногда в таких случаях отпускают пленного. Последними в колонне идут самые слабые, они обычно отстают и их подгоняет конвой. Старайтесь выручать этих. Совсем ослабших расстреливают, чтоб их не убивать, могут и отпустить. Но предупреждаю, наблюдайте, чтоб и вас не побили.

Откуда Николай Иванович знал дни и сколько колонн будет идти, не знаю, но знал все наперед. Ночевал он очень редко. Мне очень нравились его беседы. Он знал, где проходит фронт и делал свои выводы.

— Нет, не будет немец у нас хозяйничать, проиграет он войну. Сначала наши не боялись сдаваться в плен, но теперь все знают, что пленных везут прямо в крематорий, из-за своей жестокости немцы проиграют. За убитого солдата сожгли всю деревню. Знаете, что случилось в деревне Княжна? Немцы там стояли, обобрали людей, издевались над девушками. Кто-то не выдержал и убил двоих солдат. Эсэсовцы согнали все село к школе и стали допрашивать, где находятся партизаны. Конечно, никто ничего не сказал. Тогда немцы замкнули детей в сарае и подожгли его. Матери волосы рвали на себе, бросались в огонь — и детей не спасли, и себя погубили. После этого на дверях у коменданта появилась листовка: «За каждого сожженного ребенка пустим под откос поезд. Это партизанский суд». Остается только удивляться, кто смог повесить это объявление под носом у часового. Не свободу немцы принесли, а уничтожение.

В Харькове был ужасный погром на евреев. Всю жизнь люди прожили по соседству, казалось, друзья неразлучные. Русский, еврей, украинец — никому и дела нет, кто ты по национальности. И вот приказ: «Выдать всех евреев». За Харьковским тракторным заводом вырыли огромную яму, согнали тысячи евреев и из пулеметов расстреляли. Кого убили, а кого только ранили, но все попадали в яму и сразу же начали их загребать трактором, даже не добивали, так живыми и закопали. Люди поняли, что такое фашизм и стали евреев прятать, рискуя своей жизнью. Хотя немцы завоевали всю Европу, но в России они застряли. В лесах появились партизанские отряды, мстят немцам, взрывают железные дороги.

Мне стало жутко от этих рассказов. Что делать, коммунисты много горя принесли, а фашисты не меньше.

Николай Иванович куда-то исчез, к нам больше не приходил. Долго мы терялись в догадках, что могло случиться. В середине сорок второго года к нам зашел нищий. В то время много городских ходило по селам, меняя одежду на продукты. Старик попросил кружку молока. Мама вынесла ему, а он спрашивает:

— Здесь живет Василий Павлович?

— Да.

— А сына вашего Гришей зовут?

— Да.

— Вам привет от Николая Ивановича.

Мать пригласила старика в дом, долго он беседовал с отцом, а ночью ушел. Потом отец мне рассказывал: «Николай Иванович был еврей, его семью немцы расстреляли. Его тогда не было дома, поэтому он спасся и скрывался у своих знакомых. Сейчас Николай Иванович командир партизанского отряда».

Германия

Суровая зима миновала. Весеннее солнце обогрело землю, которая так и просилась под плуг, да только мужиков мало осталось. Те, которые остались, собрались решать, как

обрабатывать землю, как и раньше, колхозом, или единолично? Озимые сеяли вместе, решили и яровые сеять вместе, а дальше жизнь покажет. Так я снова стал колхозником. Хорошо работать всем вместе, а вечером на улице проводить время с молодежью, не то что на заводе кочегаром. В деревне жили несколько человек пленных, которых выручили, и женщины гордились, что смогли их спасти. Лошадей было маловато, и мы запрягали коров.

Фронт продвинулся в сторону Курска, и у нас в тылу спокойнее стало. Закипела жизнь. Девчат по семнадцать — восемнадцать лет поставили погонщиками, а парни ходили за плугами. За день набегаясь за плугом, а вечером все равно тянет на улицу. Мне досталась хорошая пара лошадей, хожу за плугом и мечтаю. Погонщицей была моя одноклассница, ей как и мне, было семнадцать лет. Хорошая девушка, боевая. В школе все мальчишки ее боялись. У меня, конечно, конфликтов с нею не было, я считал ниже своего достоинства заводить драку с девчонками. В свое время помогал ей по математике. И вот мы снова вместе работаем, а по вечерам мы собирались в одной компании.

Настал июнь. Десятое число. В тот день было очень жарко, и мы сильно устали, мечтал поскорей искупаться в нашей речушке. Но дома меня ожидала новость.

Молодежь вызывают к старосте, придется идти. Когда все собрались, староста прочитал приказ.

— Вся молодежь направляется на работу в Германию добровольцами, иметь при себе запас продуктов на неделю. Предупреждаю, кто получил повестку, с деревни не выходить. Кто не явится по повестке, будет считаться дезертиром. За дезертирство будет судить военный трибунал. Всем явиться на станцию к десяти часам утра.

Эта новость быстро разнеслась по деревне. В домах поднялся плач, ведь сразу ясно, какая добровольная работа ждет их детей. Отправить своих сыновей и дочерей в Германию равно, что похоронить. Нас всех предупредили, что деревня окружена и если кто попытается убежать, будет расстрелян на месте. Мои родители не могли долго прийти в чувство. Мать начала причитать.

— Лучше бы ты, Гриша, дома не появлялся, тогда, может, была бы какая-нибудь надежда, что ты переживешь эту войну. А теперь не знаю, увидимся ли мы еще.

Отец печально произнес:

— Сегодня у нас прощальный день с Гришей, а завтра увезут его в Германию, другого пути нет, придется расстаться. Сказали приготовить торбу на неделю. Мать, дорога далекая, готовь не меньше как на две.

— Вася, я не отпускаю его, это же конец, как ты не понимаешь? Отвези его в лес.

— Куда?

— Ты что не знаешь?

— Поздно, деревня окружена.

Мать горько зарыдала. За ней стали плакать мои сестры и братья, не удержался и отец. Один я не знал, что мне делать — плакать или нет. И страшно, но в то же время в душе какое-то любопытство. Куда угодно пусть везут, только не в кочегарку, хотелось свет повидать. Я думал, поработаю в Германии, соберу денег и вернусь домой. А вдруг не вернусь? Не хотелось расставаться с деревней, друзьями, со своей погонщицей. Неожиданно вспомнился сон, который приснился, когда я был кочегаром. Первый сон исполнился уже давно, а сейчас, похоже, начал дополняться второй. Но сон не предвещал ничего хорошего. Меня тащили на веревке, я бился головой об мостовую. Нет, сон тот был плохой.

— Ну что, сынок, пойди попрощайся со всеми. К родственникам зайди и с друзьями побудь в последний раз.

Пошел я прощаться, всех родственников обошел.

Куда ни приду, все плачут, как будто хоронят. Потом пошел в центр села, где собралась молодежь. Стали петь песни грустные, танцевать не хотелось. Решили пройтись по деревне. Не раз я видел, как провожали парней в армию, там были пожелания и советы. Но эти проводы сильно отличались от тех — мы прощались. Никто этого не говорил вслух, но каждый понимал, что прощается, возможно, навсегда. И еще одно существенное различие

было в этих проводах: провожали не только ребят, но и девушек. И это было самое ужасное, ведь многие из них ни разу не выезжали из деревни. Обнимались, целовали друг друга и плакали. Слез не стыдились. Подошла и ко мне моя погонщица. Обнявшись долго плакали, она одно твердила: «Не отпущу». Уже занималась заря нового дня, но никто не расходился. Дома никто не спал в эту ночь.

Мать пекла хлеб и жарила кур. Прилег немного отдохнуть, но уснуть не мог. Видел, как мать заливалась слезами, и сам не мог удержаться от слез. Чувствовал ли я тогда, что я ее больше не увижу? Не знаю. Около восьми часов утра отец стал запрягать подводу.

— Ну, сынок, готовься в дорогу. Друзей себе ищи надежных, хороший друг в беде не оставит. Будет трудно, но ты крепись. Тут зашла во двор погонщица.

— Я к тете Саше.

Мы зашли в дом, и она на стол положила сверток.

— Это сало для Гриши в дорогу, мама передала. А когда будут провожать?

— В девять, всем селом на станцию поедem.

В девять часов мы выехали. Впереди ехали сельские полицаи, староста села и солдаты. Закрывающими колонны были три немецких солдата с автоматами на плече. Казалось, будто все село арестовали. В деревне никого не осталось, только собак с цепей спустили. Я шел с отцом и матерью, сзади мои родственники. Мои двоюродные брат и сестра тоже попали в этот набор.

Отец мой всю дорогу шел и давал мне советы, а мама тихо плакала.

— Сынок, береги себя, зря не рискуй, ведь никто не знает, куда вас везут. Ну, а если будет трудно и жизнь будет в опасности, то советую, бросай все и беги, только бегством спасешь себе жизнь. Живи надеждой, смотри, не один ты оставил близких. Не забывай нам писать письма. Много не пиши и плохого тоже, письма, возможно, будут проверять и могут выбросить, если им что-то не понравится. Напиши, где живешь и как, а когда встретимся, тогда все расскажешь.

— Папа, я читал когда-то о том, как Ленин за границей жил. Он писал много секретных писем. Их проверяла царская цензура, но никогда не могла прочесть, что там написано. Он писал чернилами, а между строчками молоком. Молоко когда высыхает, то не остается и следа от него. Но его друзья знали, что нужно делать, они проглаживали письмо горячим утюгом и тогда проявлялись буквы. Я уже пробовал и очень хорошо получается. Я буду тоже так писать, а вы уже знайте, что нужно делать с моим письмом.

— Смотри, Гриша, зря не рискуй, а то ты начитался всяких книжек, а в жизни оно все по-другому бывает.

— Не переживай, папа, все будет хорошо.

— Дал бы Бог.

Так, разговаривая, мы пришли на станцию, где нас ожидал товарный эшелон. Некоторые вагоны уже были заняты. Двери были закрыты, но верхние люки открыты и по ним можно было определить, в каких вагонах едут девушки, а в каких парни. Нам открыли два вагона. На полу лежала солома — наша перина. Полиция окружила платформу и приказала лезть в вагоны. Что тут началось, кажется, только сейчас поняли, какая ужасная участь ждет нас. Прощание. Тут подошла и моя погонщица. Мы обнялись, поцеловались, всплакнули и на прощание она подарила мне платочек. Потом отец и мать стали прощаться. О, это совсем не то прощание, когда нас провожали в город на работу, как хотелось запомнить навсегда родные черты.

— Прощай, сыночек, может, это последний раз мы видимся с тобой. Будем надеяться на лучшее, до встречи.

Это были последние прощальные слова — больше я их не видел. Матерей невозможно было оторвать от детей. Полицаи стали отгонять родных, бить прикладами, но невозможно было что-то сделать. Состав стал медленно трогаться, вся толпа рванулась следом. Долго бежали, потом постепенно стали отставать. Потом остановились и нам было видно издали, как все стояли с поднятыми руками, будто в последней надежде обращаясь к небу, моля о

помощи.

В вагоне было очень жарко. В углу стоял бачок с водой, один парень стал предупреждать:

«Воду пейте понемножку и ни капли чтоб не разлили на пол, продукты расходуйте экономно, вдруг ехать будем долго». Так этот парень и стал старшим по вагону.

Девчата с нашего села ехали в соседнем вагоне. Стало очень душно и кое-кто начал пробираться к люку, но другие стали возмущаться, что совсем нет воздуха.

Постепенно все замолчали. Хотелось осмыслить происшедшее. Ведь последние сутки прожили как во сне.

Уже под вечер поезд остановился в поле. С одной стороны открыли двери, от вагонов далеко отходить запретили. Это было наше первое испытание — ведь не животные же мы. Хотя бы на какой —нибудь станции остановились, где был бы туалет. Но нам объяснили, что на станциях остановок не будет, чтоб не разбежались.

Иногда делали остановки на полчаса, проветривали вагоны. Очень долго везли до Бреста. У некоторых, в основном у ребят, продукты были на исходе. Я старался экономить и сало кушал понемногу. В Бресте застряли надолго, говорили, что наши железные дороги не совпадают с Германскими и нас пересадят в другие вагоны. Старались держаться своих знакомых. Я находился со своими, а двоюродная сестра Катя все мне говорила, чтоб с продуктами обходился экономно и далеко не уходил. В пути мы уже находились десять дней и за это время нас ни разу не покормили. Как-то засмотрелся на цыганскую свадьбу. Я никогда не видел цыган и с любопытством наблюдал, как они танцуют. Проголодался и решил покушать, да не тут то было — сумки моей с продуктами уже не было. На следующий день сижу голодный и это заметила Катя.

— Гриша, у тебя что продукты кончились?

— Да.

Стыдно мне было признаваться, что я свои продукты проглазел. Так мы вместе с Катей питались несколько дней. После этого нас снова погрузили в вагоны и через сутки пересекли немецкую границу. Мы были измучены до предела, кто послабее, стали терять сознание. Ведь брали еду на неделю, а в пути мы были уже две недели. В Германии нас отправили в лагерь. Никто больше не говорил, что мы добровольцы, ясно было, что нас ждет каторга. Лишь на следующий день после прибытия нам дали сухой паек: хлеб, маргарин и вареные яйца. В очереди за пайком простоял два часа, столько было там «добровольцев», и все были очень голодные. Разбил одно яйцо — воняет, второе — еще хуже. Послышалась команда: не разбивать яиц — все сдать на кухню. Так в первый день нас встретила Германия. А дальше еще хуже. Стали приходить в лагерь местные жители выбирать себе людей на работу. Построили нас рядами, как на базаре. Приходили дамы в шляпах, господа в цилиндрах. Выбирают, а выбор был большой. На меня посмотрят, худой, черный, как цыган, и проходят мимо. Мы не знали, как себя вести в таких случаях. Позже я узнал, что нужно было бы низко поклониться, когда проходит дама, тогда, может, и внимание обратят, мол, послушный парень. Оказывается, что продать себя в рабы тоже надо уметь. Рассматривали нас точно, как лошадей в нашей деревне на базаре: в рот заглянут, повернуться заставят — понравился, но хорошо это или плохо, никто не знал. Все боялись оторваться от своих, только позже мы узнали, что те, которых выбрали в рабочие к хозяину, были счастливее нас. У них работы было много, но кормили хозяева лучше. Тех, которые не попали к хозяину, в том числе и меня, отправили на военный завод, который находился по адресу: Гредиц бай Риза. Рядом с заводом находился лагерь, деревянные бараки, забор из стальной проволоки высокий, метров пять. Часовые ходят с винтовками, а ночью еще и с собаками. Из лагеря выход прямо в завод. Это был так называемый «гражданский лагерь», а какие тогда военные?

Как сейчас помню расположение лагеря. От проходной через весь лагерь проходила широкая дорога, мы ее называли «Главная аллея». По обе стороны этой аллеи были наши бараки, длинные, разбитые на большие комнаты. Спали мы на двухъярусных кроватях по тридцать человек в каждой комнате. Посредине барака стояла Металлическая плита для

обогрева и несколько табуреток. Было очень тесно, ходить места не было. Первые бараки от проходной были мужские, затем была большая площадка, которая отделяла их от женских. На этой площадке разрешались совместные вечерние прогулки.

Больше всего людей было в выходной день, сплошной базар, ходят все. Свезли сюда одну молодежь. Со временем мы все перезнакомились. Строго запрещалось заходить парами в барак, семейных в лагере не было и жениться строго запрещалось. На заводе, где мы работали, были французы, чехи и поляки. Для них была отдельная проходная, так как они жили далеко от завода и их возили на работу в крытых машинах.

Мы носили квадратную нашивку на груди с буквами ОСТ — первые три буквы от слова «Ост-арбайтэр», то есть «рабочая сила с Востока». Поначалу работа у меня была относительно легкая, токарем в инструментальном цеху.

Но не работа изнуряла, а голод, кормили нас два раза в день супом из брюквы или из шпината. Летом два раза в месяц по выходным дням нас выводили за проволоку, но под строгим наблюдением. Вспоминал слова отца, как он мне говорил: «Если будет невыносимо, то убегай».

Осенью в лесу созревала черника, во время этих прогулок можно было покушать, но с собой брать запрещалось, если поймают на проходной, то черникой все лицо измажут. В лагерь запрещалось приносить любые продукты. Иногда нас жалели местные жители, приносили на работу вареную картошку, но если надзиратель найдет у кого-нибудь еду, то исполосует так плетью, что ничему рад не будешь. Мой земляк Иван Головкин, двадцати лет, такой был верзила, а теперь осталась одна тень. Он ходил искал по мусоркам что-нибудь поесть, но кроме отходов вываренного кофе, которые выбрасывали немцы, ничего не было. Но и за это кофе часто возникали драки возле помойки. Потом стали кофейную гущу смешивать с песком — все равно ели, но промывали в воде, песок быстрее на дно садится. Однажды возле мусорника Ивана поймал лагерный надзиратель и сильно избил — не вытерпел парень, ночью повесился прямо на ограде.

Получил он двойную смерть. Ночная охрана увидела его на сетке и выстрелила, но ему было уже все равно, он был мертвым. Тяжело я пережил эту первую потерю. Но очень скоро многие из нашей деревни стали чахнуть на глазах. Похоронил и своего самого близкого друга - Ваню Прилуцкого, он умер от истощения. Конечно, всех не перечислишь, слишком много людей умерло в первый год. Для меня самого первый год был еще терпимым.

Рядом со мной на заводе работал немец. Им не разрешалось разговаривать с нами, но это был особенный немец. Разговаривать мы не могли, но он все равно ухитрялся помочь мне. И это у него хорошо получалось, говорил он просто глазами. Смотрит на меня, пока я обращаю внимание, потом чуть заметно глазами укажет на станок и уходит. Я чистил его станок после работы и знал, что мог взять все, что там было. Обычно я находил кусочек хлеба, чуть смазанный маслом, а иногда две-три картошки, но не больше, чтоб на проходной не заметили. Это и спасло меня в первый год от голодной смерти. Однажды его вызвали во время работы к начальнику.

Через полчаса он вернулся очень расстроенный и говорит мне по-немецки, я немного уже понимал.

— Нехорошие русские друзья, нехорошие.

Во время перерыва подходит немец-переводчик и говорит, что я в чем-то провинился и меня переводят в литейный цех. Я понял, что кто-то доложил начальству, что мой напарник меня подкармливал. После этого случая для меня настали ужасные времена, началась и для меня голодовка. Постоянно мучил один и тот же вопрос: «Что покушать?»

Пошел мне уже девятнадцатый год, чувствовал ужасное одиночество. Понимал, долго так не протяну, нужно что-то предпринять, но что? Познакомился с одной девушкой. Мы ходили на работу и с работы по одной дороге, решил расспросить ее, откуда она. Мы все чаще встречались, разговаривали. Я привык к ней и стал больше доверять. Гуляли вместе в свободное время по лагерю, вспоминали о прошлом, надеялись на будущее.

Но к ней в барак никогда не заходил. Если парень зайдет в женский барак, то

провинившегося избивали плетками.

Боялся я этих наказаний и ее не хотел подвергать опасности. Если кто хотел пройти с девушкой, то должен ходить только на расстоянии, под руку ни в коем случае не брать. Однажды я по своему невниманию очень пострадал. Это было вечером после рабочего дня. Шли мы, разговаривали, гадая, где сейчас фронт, удастся ли нам увидеть еще своих родных. У нее родители остались на Украине, как и у всех нас. Думали, что будет с нами в случае окончания войны, ведь считалось, что мы добровольно поехали на работу в Германию.

— А вдруг мы здесь останемся, ведь никто не знает, где мы, что с нами. Даже если война закончится, кто будет заботиться о тех, кто добровольно уехал работать к врагу? Так и умираем все от голода и непосильной работы.

— Мы как рабы, разве это жизнь, на кого похожи стали, как скелеты. Бьют за малейшее нарушение. Допустим, захотел взять тебя под руку, что здесь такого? Но только попробуй, сразу же получишь плетки.

— Да, кому-то и поцеловаться можно, — ответила она. — А здесь за такую вольность на выходной день в бункер сажают. Бункер — это большое круглое здание, разбитое на маленькие комнатки без окон — летом там нестерпимая жара, — сколько девушек наших там отсидело, за малейшее нарушение можешь там оказаться. Из нашей комнаты одна девушка отсидела три выходных подряд. Она шла к иностранцам через их проходную без отличительного знака ОСТ, какие носят все русские. Мы тоже иностранцы, но нас за людей не считают, просто рабочая сила с Востока. Когда она отсидела третий раз, то заявила, что в нашей комнате есть продажные шкуры, которые передают немцу Гримбергу все наши разговоры. Она стала подозревать одну и говорит ей: «Иди и продавай меня этому гаду за тарелку похлебки, но знай, что будет поздно, пока немцы придут, меня уже не будет. Моя смерть будет на твоей совести». Мы начали ее успокаивать, но она заявила, что такого надругательства не выдержит, из лагеря убежит. «Знаешь, Гриша, много ребят, да и девчат, бегут из лагеря, но далеко не убежишь, все равно поймают. Бьют и снова в лагерь отправляют, тогда ты уже меченый. Вчера привезли беглецов, четыре девушки, а остальные ребята. Какие они измученные, а мы их счастливыми называли, надеялись, что убежали и не поймались. Думали, что они уже до Украины добрались, а их на Эльбе поймали. Поезда проверяют собаки, специально обученные на людей, ни один товарняк без проверки не пропустят. Говорят, что они работали в каком-то штрафном лагере «Брике» под землей шесть недель, а теперь их назад вернули».

Мы попрощались и разошлись по своим баракам. По дороге к своему барaku я все продолжал думать о тех беглецах и не заметил, что мне навстречу идет начальник лагеря Гримберг, в сопровождении своей свиты. Я продолжал идти, но это было уже нарушение основного лагерного закона. Я должен был стать в сторону и ждать, пока он подойдет. Когда он сравнивается со мной, должен почтительно поклониться ему и всем, кто с ним шел. Но я задумался и этого не сделал. Гримберг пришел в ярость, от злости весь покраснел, какой-то оборванец ему не поклонился. Он приказал идти мне на проходную, а все знали, что означал этот приказ. Ясно — будут бить плеткой. Их было пятеро, каждый дал по удару. Не столько побои меня тревожили, сколько не давала покоя обида, хотелось отомстить им и убежать.

В воскресенье нам объявили, что в лагере есть штрафники. Всех выстроили на площади и сказали, что будет концерт. Для Гримберга поставили кресло. Привели беглецов, про которых говорила моя знакомая и начался этот дикий концерт. Вывели их полураздетых и выстроили в ряд. Прочитали мораль, чтоб и другим не было повадно бежать из лагеря. Затем Гримберг встал с плеткой и приказал, чтоб штрафники подходили к нему, кланялись в ноги и целовали сапоги. Каждый становился на колени перед ним и, кланяясь, целовал сапоги, а он, в знак благодарности за поклон, плеткой по спине гладил.

Девушек не жалел, избивал с еще большей яростью.

— А теперь покажите как вы из лагеря бежали.

Все бегает по кругу, а он их плеткой подгоняет.

Девушки стали отставать.

— Остановитесь, почему своих потаскух побросали.

«Русиш швайн», — что значит «русская свинья», — садись ребятам на спину, вас подвезут. Ребят заставил стать на четвереньки, а девушек сесть на спину. Трое сели верхом, им дали в руки плетки, чтоб подгонять, а четвертая заупрямилась, не стала этого делать. Тогда для нее придумали новое издевательство. Гримберг заставлял ее стать на четвереньки и возить на себе парней-беглецов.

Но она опять заупрямилась и не стала выполнять этот приказ.

— Становись на четыре копыта.

Она не стала.

— Сильно разжирела, я помогу.

И он толкнул ее так, что она ударилась лицом об асфальт. Стал кричать одному из парней, чтоб он садился на нее, но он не захотел. Это совершенно вывело Гримберга из себя. Он поставил этого парня на четвереньки и заставил ползать сзади непокорной девушки, а другого парня помощники Гримберга усадили ей на спину. Так он издевался над всеми беглецами, придумывая все новые и новые сцены. Он заставлял их изображать, как собаки обнаружили их на Эльбе, ведь они пытались переправиться через мост на товарном эшелоне. Девушек поставили в круг, а парни должны были лаять и кусать их.

Сам же ходил вокруг и подстегивал плетью тех, кто плохо исполнял приказ. Этим беглецам пришлось изображать и лягушек, и извиваться как змеи на животе. После двухчасового издеательства страшно было смотреть на них, как будто шкуру содрали с человека. Кровь смешалась с пылью. В конце концов они уже не могли не то что держаться на ногах, но даже пошевелиться, стали терять сознание. Их облили водой, чтоб привести в чувство. Всем нам был дан наглядный урок. Я стоял в первых рядах и думал, почему бы нам не взять их в круг и раздавить, ведь немцев было так мало, а нас больше двух тысяч. Затаив в душе злобу, мы разошлись. Чем дальше отступали немцы, тем больше Гримберг приходил в ярость. Мы все больше убеждались, что мы не добровольцы, а пленники, рабы. Работали до изнеможения, от постоянного недоедания стали пухнуть ноги. Но молодость брала свое, хотелось хоть одним словом обмолвиться с тем, кто тебя понимает. Но и это запрещалось свободно делать. Я со своей знакомой при встрече снова и снова обсуждал наше положение. Волновал вопрос: «А что будет «добровольцам», если нас освободят?» В лагере была одна «вольнонаемная» молодежь и чем докажешь, что нас привезли сюда силой. Первое, в чем нас обвинят, так это в измене Родине, сошлют в Сибирь. А может, нет?

Как-то договорились мы встретиться. К тому времени тяжелая работа и голод высосали из меня все силы. Перед прогулкой лег полежать на нарах. Встретились, когда уже вечерело, гуляли не больше часа. Вдруг слышим шум на улице. Кто-то стал кричать.

— Облава!

Все побежали в сторону женских барачков. В это время я как раз провожал свою девушку. Полиция окружила женские бараки и стали выводить оттуда ребят. Девушки шли следом. Вывели нарушителей на главную аллею, поставили четыре стула. Всех заставили отойти подальше, чтоб лучше видно было. Ребят раздели полностью, руки приказали заложить за голову. Приказ тут же выполнили, ведь Гримберг мог избить до смерти. Он приказал дать каждому по десять ударов. Первый и последний удар бил лично сам. У девушек стыд и ненависть смешались в одно чувство, казалось, что они сейчас набросятся на палачей и растерзают их. Невозможно было смотреть на эти издевательства.

Побег из лагеря

Лето тысяча девятьсот сорок третьего года шло к концу. Я продолжал встречаться со своей подругой. Постоянно обменивались новостями. Побег из лагеря продолжались, несмотря на все изощрения Гримберга.

Решил и я бежать. Лучше всего одному, меньше подозрений, легче где-то спрятаться. Стал подумывать, где бы взять продуктов хотя бы на первый случай. А тут подходит ко мне

земляк Николай Брус и предлагает залезть ночью в столовую и украсть пшена, я согласился, и мы пошли воровать. Не столько зерна взяли, сколько следов оставили после себя. Окно разбили, да еще и пшено рассыпали, но вернулись в барак благополучно. Лег спать и приснился мне удивительный сон, который я запомнил на всю жизнь. Снилось будто куда-то я бегу, скрываюсь от кого-то. Я знаю, что это происходит глубокой ночью, но почему-то было светло, как днем. Посмотрел на небо и вижу три луны светят, оглянулся и сзади тоже луна.

Бежать очень легко, но почему-то стало темнеть. Смотрю — одна луна потухла, посмотрел на вторую, та тоже стала гаснуть на глазах, а потом и третья погасла. Тьма стала сгущаться так, что я едва различал дорогу. Очень боялся оглянуться назад, чтоб не потухла и последняя луна, но не выдержал и оглянулся. Луна покрылась тучами и наступила такая тьма, что ничего не было видно. Побежал еще быстрее, потому что знал, если остановлюсь, меня догонят. Я не знал, от кого бежал и вдруг услышал ясный громкий голос, который сказал мне:

— Впереди преграда и если ты ее пройдешь, то будешь жив.

Я немного растерялся и приостановился, не зная куда бежать. Сзади погоня, а впереди преграда, что делать, надо бежать вниз, в ущелье. Спускаться было легко, но впереди что-то засверкало. Подбегаю поближе и вижу, высоковольтные провода спускаются до самой земли, искры сыплются от высокого напряжения. И погоня уже близко. Что же делать, провода касаются земли, пролезть никак невозможно. И тут я заметил, что самый нижний провод лежит на очень узкой полоске резины. Стал прикидывать, как можно пролезть, а что если осторожно поднять провод? Хотя пространство очень маленькое, решил попробовать. Приподнял провод вместе с резиной и стал медленно пролазить, лежа на спине. Уже пролез почти полностью, только голова осталась. Но оказалось, очень узкое пространство для головы. Взял провод одной рукой и резко рванул голову из-под него. Поднялся с земли, тут передо мной открылась широкая дорога и стало светло, как в ясный солнечный день. Стал кричать от радости:

— Я буду жить! — резко проснулся и уже наяву снова повторил:

— Я буду жить!

Стал размышлять над сном и больше не мог уснуть.

Так я пролежал до утра, все думая о значении сна, что это могло значить, кто мог так ясно говорить: «Преграда впереди, но если ты ее пройдешь, то будешь жить».

Можно ли верить снам, кто может знать наперед, что ждет человека в будущем? Может знать только Бог, если Он есть. А что означали эти несколько лун, которые освещали мне дорогу? Возможно, мне оставалось прожить здесь несколько месяцев. Во сне я был уже на грани смерти, но в последнюю минуту спасся. В конце концов я пришел к выводу, что мне надо бежать из лагеря и притом немедленно. Подъема еще не было, и я лежал на нарах. Все спали, было очень тихо, но вот слышу, дверь приоткрылась и кто-то тихим голосом позвал.

— Гриша, Гриша, одевайся, пойдем вместе на работу.

— Подожди, иду.

По голосу я узнал свою знакомую и сразу решил, что-то случилось. Просто так она никогда не рискнула бы прийти в мужской барак. Я быстро оделся, а сам все думал, что же произошло? Вышел из барака. Она со слезами бросилась мне на шею. Я не знал, что и думать, почему она плачет, что стряслось? Может, она скрывала, что хочет убежать, а теперь пришла проститься? Тогда она отчаянная девушка, с такой можно вместе бежать. Подождал пока успокоится. Немного успокоившись, она говорит.

— Гриша, не суждено нам вместе быть, а я надеялась.

Не знаю, почему, но наши пути разойдутся навсегда.

— Откуда ты это взяла?

— Я видела сегодня сон. Вроде мы ехали с тобой венчаться. Церковь такая большая, белокаменная. Подходим мы до батюшки, он поставил нас на колени и совершил молитву. Но когда батюшка начал одевать мне кольцо, тебя не стало. Я стала везде тебя искать, но не

нашла. Нет, наверное, не суждено нам быть вместе. Люди говорят, что если приснится венчание, то жениха ожидает тюрьма. Я ведь знаю твой горячий нрав, не выдержишь, когда-нибудь и тебя посадят. Наверное, ты не будешь жить, ведь во сне я тебя не нашла.

— Может, и не суждено нам быть вместе, но жить я буду. Возможно, судьба нас разбросает по разным краям, а может, и странам, но я останусь живой.

— Почему ты так уверен?

— Я сегодня тоже видел сон и притом особенный, слышал голос во сне. Он предупреждал меня о трудностях, которые ожидают меня. Я чуть не лишился головы, но остался живой.

И я подробно рассказал ей свой сон. Она вздохнула облегченно, и слезы радости появились у нее на глазах.

— Ты будешь жить, как я рада за тебя. Ты счастливый, к тебе сам Бог проговорил.

— Может быть, и Бог, я никогда о Нем не думал.

— Ты можешь в сон не верить, но когда ты слышишь голос, это уже вещий сон. К тому же голос говорил о конце твоего скитания. Ты встретишь трудности, но голос утверждал, что будешь жить. Будь счастлив в жизни, может быть, когда-нибудь и вспомнишь наши встречи.

— Можно много забыть и даже лица друг друга, но знаю, наши сны исполнятся, и я буду жить. Этот сон, что сегодня приснился, будет моей надеждой. Если я буду стоять у виселицы, то веревка лопнет, а если стрелять будут, то ветер унесет пулю в сторону.

После этого разговора мы попрощались и разошлись.

Проработал до перерыва и вдруг за мной пришел полицейский. На проходной ожидал Гримберг. Приказал идти в барак. В бараке полицейский поднял мое одеяло и по-русски говорит:

— Пшено?

На нарах было рассыпано немного пшена, деваться некуда и я ответил.

— Пшено.

Гримберг в ярости ударил по лицу и я упал на пол, заливаясь кровью. Потом меня повели в комнату, где всех бичевали. Там уже был мой земляк, Николай Брус, с которым мы ходили воровать это злополучное зерно. Я сразу же понял, что нас предали. Гримберг приказал дать нам по десять ударов и отправить в особый карцер. Когда присуждали особый карцер, то все знали, что жертву куда-то увозят. Но куда? Николаю приказали первому лечь на стол и стали избивать, а меня поставили рядом, чтобы смотрел. Гримберг лично избивал и после каждого удара делал передышку, а Николай после каждого удара издавал глухой стон, который эхом отражался в моей голове, казалось, это меня уже били. Закружилась голова. Вот подошла и моя очередь. Гримберг приказал мне раздеться и лечь на стол. Видно, заметил, что мне стало плохо и решил быстрее плетками в чувство привести. Бил с наслаждением, протягивая плетку по спине после каждого удара. Отволокли нас в камеру штрафников. В тот вечер есть нам не дали. Так мы сидели с земляком, пока не стемнело и вдруг услышали голоса.

Дверь потихоньку приоткрылась и кто-то сказал:

— Бегите!

Оказалось, что свои ребята пришли нас выручать.

Коля наотрез отказался.

— Я никуда не пойду, нет сил, я не смогу бежать.

— Да вас же верная смерть ждет.

— Ну и что, все равно не смогу.

И я решил бежать сам. Это была моя последняя встреча с ним, больше его никогда не видел. Родственники тоже ничего не знают о нем. А я ушел. До проволоки провожали ребята. Кто-то подставил свою спину и я перелез через забор. На прощание махнул рукой и зашагал в темноту навстречу неизвестности. Уже к утру дошел до ближайшей деревни и решил покушать что-нибудь в саду. После того, как подкрепился, прихватил немного фруктов на дорогу и пошел дальше. В кукурузе не рискнул прятаться, ведь обычно там ищут, а на картофельном поле не так опасно. Прилег и стал дремать. Но вздрагивал от каждого

шороха, а когда возле меня запищала птица, то с перепугу вскочил на ноги. Так пережил первый день за пределами лагеря, который находился где-то недалеко и надо было ночью отправляться в путь.

На второй день я прятался в пшенице и ел ее, растирая в ладони зерно, набирался сил, а когда стемнело опять отправился в путь. Так добрался до леса. В лесу мне пришлось труднее, никак не мог привыкнуть к животным, которые выскакивали из кустов, пугаясь меня. Да я и сам шарахался от каждого шороха, как заяц. Только ягоды начну рвать, а надо мной ворона: «Кар» — со страху падаю на землю, думая, что поймался. Но лесом можно было идти весь день. Постепенно привык к лесным звукам и уже не боялся даже ночью. На шестой день осмелился зайти в деревню и пошел по улице. Немного прошел, навстречу идет женщина и что-то говорит. Я, конечно, ничего не понял и продолжал идти. Не успел пройти через всю деревню, как меня догнала полиция. Произвели обыск, посадили в машину и повезли, мой вид выдал меня с головой. Привезли в какое-то отделение. Там я назвал свою фамилию. Откуда я, не стал говорить. Меня о чем-то спрашивали, но с перепугу я не понимал, хотя немецкий знал уже неплохо. На утро меня куда-то повезли, так я попал в Дрезденскую тюрьму.

Дрезденская тюрьма

Находилась эта тюрьма на берегу Эльбы. Снаружи это было красивое кирпичное здание в несколько этажей, по внешнему виду никогда не подумаешь, что это тюрьма. Во дворе была построена еще одна тюрьма — деревянная, которую построили специально для русских.

Бросили меня в камеру. Слушаю и удивляюсь: все по-русски разговаривают. Когда повели на допрос, то решил ничего не говорить о том, откуда я сбежал, чего бы мне это не стоило, молчать. Главное не проговориться, где работал, пусть меня бьют сколько угодно, но я ничего не скажу. Попасть опять в тот лагерь, Гримбергу на истязание, ведь он придумает особые издевательства для меня.

Ему, наверное, уже резиновые плетки надоели, и он устроит игры. Буду возить кого-то на плечах, лаять по-собачьи. Нет, нет, нет. Так рассуждая, шел на первый свой допрос. Вспомнил опять сон и стало как-то легче от надежды, что останусь жив. Допрос был очень короткий.

Спросили фамилию и возраст, ничего особенного, даже не били на этот раз. Я не ожидал такого. В хорошем настроении возвратился в камеру, но когда наслушался в тот же день всяких страхов от сокамерников, пришел в ужас. Одни говорили, что здесь с людьми обращаются, как с подопытными кроликами, испытывая на них всевозможные лекарства, другие, что будут брать нашу кровь из вен, а вливать какое-то вещество. Но это были только предположения, реальность была намного страшнее. Немцы устраивали «цирк». Все начиналось с того, что меняли меню. Обычно утром нам давали хлеб и суп, а в дни «представлений» на завтрак давали только кильку, очень много соленой кильки. Мы с голоду съедали ее за пять минут, а через час просишь воды, но пить нам не давали и уже к обеду, казалось, что глаза на лоб вылезут от жажды. Во рту все пересыхало, но пить так и не давали. Скоро мы узнали, что такая подкормка предшествовала особым пыткам. Возьмут из камеры жертву и ведут в цирк на «концерт», где устраивают суд. Заключение подводят к немцу, который разыгрывает роль прокурора. Рассматривается дело «подсудимого». Потом объявляют решение суда: зачитывается фамилия, имя, возраст, за что сидит и объявляется мера наказания.

Иногда это тридцать-сорок ударов плеткой, а иногда забить до смерти. Палачей было много. Пока одного судят, другого уже бьют и так день за днем. Все заключенные должны пройти через это судилище. Если же не забили сразу до смерти, и повезло выжить в камере после истязаний, то таких «счастливчиков» куда-то отправляли этапом. На тех, которые возвращались после цирка, жутко было смотреть. Казалось, что с человека сняли кожу,

сплошное кровавое месиво. Лежат без сознания.

Ведро с водой принесут, обольют и на этом вся медицинская помощь заканчивалась. Когда надзиратели уходили, мы как могли, старались помочь несчастному. Кроватей в камере не было, а только двухъярусные нары — рассадники клопов. Потом нары убрали, а клопы остались, они-то больше всего досаждали страдальцам. Не успеешь свет выключить, как клопы сыпались с потолка. Здоровый человек еще как-то может выдержать, а что делать тем беднягам, которые лежат окровавленные? Те, которые сидели в камере месяц или больше и пережили «соленые дни» и перенесли «цирк», советовали новичкам не есть кильку, перетерпеть до вечера. Но обычно с первого раза никто не слушал эти советы, но потом набирались опыта и терпеливо ждали до вечера.

Однажды принесли целую бочку кильки. Если бы подали, как раньше, каждому, то можно было бы сохранить до вечера и тогда уже съесть с супом, но тут каждый боялся, что ему не достанется. Так все накинулись на кильку, что через несколько минут бочка опустела. Я тоже ел не в меру и даже друг меня предостерегал, чтобы не ел так много. После того как наелся, мне стало жутко, вдруг вспомнил, что сегодня могут кого-то вызвать, а если меня? Представил, как меня будут бить, все тело заболело, еще и не били. Но внутренний голос подсказывал, что я буду жить. Открылись двери, думал, что воду занесут, но это просто пришли забрать пустую бочку. После обеда снова открылась дверь, все притихли.

Стали зачитывать фамилии и приказали выйти с вещами на этап. Меня не вызвали, и я остался один среди новичков, теперь я буду давать советы. Но примерно в четыре часа вызвали меня и еще одного, решил, что это конец. Повели нас в основное здание большой кирпичной тюрьмы. Спустились в подвальное помещение под тюрьмой, где находилась еще одна тюрьма. Очень долго вели по коридорам и пришли в огромный зал. Это и был тот самый цирк, о котором рассказывали ужасы. Большое круглое помещение с высоким потолком, которое освещалось множеством ламп, все сияло, настоящий цирк.

Внизу размещалась круглая арена, посреди два каменных стола, а сбоку сидел ряд палачей. С другой стороны находились судьи. Меня подвели к одному из них. Он спросил фамилию, потом заглянул в бумаги и сказал:

— Сорок ударов.

Когда я услышал эти слова, то мне стало плохо, испугался, что забьют до смерти. Но бежать было некуда, изменить что-то тоже невозможно. Ко мне подошли двое исполнителей в кожаных шортах, один вид которых вселял страх. Ростом на голову выше меня, а в ширину четыре надо. Лицо, как каменная маска, не отображало ничего человеческого. Один из них указал на стол.

Другой подошел к судье и взял у него что-то белое. Приказали раздеться. Я снял рубашку.

— Все снять.

Несколько человек было гражданских, а остальные военные, солдаты и офицеры, одни на войне проливают кровь, а эти наслаждаются видом крови. Было очень стыдно, сотни глаз рассматривали меня, как вещь. Когда я разделся, повернулся два раза, как приказали. Затем один из палачей дал мне белый платочек и сказал.

— Возьми в рот и положи между зубами.

Это они заботились обо мне, чтоб я не подавился собственными зубами, хорошая забота, нечего сказать.

— Ложись грудью на стол.

Растянули между столами так, что ноги были на одном, а руки на другом, туловище же повисло между столами. Руки и ноги приковали цепями. Палач стоял на ковре. Раздался звонок и заиграла музыка, чтоб мой крик не достигал нежных ушей палачей. Началось представление, избивали медленно, растягивая удовольствие.

Тело было натянуто, как струна, каждый удар приносил ужасную боль, кожа лопалась от ударов. Зубами грыз тряпку, хотя бы потерять сознание! После первых десяти ударов прекратили бить, по полу текла кровь. Я услышал, как отошли палачи — и не бьют, и не

отвязывают.

Палач устал, хотя и бил с остановками. Я продолжал висеть между столами, с прикованными руками и ногами.

Слышу опять шаги, снова звонок и снова свистит плетка.

Удар, второй, третий. Дикая боль пронизывает все тело.

На двадцатом ударе снова остановились, поменялись палачи. Никто не бьет, а в голове слышу удары. Ужасно болит голова. Снова звонок, продолжают бить. Лучше бы они не делали перерывов, какие болючие первые удары. Только половину ударов получил, когда же придет этому конец, совершенно потерял счет ударам.

Невыносимо печет все тело. Казалось, как будто горячее железо лежит на спине и меня рвут на части. Откуда-то издалека послышался звонок. И куда-то я лечу, сначала вниз, а потом вверх, где-то далеко слышу голоса. Иногда они становятся сильнее и отчетливее, но слов не пойму.

Когда лечу вниз, то ощущаю шум в голове, а вверх, снова слышу голоса людей. И вот уже отчетливо различаю голоса, но не лечу, а лежу на животе. Очнулся и думаю: «Какой ужасный сон». Тело мое продолжало гореть огнем, весь мокрый, как водой облитый. Открыл глаза и ясно услышал.

— Он живой. Уже приходит в себя.

Ложкой воды дают пить.

— Отойдите подальше, пусть свежий воздух поступает.

Когда принесли похлебку стали кормить меня, а уже поздно вечером пришел врач из заключенных и говорит.

— Сегодня палачи старались, какое-то начальство приезжало в цирк, так они выслуживались, Удивляюсь, как этот остался живой, другие не выдержали. Сколько я уже посмотрелся здесь, но такого еще не видел, сорок ударов и остаться живым при такой слабости. Он сильно истек кровью, если бы больше дали, не выдержал бы.

Врача я знал, это был русский из заключенных, когда-то был майором и с госпиталем попал в плен. Обычно всех пленных офицеров убивали, но медицинских работников немцы оставляли в живых. Так и работает тюремным врачом, помогает таким как я, которые возвращались из «цирка» и имели хоть маленькую искорку жизни в своем теле. Он обмыл раны водой и попросил сокамерников, чтоб присмотрели за мной. Я открыл глаза и спросил:

— Меня что, жгли железом?

— О, пришел в чувство, ну вычухивайся, дружок. Никто железом тебя не жег, это от плеток. Выздоровливай, я зайду к тебе завтра, если заражения не будет, значит, выживешь, лекарств, кроме воды, у меня нет. А вы, мужики, следите, чтоб клопы по нем не лазили, иначе пропадет парень.

И дальше продолжил ни к кому не обращаясь:

— Душегубы, хотя бы соленое не давали и без этого раны плохо заживают. Мало им, что человек страдает у них на глазах, так они еще и продлевают ему пытку.

Один парень, который ухаживал за мной, предложил:

— Большинство из нас пройдут через «цирк». И если мы не поддержим друг друга, то нам не выйти из такой переделки живыми. С сегодняшнего дня будем давать пострадавшему ложку баланды из своего завтрака и ужина. Это будем делать в течение недели, нам эта ложка не сделает погоды, а для слабого — большая поддержка, согласны?

— Согласны!

И я стал получать двойную порцию баланды. Следующую неделю нам кильки не давали, значит, «цирка» для нашей камеры не было. Ребята подкармливали меня своей порцией и уже на третий день я мог ходить по камере. Меня проверил врач.

— Молодец, что не ел в тот день кильку, очень много дали тогда соленого. Почти все были приговорены к смертной казни. Ты, парень, везучий, раз это пережил, будешь жить. А что они творят со своими жертвами, жутко смотреть. Я иногда думаю, легче самому умереть, чем каждый раз смотреть их зверства. Вызывают меня проверить, живой человек или

мертвый. Лежит, и не поймешь, человек это или кусок окровавленного мяса.

Некоторые в предсмертных судорогах извиваются, а эти садисты встают со своих мест и упиваются муками человеческими. Когда трудно установить умерла ли их жертва, они делают проверку — прокалывают живот, живой-то подаст признаки, а мертвый, конечно, нет. Если бы эти садисты, исполняя приговор смерти, били палкой по голове, это была бы легкая смерть. А когда плеткой избивают до смерти, то мучается человек после этого еще часа два, пока не умрет. Завтра снова будет цирк, крепитесь, не ешьте соленого, иначе совсем худо придется. Здесь держат людей всего два-три месяца, а потом увозят куда-то. Хуже тем, которые находятся здесь дольше, от недоедания они ногами не ходят, их под руки выводят. Ну, до свидания, крепитесь.

Подсчитал, оказалось, что я уже два месяца здесь нахожусь. Я ходил по камере, чтоб хоть как-то отвлечься от тяжелых дум. Ужасная тоска охватила по своим родным, хотелось еще раз увидеть родителей, братьев, сестер. Иногда приходила обида, когда вспоминал, как мать просила отца, чтоб он увез меня из деревни в ту ночь, перед отправкой в Германию. Но больше всего выводили меня из равновесия воспоминания о лагере. Одно только имя Гримберга приводило меня в ярость, это его вина, что я попал в тюрьму. Не мог смотреть на его издевательства над девушками, да и ребятам немало доставалось.

Медленно ходил из угла в угол, как зверь в клетке.

Теперь мне понятно было, почему звери мечутся в неволе, у них такая же судьба, как и у меня. Некоторые даже отказываются от пищи и умирают. До этого я уже дошел, только звери сами отказываются от пищи, а тут не дают.

Совершенно нет сил переставлять ноги, но я знаю, что буду жить, жить надеждой, верой в свой сон. Снилось мне преграда, которую я должен пройти и она уже позади, выжил. Теперь, наконец, для меня будет светлая дорога. А вдруг выпустят на свободу, куда я пойду?

Думаю, что найду хорошую работу и тогда будет легче, только бы тюрьму пережить. Ноги стали отказывать, уже почти не двигаются.

Снова дали селедку, только ешь, хватит на всех. Один из ребят говорит, селедку лучше не трогать сейчас, только после обеда можно одну и вечером с супом не больше одной, только таким путем мы сможем сохранить силы. После обеда взяли одного человека, теперь можно есть селедку. Послышались предупреждения.

— Пережевывайте хорошо, ешьте не спеша, тогда соль меньше принесет вреда. А лучше всего оставьте селедку до завтра, когда дадут воду, вот тогда будет хороший обед. Хотите жить, терпите.

К вечеру возвратился наш мученик, окровавленный, вся спина исполосована плеткой, но пришел своими ногами, без посторонней помощи. Даже одежду сам принес, оделся и лег на живот. Во время ужина поднялся и покушал свою первую селедку, а когда ему предложили по ложке супа, он отказался. Все это время он молчал, мы недоумевали, что же могло случиться? Только после ужина наш мученик начал рассказ:

— Только вывели меня из камеры, навстречу идут с носилками. Мне приказали стать к стенке и отвернуться.

Поравнявшись со мной, они остановились, что-то по-своему сказали моему конвою и ушли. Человек, который лежал на носилках, был весь окровавленный, сильно стонал. Ноги мои подкосились от страха. Пошли дальше, опустились в подвал и опять навстречу несут кого-то на носилках, я уже стал прощаться с жизнью. И чем ближе мы приближались, тем громче были слышны мужские голоса, которые пели походный марш. Открылись двери и меня ввели в зал, где маршировали офицеры и горланили песню. Но вот они остановились и приказали мне раздеться. Один из них подошел ко мне и говорит:

— Двадцать пять.

Подошел палач с плеткой. Видно, что устал, ведь я был последний в этот день.

— Это тебя и спасло, — заметил кто-то.

— Зазвенел звонок, заиграла музыка и офицеры пошли по кругу. Они маршируют, а меня бьют под музыку.

Потом музыка перестала играть, и все остановились.

Меня тоже прекратили бить, приказали взять одежду и идти в камеру. Вот так и прошло.

— Легко отделался.

Бухенвальд

Просидел я в той тюрьме два с половиной месяца и оттуда меня отправили этапом в Бухенвальд. Была осень тысяча девятьсот сорок третьего года. С Дрезденской тюрьмы вместе с другими заключенными погрузили в спецвагоны. Дали сухой паек. Хлеб черный, много, с полкило и даже немного маргарина. В конце вагона находился бачок с кипятком. Я подумал:

— Так жить можно.

Тогда я еще не знал, куда нас везут. Когда приехали к месту назначения, вагоны оцепили военные с собаками.

Ряд крытых машин с решетками на окнах, дожидались нас. Погрузили в машины, мне досталось место возле окна, из которого я стал рассматривать местность. Сработала старая привычка запоминать названия населенных пунктов, поэтому я запомнил, что находились мы на станции Ваймар. По извилистой узкой дороге машины медленно поднимались в горы. Начался лиственный лес, сделали остановку, чтоб проверить всех по списку. После проверки снова стали подниматься в горы. Потом было еще несколько проверок. Я все время недоумевал, почему такая предосторожность. Внимательно смотрел в окно, стараясь запомнить каждый поворот, хотя совершенно не понимал, куда нас везут. Сколько бы я ни смотрел, вокруг мог видеть только лес и узкую полоску дороги, по которой мы поднимались все выше и выше. В конце концов мы выехали на вершину горы.

Остановились перед стеной метров десять в высоту.

А в длину ей, казалось, не было конца, куда бы ни посмотрел. Нас построили в колонны. Военные, в форме с эмблемой «СС», с собаками, которые, казалось, только отпусти, начнут рвать людей на куски, окружили нас со всех сторон. Вспомнил Украину, как меня добровольцем забирали на работу, а теперь попал в руки эсэсовцев.

Конечно, от них добра ждать не приходится. Сделали перекличку и перестроили в колонны по национальностям. В нашей, русской колонне, было около ста человек.

Открылись ворота, и мы увидели еще один высокий забор внутри. Сомнений не оставалось, мы попали в какой-то лагерь, откуда выбраться практически невозможно. Во внутреннем заборе было много ворот. Нас выстроили по пять человек в ряд, ворота открылись, и мы вошли в лагерь. Сразу за забором мы увидели огромную заасфальтированную площадь, вокруг ни деревьев. Дальше, за этой площадью, сколько можно было охватить взглядом, шли бараки, которым не было видно конца.

Среди нас, русских, много было таких, которые нуждались в поддержке. Я оказался из крепких, хотя сам еле ноги волочил. Всех слабых взяли под руки, они оказались в середине колонны. Так и шли по лагерю до большой площади, а по обе стороны этой площади стояли музыканты. Мы шли, еле переставляя ноги и вдруг, как гром, грянул оркестр. Пока мы шли навстречу своей будущей каторге, музыканты сопровождали нас музыкой.

Потом начались двухэтажные бараки и дорога пошла вниз по склону. На каждом бараке было написано «Блок» и номер. Нас подвели к высоким проволочным заграждениям и пропустили туда только русских. Всех остальных повели дальше к одноэтажным длинным казармам.

Оказалось, что это был карантинный лагерь. Стали знакомиться, ведь здесь были только русские и украинцы.

Первое, о чем я спросил:

— Как здесь кормят?

— В карантине еще протянешь чуть-чуть, здесь «откармливают» после этапов, вечером

дают суп овощной с крупой. Но держат здесь недолго, переводят в основной лагерь.

— Какой это основной лагерь?

— Бухенвальд.

Когда я услышал название лагеря, дрожь прошла по всему телу, куда я попал! Еще на Украине все знали, что это лагерь смерти. Вот тебе и сон, отсюда не то что человек выберется, мыши негде проползти. Никакой надежды на спасение у меня не осталось. Неужели в тюрьме не кончились мои мучения? Огляделся вокруг, все выглядели ужасно. Молодых, как я, было очень мало, в основном люди среднего возраста, до пятидесяти лет. И это здесь еще ничего?

— В лагере в обед не кормят, а здесь утром дают сорок граммов хлеба, маргарина тридцать граммов и чай. В обед и вечером суп без хлеба. Здесь жить можно. А когда пошлют на работу, тогда беда. Работают часов по десять, а есть не дают, лишь бы ноги волок, а когда человек совсем дошел, тогда отправляют в крематорий.

— В крематорий?

— Не переживай, парень, в крематорий отправляют тогда, когда совсем дошел или заболел, а пока носишь ноги, то работай.

Так мы узнали о своей участи.

На следующий день, рано утром нам раздали хлеб и чай. Мне подсказали:

— Хлеба немного оставляй на обед, в обед дадут очень жидкий суп.

Я подумал, что это не селедка, как можно вытерпеть до вечера и не съесть свой хлеб? После завтрака всем новичкам принесли одежду: нательное белье, брюки и пиджак без подкладки. Каждый получил треугольник с буквой «Р» и прямоугольник, на котором был отпечатан личный лагерный номер. Буква означала нашу национальность. Мой лагерный номер был 58 тысяч, а последние три цифры я забыл. Потом на голове выстригли крест. Такие кресты были выстрижены у всех пленных, вся Германия знала, что эти кресты означали.

Стал отсчитывать дни и с ужасом ожидать перевода в основной лагерь. Так начался новый период в моей скитальческой жизни. За короткое время узнал лагерные обычаи и порядки, всяких ужасов наслушался о лагере здесь в карантине.

Мой первый этап

Все в моей жизни складывалось не так, как хотелось бы. Мечтал в карантинном лагере дожить до конца войны, но вот и меня перевели в основной лагерь. В самом лагере для заключенных работы было мало, поэтому на работу возили за пределы лагеря. Некоторые работали в шахтах, а некоторые на военных заводах. Весь лагерь знал, где какая работа. Для многих такие выезды заканчивались крематорием. Были и такие этапы, куда людей посылали, но ни один человек не возвращался обратно.

Поговаривали, что тех, которые попадали на строительство каких-то секретных объектов, расстреливали.

Немцы не хотели, чтоб оставались живые свидетели, которые бы знали расположение этих объектов, поэтому все рабочие были обречены на смерть. Пришла и моя очередь ехать на этап. Опять в крытых машинах отправили в одно из отделений Бухенвальда, где мы должны работать. Здесь мы не были разделены по национальностям, в одном бараке были и французы, и итальянцы, и чехи, а также пленные других национальностей. Бараки особенно не отличались от тех, в которых мы жили во время карантина, такие же казармы, нары, только здесь вместе с заключенными жили и надзиратели. Надзиратели назначались из самих заключенных, которые за лишнюю тарелку баланды готовы были любого на тот свет отправить. И не удивительно, ведь борьба шла за выживание, пусть даже за счет жизни других, пусть по трупам своих соотечественников, но выше подняться. Их называли «фор-арбайтэр». Главные же надзиратели были немцы, которые носили повязку с надписью «Капо». Те и другие ходили с резиновыми дубинками. На работе и в бараках они были

главными хозяевами, которых все боялись. Работали по двенадцать часов, работа тяжелая.

Завод выпускал самолеты «Мессэршмидт 88». Наш цех делал крылья, а мы были заклепщиками. Все крыло скреплялось заклепками. Вот здесь-то и проявляли свою преданность надзиратели, придирались ко всякой мелочи: то неровные ряды заклепок, то начнут проверять количество заклепок. На расстоянии десять метров положено триста заклепок и если надзиратель пересчитал и не хватило штук пять, бил палкой, а еще хуже — лишал ужина. Постоянно из-за этих заклепок у нас были неприятности. Как-то лишили ужина всех русских — обвинили в заговоре, ведь норму никто не выполнял, а разве ее выполнишь? Двенадцать часов подряд не отходя от станка, с молотком в руках клепали крылья. Давали нам всего тридцать минут отдыха. На работе не кормили.

Сначала хоть воды вдоволь было, а потом и на нее норму установили — два стакана за смену. Но не все возвращаются после работы в лагерь. Смотришь, то один сидит, голову склонил возле своего станка, то другой. Если замертво свалился, то ему все равно, ну а если только от бессилия присел, его быстро поднимут резиновой дубинкой. В тот день и я свалился без сил. Только присел, откуда ни возьмись немец, так опоясал меня дубинкой, что и мертвый вскочит, тем более что после Дрезденской тюрьмы я этих дубинок боялся больше, чем огня. От моего крика поднялись, но не все. Раздался оглушительный окрик: «Встать!». Этот голос все знали, это капо по кличке «безносый». Говорят, что у человека есть душа, но у этого палача не было ни души, ни носа. Все заключенные Бухенвальда его боялись, избегали. Ходил везде только с собакой, а с дубинкой, наверное, и ночью не расставался. На его крик не поднялся один заключенный, сосем рядом, в трех метрах от меня. Всю свою ярость обрушил он на голову этого несчастного. Сначала бил палкой, а когда тот на бок свалился, стал бить сапогами и топтать ногами. Вид у него был, как у сумасшедшего человека. Потом он отскочил от своей жертвы и подал сигнал тревоги. На его зов сбежалась охрана и фор-арбайтеры. Тут уже всех нас без разбору начали бить. Когда надзиратели устали нас избивать, всем приказали снова приступить к работе. Но мой сосед так и не поднялся, когда к нему подошли, он был уже мертвый.

Однажды и я ошибся, на десять заклепок больше положил. За такое расточительство меня лишили ужина. На следующий день подходит ко мне немец-капо. От страха меня бросило в холодный пот, потому что я знал, если попался в немилость какому-нибудь немцу, то крематория не миновать.

— За что был наказан?

— Я очень старался и в ряду сделал на десять заклепок больше.

— Иди за мной.

Иду, следом сопровождает немец. Мыслей целый рой в голове. Картины детства одна за другой воскресали в Памяти. Это только и были отрадные годы в моей недолгой жизни. Пусть голодное, пусть босоное мое детство, но оно казалось мне таким счастливым, а больше-то и вспомнить нечего. Вся жизнь прошла передо мною, если вообще это можно было назвать жизнью. Мы стали подниматься на третий этаж, я уже начал подумывать, как бы предотвратить мои страдания. Это можно сделать быстро и без всяких мук, броситься с третьего этажа и на том все кончилось. Хорошо бы перед смертью отомстить за себя хотя бы этому немцу. И тут я вспомнил слова дяди Тимы: «Никогда не отчаивайся». К чему отчаяние, пока этот немец ничего не говорил, может, все обойдется? Ведь так хотелось жить, нет, я еще подожду.

Конвоир открыл дверь, я вошел в большую комнату и стал искать глазами палачей, которые будут избивать меня. За большим столом сидели немцы-капо, некоторых из них я знал. Мне предложили сесть за стол. «Что за новый вид пыток?» — подумал я, раньше было — ложись на стол, а здесь — садись за стол.

Стали меня допрашивать: «Сколько лет, откуда, кто родители и еще где работал?» Спрашивают и ничего не записывают. Потом уже не допрос, а просто стали вести разговор между собой.

— В лагере большое воровство, ночью воруют продукты. Это могут делать только

русские.

«Пропал, — думаю я, — ни у кого ничего не брал, а меня обвиняют в воровстве». Воров в лагере беспощадно бьют, а после куда-то отправляют. Среди русских участились обыски, теперь понятно почему. Немцы продолжают.

— Итак, Григор, скажи своим русским, если кто будет пойман, пусть пощады не ждет. Вы не нужны своим, вас некому будет защитить, все пойдете в крематорий, ясно?

Конечно, ясно. Куда еще яснее.

— А сейчас вместе попьем кофе.

На стол поставили консервы, хлеб, сахар и сгущенное молоко. И тут я вспомнил, как обещал отцу написать письмо молоком. Прошло уже два года, а я ни разу не видел молока. Сижу вместе с немцами за одним столом.

Они пьют, а я смотрю. Немцы едят и не догадываются, какую пытку они придумали для меня. После этого случая я решил быть еще осторожней, ведь второй раз может так не повезти. Чтоб больше не ошибаться с заклепками, разбил длину на метры и рассчитал, сколько их должно быть.

Прошло уже полгода, как я находился в этом лагере.

Удивлялся, как мог так долго жить на одной похлебке.

Зима показалась длинной как никогда. Теплую одежду нам никто не давал, осталась та же, что выдали в начале — нательное белье, штаны и пиджак без подкладки, все порядком износилось. Лагерь наш находился на вершине горы — открытый всем ветрам. Каждый вечер весь лагерь выстраивался на основную проверку, которая длилась около двух часов. На площади, сколько видит глаз, стоят пленные. Проверяли всех до одного, чтоб никто не удрал, а еще проверяли наличие крестов на голове. Ведь если человек сбрил крест, значит он готовится к побегу. И так изо дня в день. Летом хоть сил не было стоять, но холод не донимал. Но вот наступила осень, дожди проливные.

Одежда сразу промокала, а потом всю ночь на тебе же и сохла. Но это полбеда. Началась зима. Мороз и ветер пронизывали все тело насквозь. Мы старались прижимать поплотнее пиджак, но это совершенно не помогало, казалось, и кости коченели. А ведь надо стоять с непокрытой головой, фуражки держать в руках. Голову опускали, чтоб немец мог видеть крест на голове. Одновременно стояло нас тысяча пять-шесть.

Проверка была очень строгой. Выстраивались по блокам, старший по барaku отчитывался перед немцами, сколько людей вышло на проверку, сколько умерло во время работы, сколько осталось в бараке и уже не в состоянии двигаться. Этих санитары вынесут и спялят в крематории. Через два часа ноги совершенно не слушались, но в барак нужно идти во что бы то ни стало и совсем ослабевших довести, иначе санитары подберут и тогда уже дорога только в крематорий. Почему-то никому не хотелось заканчивать свой жизненный путь именно так, хотя ясно было, что если уже не двигаешься, то не сегодня, так завтра умрешь. Но все равно хотелось умереть естественной смертью, а не быть спаленным, как какое-то полено. Но даже этого права на смерть нас лишили.

Так к голоду добавился еще и холод, даже сейчас, через полстолетия, я не перестал чувствовать холод. Наверное, мои кости промерзли навсегда, как только чуть замерзну, так и Бухенвальд вспомню. Ноги были сильно опухшие, какая сила меня держала? Наверное, надежда на освобождение.

Пришла весна тысяча девятьсот сорок четвертого года. Участились воздушные налеты — новая беда на наши головы. Зимой из-за плохой погоды воздушных налетов было меньше. Во время бомбежки нас выводили из цехов, чтобы не погибнуть под развалинами здания. Мы падали под открытым небом на землю, совершенно беззащитные от бомб, сами же немцы прятались неподалеку в бункерах. Для нас это были самые страшные моменты. Мы лежали, уткнувшись носом в землю, моля Бога о том, чтоб этот ужас скорее закончился. Хотелось сравняться с землей, чтоб даже сосед не мог видеть, где ты находишься, не то что

бомбардировщик. А самолеты, казалось, заполняли все небо. Они летали не очень высоко и от их рева дрожала земля. Сбросят на город свой смертоносный груз и улетят. Но иногда рядом с тяжелыми бомбардировщиками появлялись шустрые истребители.

В такие моменты луч надежды появлялся в моей душе, ведь это могли быть наши освободители. Когда все смолкало, нам давали отбой, и мы снова приступали к своей работе, довольные тем, что на этот раз все обошлось благополучно. По радио передавали, какие города уже бомбили. Хотя мы не знали, где эти города находились, но для нас, русских, это было хорошим знаком. Мы понимали, что война идет уже на территории Германии и, возможно, нас скоро освободят. Человек ко всему привыкает, привыкли и мы к тревогам. Но как-то раз завывала сирена воздушной тревоги, а через десять минут снова, потом третий раз. Это означало, что бомбить будут именно нашу местность. Все немцы побежали в бункер, а мы только успели попадать на землю, как сирена стала выть непрерывно. Тогда нас погнали в бункера вместе со всеми. Там были и конвоиры, и пленные. Просидели мы в бункере четыре часа. Все это время где-то рядом непрерывно рвались бомбы. Когда мы вышли из бомбоубежища, все вокруг полыхало. Было три часа дня, но густой дым так покрыл все небо, казалось, наступили сумерки. Ясно было, что бомбили целенаправленно, от нашего завода ничего не осталось, одни развалины. Нас отвели в казармы, ко всеобщему удивлению они уцелели под таким обстрелом. Там находились пленные, которые работали в ночную смену.

Во время бомбежки их отвели подальше от казарм и расположили под открытым небом. В этот день нас не кормили, а на следующий день перевели в другое отделение Бухенвальда. Больше нас на работу не водили, завод был полностью разгромлен. Отдыхаем, даже надзиратели успокоились, никто не размахивает нагайкой. Ходим по всему лагерю свободно, даже в запретную зону можно, вернее сказать, наша зона, где жили русские, была запретной. Ведь всем остальным разрешалось общаться между собой и только с русскими нельзя. Зона, где жили люди всех национальностей, не была изолирована, но нам, русским, туда ходить запрещалось и только сейчас на это не стали обращать внимания. Все стали равные. Каждый в душе лелеял надежду на скорое освобождение, мечтая, что американцы еще с десятков городов уничтожат и будет конец войне. Прошла неделя.

Ожидали, когда вернут нас в главное отделение Бухенвальда. Незнание сильно тяготило, по лагерю пошли всякие слухи и предположения. Запас продуктов был на исходе, наш дневной паёк, и без того очень маленький, теперь разделили на два дня. Как и раньше нас два раза в день кормили, но суп стал еще жиже — одна вода. Сил почти не было, благо на работу не гонят, в основном лежали на нарах. Все больше волновал вопрос, почему нас не увозят в главный лагерь. Понятно, что такую массу народа не легко перевезти, но и здесь мы тоже были обречены на голодную смерть. А может, про нас уже забыли?

К несчастью, меня начал мучить сильный кашель, а этого было достаточно, чтобы тайный санитар доложил немцам, которые быстро сделают заключение — туберкулез. И тогда ничего не спасет от крематория, немцы туберкулеза боялись больше, чем чумы. Я старался сдерживаться изо всех сил, но это плохо получалось.

Казалось, грудь мою разорвет на части, спать не мог, а из-за меня не спали и другие. Однажды утром подошел ко мне мужчина лет сорока. Предложил выйти на свежий воздух поговорить. Завел разговор о моем здоровье.

Я себя не видел, но он сказал, что лицо у меня совсем осунулось и посерело. Посоветовал умываться несколько раз в день холодной водой и не сидеть в казарме, потому что там сквозняки, лучше больше быть на свежем воздухе.

— Похоже, у тебя воспаление легких, да оно и не удивительно после такой зимы.

Сказать по правде, сначала я очень растерялся, ведь в лагере каждый старался как-то выжить сам и мало кто думал о других. А он продолжал:

— Кашель может ускорить твой путь в крематорий, в казарме найдутся люди, которые за лишнюю тарелку баланды сообщат кому надо. Особенно остерегайся санитаров. После того как нам раздают баланду, они занимаются уборкой в туалетах и в казарме. Но основная их задача наблюдать, у кого расстройство желудка, кто похож на туберкулезника. Эти

санитары помогут тебе скорей Богу душу отдать. Когда получаешь у них баланду, старайся им улыбнуться и поблагодарить.

Любым путем удержи кашель, иначе быстро сделают из тебя жаркое.

— Неужели в печку живыми бросают?

Он посмотрел на меня удивленно:

— Какая тебе разница, после того как бросят, уже живой не будешь.

В тот день утром нам давали зеленый паек. Я его проглотил, запил водой и пошел прогуляться по территории иностранцев. Как же я удивился, когда в мусорнике увидел выброшенную зелень. Подобрал траву и отправился к моему новому другу. Когда я подал ему зелень, наверное, тройную порцию завтрака, он поинтересовался:

— А себе оставил?

Я сказал ему, что разделил поровну.

— Но откуда ты так много принес?

— Послушал твоего совета больше бывать на воздухе, вот и пошел в лагерь французов. Там этой травы в мусорном ящике полным-полно, я и набрал.

— Надо хорошенько промыть траву под краном. Мы пошли к умывальникам, помыли ее, и он с жадностью начал есть. На меня смотрит, а у самого слезы на глазах, что он думал тогда, не знаю. Может, у него где-то был сын, и я ему напоминал о нем. Потом я повел его к этим мусорникам подкармливаться. Когда он увидел, сколько выброшено травы, начал давать новые советы, видно, он любил делать это и раньше.

— Много не ешь, чтоб не переест, это еще хуже, чем не доест. И еще, не ешь все подряд, бери вот эту траву, она похожа на русский щавель. Это шпинат, он очень полезный. И выбирай ботву от морковки. Да не жадничай. С каждым днем нам уменьшали рацион зеленого завтрака, но в мусорнике еще можно было кое-что найти.

Удивительно, но у меня уменьшился кашель и я почувствовал себя бодрее. Снова появилось желание жить. Мой новый друг Степан смотрел на меня с улыбкой и подшучивал надо мной. Говорил, что лицо у меня уже стало красное, как морковка. Лица своего я не видел, но руки были тонкие, как у скелета.

Как-то Степан сказал мне, что я спас ему жизнь.

— Я не понимаю, где, когда?

— А тогда, когда ты принес мне зелень. Я уже причислил себя к смертникам, а тут неожиданно такое подкрепление. В ту ночь, когда ты метался в горячке, я понял, что и тебе пришел конец, жалко мне было тебя. Ведь совсем мальчишка еще, как тебя угораздило сюда попасть? Удивляюсь, как ты смог вычухаться из такого состояния, наверное, под счастливой звездой родился.

Посмотри, что в нашем блоке творится, да и в других тоже. В комнате по шестьдесят душ, значит, в блоке двести сорок, а где они? Скоро месяц, как мы не работаем, а люди не выходят из бараков, лежат на нарах. На вид ничего, потому что пухлые. А сейчас еще инфекционные заболевания появились. Немцы не то что людей сожгут, сам лагерь с землей сровняют, чтоб зараза не распространялась.

От этих слов дрожь по телу пробежала, я опять вспомнил свой сон и спросил:

— Степа, а как ты понимаешь сны, бывают ли вещие сны?

Он призадумался.

— Сны бывают разные. Иногда человек переживает о чем-то, вот ему и снятся сны, они как пришли так и ушли.

Я насторожился, может, и мой сон был от переживаний, хотелось, чтоб мой сон был особый, ведь я уже прошел одну преграду.

— Но бывают сны, которые предсказывают твое будущее... А почему ты о снах заговорил, тебе что, сон какой-то приснился?

— Да не сегодня, а раньше.

Я рассказал подробно сон, как за мной погоня была и как я убежал через преграду. Степа внимательно на меня посмотрел и сказал:

— Какой ты счастливый, смерть по пятам ходит, а ты ее избегаешь. Это действительно судьба, может и из этого ада тебе удастся вырваться. Да я почти уверен, что ты как-то избежишь смерти, которая сейчас нависла над всеми нами.

— О чем ты говоришь, Степан, почему это смерть нависла над всеми?

— Гриша, я тебе ничего не говорил, жалко было. Понаблюдай, что делается в лагере. Глубокой ночью выводят толпы заключенных, которые еле передвигаются. Медленно, в полной тишине они выходят за пределы лагеря. Я каждый день тайком наблюдаю эту картину. Возможно, ты действительно останешься жив и расскажешь там на родной Украине, как невинный народ погиб. Сначала я думал, что их увозят на этап. Но гула машин не слышно. Раньше на этап днем отправляли.

Не на этап их ведут, а в те траншеи, что мы днем роем. Там их зарывают прямо живьем, только и слышно, как трактор работает, засыпает траншеи.

— Да ты что, Степа, не может этого быть... Да еще и живыми закапывают, это же зверство.

— Может, Гриша, все может быть. Я не одну ночь слушал, ни одного выстрела не услышал. Все наше существование здесь — это зверство. Когда я попал в бригаду, которая роет эти траншеи, специально отошел в сторону посмотреть. Надзиратель начал ругаться, но я дал понять, что мне надо по нужде и он успокоился.

Знаешь, что я там увидел, они даже сильно и не стараются скрыть следы своих преступлений. Может, потом они и заровняют все, а сейчас слишком много работы. Я даже увидел кисть руки, торчит из траншеи, может, кто-то пытался выбраться, да так и не смог. Говорят, что про нас забыли, если бы... Ты посмотри, сколько немцев прибавилось в лагере, не забыли про нас, а спешат уничтожить.

А я еще надеялся вырваться из этого ада, Боже мой, да это же конец. В лагере действительно ходили слухи, что нас не собираются вывозить, потому что многие заразились холерой и на лагерь наложен карантин. Из русских блоков ежедневно стали водить на работу. Им даже давали дополнительный паек хлеба. Но работа была странная — рыли траншеи. Они не были похожи на убежище или военные окопы, да и кому нужны окопы в глубоком тылу?

В лагере среди иностранцев, так мы называли всех, кроме русских, особенно сильно свирепствовала холера, а среди поляков — дизентерия. Чувствовалось, что мы все обречены. Больше всего боялся, что надзиратели заметят мое состояние, тогда — конец.

И все же, всех не могли закопать, кто-то должен был и траншеи рыть... Не знаю, что случилось у немцев, давно из лагеря никого не вывозили, а тут вдруг собрали несколько сот русских и повезли в другое отделение Бухенвальда. Попал и я в их число, видать, действительно родился под счастливой звездой. Сколько раз за последние два года смерть показывала мне зубы, но в последний момент какая-то невидимая сила распоряжалась моей судьбой, ведь только чрезмерная загруженность немцев спасла меня и в этот раз.

Постоянно прибывали новые пленные из других лагерей. Крематории горели день и ночь, не переставая сжигать свои жертвы. Среди заключенных был врач француз, который вызвался меня осмотреть. Долго он крутил меня во все стороны, потом, сильно искажая немецкую речь, предложил мне усиленно питаться. К тому времени я уже неплохо владел немецким, но все же засомневался, правильно ли я его понял. А он продолжал:

— Ничего страшного нет. Скоро кончится война и всех выпустят на свободу, а свобода лучше всяких лекарств действует.

Но я заметил, что он сам не верит в мое выздоровление. И в это время я с особой силой почувствовал, как не хочется уходить из жизни. Раньше думал, что жизнь и смерть во власти человека, но за свои девятнадцать лет повидал уже много смертей. Многие уходили из жизни сами, другие еще имели силы, но в чем-то провинились и их отправляли в крематорий. В моем теле еле-еле теплилась жизнь и все же по каким-то неведомым мне причинам я выходил из самых трудных положений, что это судьба, Бог? Кто бы мог объяснить это? Вот и сейчас, многие были зарыты живыми в тех ужасных могилах, которые сами же и вырыли, а

я опять в карантинном лагере. И все же этот француз помог мне. Здесь имелся какой-то госпиталь. Хотя его трудно было назвать госпиталем, но и туда практически невозможно было попасть.

Но француз помог мне устроиться туда. Это была еще одна отсрочка для меня. Сказал, что у меня заболевание легких — сухой плеврит. Не знаю, почему, но он сильно хотел мне помочь. Но бесконечно я не мог находиться в госпитале, при очередном осмотре он говорит мне:

— При всем желании я не могу больше тебя держать в госпитале, могут прийти и проверить состояние больных, неспособных к работе они списывают. Если тебя увидят, то сразу же отправят в крематорий. Жаль мне тебя, ты еще совсем молодой, а силенок маловато. Дам тебе один совет, если сможешь им воспользоваться — выживешь, а если попадешься, то крематорий обеспечен. Я сегодня выпишу тебя из госпиталя. В лагере ты еще ни в какой рабочей бригаде не числишься и тебе это поможет. Здесь ежедневно бывает две проверки — утром и вечером. На вечернюю проверку выходят все до одного, здесь будь обязательно. А утренняя проверка только для тех, кому на работу. Сразу же оттуда их под музыку ведут на работу. Ты никогда не выходи на утреннюю проверку, прячься под нарами. Когда услышишь, что духовой оркестр замолчал, тогда можешь свободно выходить. Днем можешь даже ходить по лагерю, ведь ночная смена находится на территории лагеря. Но сильно не рискуй. Никто не будет знать, что ты не работаешь, только так ты сможешь выжить.

Так я стал жителем русского корпуса № 47. Сначала очень боялся, ведь меня могли заложить не только надзиратели, но и пленные. Никому не говорил о своей тайне. Потом немного осмелел, стал выходить во двор, но старался не попадаться надзирателям на глаза. А через время так осмелел, что даже стал заводить знакомства среди пленных-иностранцев. Я заметил, что из всех пленных, лучше других жили чехи и французы, они получали продукты через «Красный Крест» от своего правительства. Мне они разрешили заходить в их барак, хотя других они вообще не пускали в свои бараки, но мне почему-то доверяли. Не раз думал, почему мне постоянно приходит откуда-то помощь? Когда-то немец помог, потом врач-француз, а теперь чехи. Если бы не они, давно не было бы в живых, может, они меня жалели из-за молодости? Так и жил, стал чувствовать себя лучше, ведь они меня иногда подкармливали. А когда стали совсем доверять, я мог слушать их разговоры. Однажды меня спросили:

— Сколько тебе лет, ты что-нибудь помнишь за тридцать третий год?

Я рассказал им, что помнил и как остался жив. Тогда же я услышал их рассуждения о голоде на Украине. И особенно прислушивался к их разговору о голоде. Было непонятно, откуда они знают то, о чем дядя Тима говорил мне по секрету. Эти люди никогда не жили на Украине и не видели наших страданий. Значит, дядя Тима говорил мне правду о государственной тайне. Это были политические заключенные. И хотя мне их политика не была нужна, но я понял, что они многое знают о нас, даже больше, чем мы знаем о себе.

Но как говорится, сколько бы веревочке ни виться, конец будет. Однажды вечерняя проверка сильно затянулась, нас несколько раз пересчитывали и только в полночь отпустили. Всех предупредили, чтобы вышли на утреннюю проверку. Стали поговаривать, что кто-то сбежал из лагеря. За все лето тысяча девятьсот сорок четвертого года я ни разу не был на утренней проверке и не ходил на работу, но на этот раз был вынужден пойти.

Проверка не состоялась, так как беглецов поймали, но я побоялся вернуться в барак и решил пойти на работу.

Присоединился к одной из бригад. Отработал, а вечером меня зарегистрировали как новичка в лагере. Было очень много разговоров о тех троих, которые совершили побег.

Удивлялись, как они могли перелезть через стену, высота которой десять метров и к тому же часовые с пулеметами постоянно дежурили на вышках. Кроме того, высоковольтные провода проходят низко над землей, так что нельзя пролезть. Оказалось, что они нашли выход из лагеря. В лагере были общие туалеты — глубокие цементные канавы, через которые проложены мостики.

Периодически, с большой быстротой вода протекала по всем канавам, промывая их и выливалась по трубам где-то за пределами лагеря. Делалось это каждые полчаса.

Эти трое пролезли по этим трубам в то время, пока не шла вода. Они, конечно, сильно рисковали, ведь никто не знал, где эти трубы кончаются, а может, они и знали?

Один из них поймался. Приказали после работы собраться всем нам на площади. Была поставлена виселица, под ней сбежавший заключенный. Я только удивлялся, как он вообще мог передвигаться, не то, что лезть по трубам. Наверное, он решился на это, потому что ему все равно не жить. А избит был так, что мясо клочьями висело. Зачитали приговор.

— За побег из лагеря — смертная казнь через повешение.

На следующий день меня отстранили от работы и вызвали в отдел. И снова, в который раз уже, там, где другие наверняка попадали в число смертников, меня охранял невидимый перст судьбы. Обычно допросы вели немцы и, конечно, никакой пощады провинившемуся не было. За малейшее нарушение, без суда и следствия заключенного отправляли в расход. Но на это раз допрос проводил чех, причем он неплохо говорил по-русски. Как он туда попал, не спрашивайте меня, почему при допросе не было немцев, если он был за переводчика, я тоже не знаю. Допрос он вел по-русски.

— Сколько времени в лагере?

— Шесть месяцев, из них две недели был в госпитале.

— В какой бригаде работаешь?

Я ничего не мог сказать, так как нигде не работал.

Он показал мне мою карточку, где указывалось, в какой бригаде работал заключенный. Там был отмечен мой единственный рабочий день.

— Ничем не могу тебе помочь, если сегодня узнает начальство об этом, сразу же отправят в крематорий. Завтра отправляется особый этап, попробую тебя отправить с ним. Это единственно, что я могу сделать. Но если об этом узнают раньше, ты пропал. Поедешь с этим этапом, но оттуда еще никто не возвращался в Бухенвальд, поедешь с этим этапом, а там что Бог даст.

Это было осенью тысяча девятьсот сорок четвертого года.

Второй этап

После вечерней проверки я сказал в бараке, что завтра меня переводят в какое-то другое отделение работать.

Стали прощаться. Одни считали, что мне повезло, другие пугали, что это очень опасный этап и его называют «этап смертников». Никто не знал, какая там работа, потому что оттуда никто не возвращался, даже работники крематория ни разу не встретили кого-нибудь из этого отделения. Все сходились на том, что у них там свой крематорий. Но как бы ни было, а рано утром меня отправили на работу в другое место.

Утром нас поместили в машины и отвезли на станцию Ваймар, где нас ждал поезд. В вагоне был полумрак, окна были закрашены. Мы даже не поняли, в каком направлении нас везут. На одной из станций поезд остановился и наш вагон отцепили. Там пришлось сидеть до рассвета следующего дня, а уже утром подъехали крытые без окон машины, в которые нас погрузили. Лагерь, куда нас привезли оказался очень большой. Располагался он в долине, по обе стороны которой возвышались горы, а далеко на вершине виднелся лес.

Первые два дня мы проходили всевозможные процедуры. Снова сделали отпечатки пальцев, на голове обновили крест. В будущем за крестом приказали самому следить, идти в парикмахерскую. Очень строго наказывали, если волосы чуть-чуть отросли. Здесь порядок был еще строже, чем в старом лагере и крематорий свой действительно был. Русских совсем мало, в основном политические заключенные, которых привезли из другого лагеря смерти Освенцим. До этого я даже и не знал, что есть такой лагерь. У всех заключенных из Освенцима был выколот лагерный номер на руке. В Бухенвальде же носили одежду с нашитым номером.

Только здесь я по-настоящему понял, что эти два лагеря были кузницей смерти. От заключенных наслушался всяких ужасов об Освенциме. Рассказывали, что в сорок втором и сорок третьем годах туда привозили русских военнопленных, которых сразу же сжигали — крематории горели день и ночь. Здесь работали заключенные, которых периодически меняли, а точнее сказать, сжигали в печах, а новых ставили на их место. Очень много погибло евреев, которых свозили со многих стран Европы. На Украине их уничтожали на месте, но из Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии — забирали обманом.

Евреев семьями забирали в Германию, как переселенцев, на работу, а везли в Освенцим. Мужчин и женщин сразу отправляли в баню. Перед этим они должны были сдать все продукты, которые привезли с собой. Бани же были устроены по-особому. Большой зал с трубами по потолку. Из труб были выведены душевые отверстия и это вполне походило на баню. Испуганных, загоняли в душ человек по двести. Когда польются первые капли воды, люди с облегчением начинают мыться, не зная, что их ожидает дальше. Вдруг вода кончается и по этим же трубам начинает идти газ — все задыхаются. Тела умерших загружают в вагонетки и отправляют в крематорий. С детьми поступали иначе — сажали рядами, мазали чем-то под носом и они спокойно засыпали. Дальше их ждала та же участь, что и родителей — на вагонетки и в крематорий. Все это делалось под большим секретом, но все же правда об этих ужасах доходила до заключенных.

Дело в том, что все продукты, привезенные евреями, отдавали на кухню и из них готовили похлебку. Когда разливали в миски, то последним попадалось много металла. Люди жидкость съедали, а металл выбрасывали в мусор. Но потом досмотрелись, что это золото. В лагере оно не имело цены и его можно было увидеть даже на улице. Об этом узнали эсэсовцы. Повара, жившие в лагере, рассказывали, как однажды на кухню вбежало несколько десятков эсэсовцев и стали делать обыск.

Обратили внимание на хлеб, который лежал горкой, этот хлеб был отобран у евреев. Был дан приказ разрезать хлеб на четыре части. Обнаружилось, что во многих буханках было запечено золото. Так золото раскрыло тайну гибели тысячи евреев. Для заключенных это больше не было тайной. А ведь многие до сего дня не знают, какая судьба постигла их близких и друзей. Куда увезли их родных, после того как забрали на работу в Германию?

В Бухенвальде тоже были евреи, в основном, ученые.

Они работали в особом учреждении, куда доступ для всех был совершенно закрыт и кроме них туда никто не заходил. Эти ученые-евреи носили отличительный знак на груди и на спине. На одежде, такой же как и у нас, была вдобавок нашита еще большая шестиконечная черная звезда. Жили они в отдельных бараках, совершенно изолированные от остальных пленных. Поговаривали, что их заставляли работать над изобретением нового оружия, которого особенно ждал Гитлер. Их в конце концов все равно ждал крематорий.

Но среди всех этих ужасов, были и отрадные вести, доходили слухи, что на всех фронтах немцы отступали.

Украину уже почти всю освободили и в некоторых местах фронт подходил к Польше. Первая победа была на Курской дуге, примерно год назад, когда был открыт Второй фронт. Для открытия Второго фронта немцы оттянули много дивизий с Востока на Запад, чем и ослабили свои войска. Но Гитлер еще надеялся на особо страшное оружие, которое надеялся выпустить, поэтому он любой ценой хотел затянуть войну. Если бы немцы не надеялись на это оружие, они бы давно уже капитулировали и просили бы мира. В последнее же время немцы быстро отступали и ясно было, что войну они проиграют. Когда я узнал все эти новости, то очень обрадовался, ведь мы были отрезаны от всего мира и совершенно не знали о положении на фронте. С новой надеждой стал вспоминать свой сон и слова: «Если сумеешь пройти преграду, будешь жив». Я думал, что преграду уже прошел, когда удрал из рабочего лагеря, а теперь предо мной откроется широкая светлая дорога.

Но не так было. В лагере радовались нашему приезду- прибыла свежая рабочая сила и очень много. Мы были сменой для тех, кто уже не мог работать. Теперь их будут отправлять в центральный лагерь. Люди были так истощены, что совершенно не могли работать —

живые трупы.

Многие проработали здесь больше года. Пополнение привозили не больше двухсот человек в месяц и столько же увозили, как все думали, на поправку в карантинный лагерь Бухенвальда.

В последние же время через день стало приходить пополнение из основного лагеря Бухенвальда и из Освенцима, назад же отправляли обессиленных людей. С того времени, как стало много приходить пополнения, желающих не идти на работу стало больше. Во время вечерней проверки сильно ослабевшим давали специальные номерки с правом не выходить на работу.

Немного ознакомившись с новоприбывшими, местные стали расспрашивать о своих друзьях, которых отправили на выздоровление в карантинный лагерь еще полгода, год назад. Но никто их не знал. Никто не слышал, чтоб кто-то из этого отделения возвращался в основной лагерь. Это был неприятный сюрприз, который сильно разволновал людей. Стало ясно, что с этого этапа ни один человек не возвратился в Бухенвальд. В своей камере я рассказал, как попал в этот лагерь

— Чех хотел избавить меня от крематория и отправил в это отделение, но предупредил, что не знает, какая участь меня ожидает, потому что из этого лагеря никто не возвращался. А ведь чех оказался прав, даже не зная точно ничего об этом лагере. Он хотел меня избавить от крематория в тот момент.

Мой рассказ стали передавать из уст в уста, люди были встревожены. Всех интересовал один и тот же вопрос: «Куда же все-таки люди делись?» Если раньше только догадывались, что не на поправку их отправляют, то сейчас стало очевидным, что здесь есть свой крематорий. Заключенные догадались, что за труба виднелась вдаль. Раньше они видели ее, но думали, что это завод.

Решили проверить свою догадку. Как-то ночью поднялись все по тревоге, которую сделали сами. Внимание наше было приковано к трубе, из которой высоко в небо рвалось пламя. Заключенные из Освенцима стали рассказывать, что там, было восемь крематориев — днем трубы просто дымились, но ночью из труб непрерывно поднималось пламя. На другой день решили проследить за трубой еще раз, надеясь, что это был пожар. Днем ничего особенного, стоит труба, но к вечеру из нее потянулся дым, а ночью было такое сильное пламя, что заревом освещало всю окрестность. Оно и понятно, ведь столько слабых, неспособных к работе людей было во всех отделениях. Работали мы на секретном заводе и понимали, что нас не выпустят отсюда живыми. Тактику немцев мы уже раскусили, они следов за собой не оставляют, хотя и проиграют войну. Никто не знал, что именно здесь строилось. Место, где мы работали, находилось на берегу какого-то озера или реки, конца не было видно, поэтому трудно было понять. Вокруг возвышались высокие горы, которые кольцом окружали наш лагерь, далеко впереди они поворачивали вправо. Под этими горами находились шахты. На всем побережье, сколько видит глаз работали заключенные. Мы вывозили из шахт вагонеткой камень и сбрасывали прямо в воду. Одни нагружали вагонетки, другие разгружали их. Целый день пленные долбили эту гору. Вход был небольшой, примерно метра три в высоту, внутри же были большие помещения. Стены отделяли нас друг от друга, поэтому мы не знали, что делают другие. С одного объекта на другой нас никогда не переводили. Не было никакой надежды выбраться из этого заточения. Как мы узнаем об окончании войны, даже если бы и дошли эти слухи, кто нас освободит отсюда? Думаю, что не все немцы, даже военные, знали об этом объекте. Теперь лагерным пополнениям никто не был рад. Единственно, что всех интересовало, где проходил фронт, ведь пока человек живой, он надеется на что-то, и никакие обстоятельства, какими бы безнадежными они не были, не могли убедить нас, что это конец. Мы знали, что к началу зимы Украина была полностью освобождена, американские войска вступили в союз и вроде перешли границу и уже воюют на немецкой земле. Кто-нибудь да скажет:

— А что нам от этого, ведь мы заложники, смертники.

Какая польза, что мы проживем еще три-четыре месяца?

Даже если не будет пополнения из пленных, нас выжмут, как лимон, а потом отправят в крематорий.

Этот разговор подхватывали другие:

— Нам все равно не жить, так зачем растягивать мучения? Зачем строить для немцев секретный объект, чтоб они еще с кем-то начали войну и так же издевались над людьми? Можно всем организованно броситься в воду.

— Ну и что из этого, поплаваешь в холодной воде и вылезешь с воспалением легких. Уж лучше жди своей очереди в крематорий, вдруг не дождешься.

— Тогда еще один путь. Здесь в лагере нас несколько тысяч. Всем до одного не выйти на работу и объявить голодовку.

— На работу не пойдешь и голодовку не надо объявлять, они и так есть не дадут. А на работу погонят это точно — не для того они ходят с собаками, чтоб испугаться нашей голодовки.

Однажды и я разговорился:

— Я не сомневаюсь, что все мы смертники, но все же думаю, что нам надо вступить в борьбу со смертью.

— Сказано: молодо-зелено. И как же это ты собрался с нею бороться?

— Один хороший друг мне говорил: «Никогда не отчаивайся». Вы предлагаете как умереть, лучше давайте подумаем, как нам выжить. Каждый уже начал эту борьбу. Ведь раньше как было — во время вечерней проверки давали номерки в крематорий. Пока не знали для чего они даются, было много желающих получить их. Сейчас же, когда все поняли, что этим мы подписываем себе приговор смерти, этих номерков никто не берет и это говорит о том, что мы боремся за жизнь. Зачем же тогда нам искать путь к смерти, нужно терпеть до конца. Я вот за последние три года столько раз был на волосок от смерти, и все же еще надеюсь, что и отсюда выберусь. Уверяю всех, я буду жить! Прошло уже больше года как я видел сон. И во сне слышал голос, что если пройду преграду, буду жить. Я эту преграду прошел и верю, что так и будет. Я не знаю, есть ли Бог, но я верю в слова, сказанные мне — в этом смысле я верующий. Никто из нас не знает, где мы находимся. Возможно, там за горами уже ведут бои русские или американцы и в одно прекрасное утро нам объявят: «Вы свободны». В моей жизни был случай, когда я пришел в отчаяние и хотел покончить с собой, чтоб не попасть в тюрьму, решил повеситься. И в тот момент, когда я писал записку о причине самоубийства, вдруг вбегают мои друзья и с радостью объявляют, что меня награждают премией. И за что? За то же самое, за что я хотел погубить себя. С тех пор мой девиз: «Никогда не отчаивайся».

— Молодец, парень, легче будет умирать.

— А я тоже видел сон недавно, — говорит один заключенный, я видел всех нас лежащими как мертвые, но знал, что мы живые. Вдруг вижу, над нами летит целая туча ворон. Эти вороны превратились в самолеты и стали нам бросать продукты. Что ты скажешь на этот сон?

— Я не могу толковать сны, но может случиться и такое. Появилась надежда на жизнь.

Наступил Новый тысяча девятьсот сорок пятый год, но в нашей жизни ничего не изменилось. Стали случаться побеги из лагеря, но всякий раз собаки ловили беглецов. Их выводили перед всеми, объявляли смертный приговор и увозили из лагеря. К концу зимы эсэсовцы по неизвестным причинам стали меньше обращать на нас внимания, относиться более мягко. Уже не добивали тех, кто по дороге на работу падал. Разрешали их брать под руки и поддерживать. Наша бригада состояла из пятидесяти человек. Мы ремонтировали подъездную дорогу на склоне горы. Охранял нас один пожилой эсэсовец. Не раз я наблюдал, как он сидел на камне, за пару сот метров и следил за всеми, казалось даже, что он дремлет и у меня зародилась мысль о побеге. Причем не так как другие, ночью, а прямо днем с работы. Но кроме эсэсовца за нами еще наблюдал поляк-надзиратель. Он же и решал, кому не идти на работу, то есть отправлял в крематорий.

Мысль о побеге меня мучила день и ночь. Придумывал разные варианты побега и сам

же от них отказывался, а время неумолимо делало свое дело, С каждым днем увеличивалась опасность попасть в крематорий. И я решился на побег. Лучше всего бежать после обеденного перерыва, когда привозят кофе. Нам дают целый час для отдыха, раньше это было невозможно, а сейчас немцы, наверное, решили, что скоро совсем некому будет работать и поэтому стали давать отдых. Когда мы опускаемся вниз на обед, часовой идет первый, за ним мы и последним идет надзиратель. Иногда часовой совсем не уходил со своего поста, а просто сидел на одном месте. Горы были покрыты молодым сосновым лесом.

Смогу ли я добежать до него? Нужно, как можно дальше по дороге, отойти от часового. После перерыва он часто дремал на камне. А что, если заметит? Он сидел в двухстах метрах от нас, а на пятьдесят метров можно отойти, усердно работая киркой. Обычно, в таких случаях он кричит: «Дальше не идти». От надзирателя можно оторваться, когда поднимаемся вверх, он всегда идет последним. Пока он дойдет до того места, где мы работаем, я должен убежать. Хорошо бы было, если б его кто-нибудь отвлек на другой стороне. Нужно подговорить надежного напарника, чтобы никому не проговорился. А что делать с крестом на голове? Решил в последнюю ночь побрить голову. Если доберусь благополучно в лес, часовой не бросит свой пост. Пока он вызовет собак, я постараюсь дойти к реке и смыть след, а дальше снова в лес. Риск — благородное дело. И я сделал выбор, ведь уже не только ноги, но все тело стало пухнуть, значит, если останусь здесь, то меня неминуемо ждет крематорий. Конечно, есть большая опасность, быть убитым часовым. Да если и удастся бежать, впереди ждет неизвестность, ведь я даже не знал, есть ли выход из этого ущелья.

Побег из Бухенвальда

В ночь под пятое марта я открыл свою тайну другу и попросил его помощи.

— После вечерней проверки и ежедневного «Мютце аб» (снять головной убор), побрей мне ножом голову.

Завтра, после обеденного перерыва, решил бежать, предлагаю и тебе присоединиться ко мне. Как только дадут сигнал к работе, мы первыми поднимаемся вверх по склону. Я пойду по дороге влево, а ты вправо. Возможно, одного из нас убьют, а может, и вдвоем останемся живы. Если повезет, то встретимся через ночь на рассвете, на вершине горы.

В ту ночь он сбрил мне крест на голове, а когда я ему предложил сбрить, он отказался. Побоялся, вдруг побег не состоится, то за побритую голову — смертная казнь.

Видя его волнение и я заволновался, но отступать было некуда, голова уже побрита.

Пятое марта. Обед. Я попил кофе, отдохнул. И вот уже сирена на работу. Быстро стал подниматься вверх к дороге. Взял кирку на плечо и стал удаляться как можно дальше от часового. По времени определил, что уже большая часть рабочих поднялись на дорогу. Через три минуты все поднимутся и часовой станет кричать. Бросил кирку и побежал. Обувь я приготовил заранее, вместо деревянной подошвы, которая веревками прикреплялась к ногам, сделал тапочки. Так я бежал, напрягая все силы и одновременно прислушиваясь, началась ли стрельба.

Но почему-то не слышал ни криков, ни погони, ни стрельбы. Силы стали покидать меня. Уже и лесок недалеко, но голова стала отключаться, как хочется упасть и хоть одну минутку передохнуть. И лес рядом, осталось пробежать метров десять, но ноги уже не идут.

Приостановился, чтоб перевести дыхание, но не удержался на ногах и повалился на землю. Первая мысль, которая пронзила мое сознание, что меня подстрелили.

Добраться бы до леса и перевязать как-нибудь ноги. Боли я не почувствовал, но ноги совершенно не двигались.

Стал пробовать приподняться на колени, но из этого ничего не получилось. Попытался ползти, работая изо всех сил руками. В детстве, когда мы играли, я очень ловко ползал на одних локтях, а тут еле-еле передвигаюсь, но все же добрался до леса. Прилег под елкой, потом, подтягиваясь на руках, приподнялся, чтоб посмотреть, далеко ли погоня. Ничего не вижу. Недалеко увидел бугор и решил подползти к нему. Снова осмотрелся, но никакой

погони не было. Решил перевязать свои раны, сел и стал осматривать ноги. Крови нет, значит я не ранен. Может, это от перегрузки мои ноги отказали? Быстро успокоился, все-таки не ранен и погони пока не видно. Снова переполз под дерево. Сейчас побыстрее бы добраться до воды и смыть следы, ведь через полчаса уже точно немцы с собаками будут тут. Я лег против солнца, немного расслабился. Стал думать, что делать дальше. Приходили ужасные мысли, как меня собаки будут терзать, как мое тело будут разрывать.

Ноги не отходили. В коленях появилась боль, как будто они переломанные. Еще раз осмотрел колени, но все было в порядке. Стал совершенно безразличным ко всему окружающему. Тело тяжелое, как свинцом налитое, потом бросило в жар. Сколько я пролежал совершенно не осознавая окружающего, не знаю. Жар прошел, но никак не мог понять, сколько я так пролежал. Не слышно лая собак. Решил встать и потихоньку добраться до воды.

Но что случилось? В мыслях я поднялся, а сам лежу. Хочу поднять руки, но и они не слушаются. Все... На этом моя жизнь прервется, умру, но на свободе. Долго я лежал прислушиваясь, ожидая собак, но вокруг была тишина.

Несколько раз делал попытки подняться, но все бесполезно. Жар совсем утих, но глаза не мог открыть, сильно клонило в сон. Стал бороться со сном. И вдруг услышал сирену, значит конец рабочего дня, пять часов вечера.

Четыре часа пролежал на свободе, четыре часа и нет собак, нет погони? А может, часовой не заметил, что я убежал, может, обратил внимание на моего друга?

Правда, я не уверен, что он хотел бежать. Скорее всего, он отошел далеко, но не побежал, а вернулся, когда его часовой окликнул. Тогда на него вся бригада обратила внимание, а что меня нет, того не заметили. Теперь мой побег обнаружат только в десять часов вечера, во время проверки, значит, еще есть время. Я совсем успокоился и уснул. Не знаю, сколько я проспал, но когда проснулся, было уже темно. Сильно замерз и сразу не мог понять, где нахожусь. Но постепенно мысли стали проясняться: совершил побег, уснул в лесу под деревом. Вспомнил, что мои руки и ноги не работали, а как теперь? Стал поднимать одну руку, потом вторую. Сел... Взялся за ветку, чтоб приподняться... И вот стою на своих ногах. Немного прошелся. Боли нет, куда теперь идти? В воду следы смыть, но для этого надо спуститься вниз, а потом снова вверх. Нет, я потрачу много сил и времени. Ужасно мучил голод, что бы поесть? Об этом я совершенно не подумал.

Есть ли здесь деревня близко? Наверное, есть, ведь не могли же немцы ездить в лагерь за тридевять земель, значит, они жили где-то поблизости. Надо подняться на вершину горы, ведь без деревни мне не обойтись. Идти было легко и даже кушать не хотелось. Когда поднялся на вершину горы, уже занималась заря. По солнцу я определил, где восток. В том направлении заметил деревню, лес подступал к самым домам. С другого конца деревни открытое поле. Пока ночные сумерки не рассеялись, я решил пройти к деревне через поле.

Немецкие дворы я хорошо знал, кругом постройки или стена из камней. Самое главное, пробраться во двор, замков в сараях нет и забраться в курятник или подвал было легко. Хорошо, что главная улица с другой стороны, а поле подвело меня прямо к задней стене какого-то дома. Подошел к забору и стал открывать калитку, но она оказалась закрытой. Тогда я перелез через забор и открыл калитку. Тишина. Скребусь тихонько по двери сараев, в одном из сараев отозвались куры. Стараясь не поднимать шума, открыл дверь. Решил взять только две курочки, хозяева не обеднеют, у них было много кур, а мне хорошая поддержка будет.

Повадки курей я знал, если ей головку зажать под крыло, она не закричит.

Пока взошло солнце, я уже был в лесу. Лес был смешанный. Теперь нужно как можно глубже уйти в лес.

Вспомнил, как мы во время голода искали желуди, решил найти дуб и устроиться под ним. Приметил одно дерево и стал пробираться к нему. Когда подошел к дубу, там столько прошлогодних желудей было, что мне стало на душе легче. Во время голода я ел желуди, горькие, но кушать можно. Здесь же под дубом устроил себе завтрак.

В первую очередь набросился на кур. Наступил на головку, дернул — головка отлетела и я стал с жадностью пить кровь. То же сделал и со второй курицей. Со стороны можно было подумать, что зверь терзает кур. Как бы я ни осторожничал, но все же весь выпачкался в кровь.

Когда покончил с этой процедурой, мне не стало легче, но почувствовал голод с еще большей силой и готов был проглотить этих кур вместе с перьями. Но я вспомнил голод тридцать третьего года, когда голодные люди съедали лишнее и умирали от этого. Только бы мне сейчас не съесть лишнего. Очистил несколько желудей. Курицу общипать не хватило терпения, я разорвал ее на части и достал внутренности. Прости, читатель, с кишок я немного сдавил и стал есть с очищенными желудями. Чем больше ел, тем сильнее чувствовал голод, я не понимал, что со мной творится. Начал бить себя по рукам, потом поднялся и стал ходить вокруг кур. Сознание говорило, чтоб я не ел, но терпения на это не хватало. Разрешил себе съесть два желудя и постепенно дрожь в теле от голода утихла, успокоился и голод уменьшился. Солнце уже было высоко, а я все продолжал ходить вокруг дерева. В конце концов подошел и общипал кур. Хотя вокруг меня было очень много желудей, но я не позволял себе даже их есть. Только периодически съедал несколько штук. Я находился на свободе, но борьба за жизнь продолжалась, хотя и имел что покушать. После обеда разрешил себе распотрошить вторую курицу. Какой приятный запах, я не ощутил его совершенно, когда потрошил первую. Теперь ел медленно, хорошо пережевывая мясо с желудями. Какое удовольствие глотать, уверен, что человек проживший всю жизнь в роскоши, ни разу так не наслаждался обедом, как я наслаждался в ту минуту.

К вечеру собрал побольше листьев и устроил постель.

Перед сном еще раз решил покушать мяса с желудями, но как только укусил первый раз, почувствовал, что снова превращаюсь в зверя и сейчас проглочу все с костями. С трудом овладел собою и стал есть желуды, а ногтями отщипывать мясо маленькими кусочками. Силы воли в борьбе за жизнь было достаточно. Оставил кур в покое до следующего дня, подвесил тушки на дерево и улегся спать. В листьях было и мягко и тепло. Проснулся, когда солнце стояло высоко, посмотрел на кур, которые весели надо мной, но кушать не хотелось. Чувствовал жажду и не знал, что делать. Деревня находилась в двух километрах от меня, но днем появляться там было рискованно, ведь в свой первый побег я уже ходил днем в деревню и сразу поймался. Тем более, что сейчас я был в полосатой одежде, любой человек узнает, что я беженец из Бухенвальда. Все-таки нужно терпеть до вечера.

Походил взад, вперед возле своей берлоги, жажда немного прошла, и я решил поесть. Снова стал отрывать мясо маленькими кусочками, сколько ногтями оторву то и в рот отправлю, вперемешку с желудями — всему своя норма. Но вот чудо — небо покрылось тучами, и к обеду пошел дождь. Быстренько собрал свою постель под дерево. Стал собирать капли дождя в ладони, чтоб попить, но ужаснулся, когда увидел свои руки. Они были все в крови, почему-то раньше я этого не замечал. Помыл руки, собрал воды в пригоршню и стал пить, но вода снова оказалась красная. Я понял, что мое лицо тоже все в крови. Если бы я пошел в таком виде в деревню не только люди, но и собаки разбежались бы с перепугу.

Посмотрел на пиджак, он был тоже весь перепачкан.

Застирал его и привел себя в порядок. Теперь спокойно смогу пойти в деревню. Я оставил пиджак под дождем, а сам спрятался под дерево. Дождь шел мелкий, но пиджак быстро промок, хоть выкручивай. Я так и сделал, и тут пришла мысль, а что если таким способом попить воды?

Стал выкручивать пиджак и пить эту воду, так за несколько раз и напился. Стало веселее работать возле курицы, пиджак воду собирает, а я обедаю. Ясно, что без воды мне не прожить, решил вечером сходить в деревню за посудиною, а потом уже отправляться в путь.

Снова выглянуло солнце. Повесил просушить одежду, а сам прилег набираться сил. К вечеру вышел на опушку леса, чтоб меньше ночью идти. Хорошо сориентировался, где моя постель и стал ждать до полуночи. Как стемнело, пошел в деревню. Иду как к себе домой, хотя был здесь всего один раз. Без особых приключений зашел в коровник. Почувствовал

запах картошки. Нашел в углу ведро, положил в него картошку и пошел домой, в лес.

Немного пронес — тяжело, решил отсыпать чуть-чуть и пошел дальше. В лесу никак не мог сориентироваться, где моя постель. До утра просидел под деревом, а как только рассвело, заметил свой «дом», так как мое дерево было выше других. Очень обрадовался, теперь я имел хороший запас продуктов и решил немного пожить здесь, пока окрепну, а потом можно отправляться в путь. Прожить сутки в лесу, что год прожить, а сколько прошло дней, со счету сбился. Мясо кончилось, но желудей было много, да еще и картошка, ничего что сырая, но намного лучше лагерьной жидкости. Я был рад, что в Германии в марте месяце часто идут дожди, поэтому меня не волновал вопрос, где взять воды. После дождя вода собиралась в лужи и когда отстоится можно было пить.

Но долго так продолжаться не могло, нужно было отправляться в путь, но прежде всего сходить в деревню за продуктами на дорогу. На этот раз я забрался в подвал и набрал картошки. Затолкал ее в карманы и стал искать по полкам какую-нибудь посуду для воды.

Нащупал бутылку с чем — то, стал вытаскивать и зацепил что-то, опрокинул и наделал шуму. Залаяла собака. Я кинулся к выходу, прислушался — собака лаяла у соседей, скорей уходить. С бутылкой в руках побежал через поле, а лай собаки сопровождал меня. Отбежал уже далеко, когда услышал голос мужчины и собака перестала лаять.

За все время свободы, первый раз пришел в ужас, услышав человеческий голос. Все, в этот день ухожу отсюда. Пообедал желудями с картошкой, запил соком, который оказался в бутылке, затем долил ее водой и отправился в путь. Жизнь деревни я уже изучил. Сюда приезжают машины утром и вечером, привозят одних военных, а увозят других. Я понял, что это военный городок и от него надо держаться подальше. Но вот новая беда, когда тронулся в путь обнаружил, что лес, в котором я находился, был огражден сеткой и вдали виднелись сторожевые будки. Все это время я находился на территории лагеря. Меня часто интересовал вопрос, почему по следу не были пущены собаки, но только с годами я понял, что никому и в голову не придет искать беглеца у себя под носом. Оставался один путь — опять перейти деревню ночью и через поле уходить, так как другой дороги нет. Деревня стояла сплошной стеной, но из каждого двора был выход. В лесу оставаться опасно и я решил любыми путями уходить из лагеря. В любой момент мои следы могут обнаружить, да еще в таком маленьком лесу, который и лесом назвать нельзя.

Наступила глубокая ночь и я двинулся в путь. Осторожно подхожу к крайнему двору, кажется, и дышать боюсь. Бросил камень, узнать есть ли собака во дворе.

Тишина. Еще раз бросил, ни звука. Пробрался через двор, но заднюю калитку оставил приоткрытой, на случай, если придется убежать. Подошел к воротам, но они оказались закрытыми. Тогда я попробовал маленькую калитку, которая находилась рядом, но и она была на засове. Открыл потихонечку ее, а сам боюсь выйти. Там свобода, но там и опасность, охрана. Бесшумно вышел и прижался к стене, весь превратившись в слух, казалось, только оторвусь от стены, сразу услышу проклятое «Хальт». Почему так страшно? Сделал шаг, потом второй и бесшумно пересек улицу, а дальше в чистое поле. Иду, не слыша своих шагов и не оглядываясь. Оглянулся уже далеко за деревней. В некоторых окнах горел свет. Далеко впереди тоже заметил огоньки и старался идти от них подальше. Уже начало светать, а силы на исходе.

На горизонте появился лес, только бы дойти к нему. Решил присесть и чуть-чуть отдохнуть. Прикинул, что за ночь прошел не более пяти километров, а до леса еще с километр. Напился немного и снова пошел. Когда взошло солнце я был уже в лесу. Тут же присел отдохнуть.

Возле леса проходила асфальтная дорога. Не успел сесть, как услышал шум машины. Двигаться в глубь леса у меня не было сил и я решил лечь, чтоб остаться незамеченным.

Возможно, это эсэсовцы едут в лагерь смену принимать, а с ними будут и собаки. Проехало несколько машин и стало снова тихо. Надо идти в глубь леса, так как оставаться на опушке было опасно. Здесь был густой смешанный лес. Это был настоящий первый день на свободе. Я очень радовался этому и стал прикидывать, в каком направлении нужно

двигаться. Решил идти на Чехословакию, ориентируясь днем по солнцу, а ночью по звездам, но самое главное, я знал, что мне нужно идти на юг.

Жизнь в лесу

Счет дням и числам я давно потерял, знал только, что мой день рождения двадцать четвертого марта и мне исполнится двадцать лет. Прошел ли этот день я не знал, но решил его отметить. Ночью пошел в деревню сменить полосатую лагерную одежду на гражданскую. Зашел в конюшню и стал искать рабочую одежду. Вещей было много, я снял свою и стал примерять все, что было в сарае.

Пиджак подобрал слегка большой, брюки выбрал самые маленькие. Оделся и ушел, но подходя к лесу, понял, какую я сделал ошибку: оставил в конюшне свою одежду. Вернуться обратно и забрать? Очень опасно, будь что будет, да и тучи собираются — дождь пройдет и смоем все следы. Ничего покушать в деревне я не нашел. Пока я жил на одних желудях, но с картошкой было бы лучше, как с хлебом.

В деревню я больше не ходил, потому что картошку немцы хранили в буртах, прямо в поле. Это очень облегчило мне жизнь. Днем высмотришь место, а когда стемнеет — иди и бери. Много я нести не мог, но на два-три дня хватало.

Однажды, когда я пошел высматривать бург, услышал как кто-то поет. Стал прислушиваться, откуда доносился звук и пошел на голос. Выглянул из леса и вижу, мужчина пашет поле. Он дошел до конца поля и повернул лошадь в мою сторону. Снова запел и тут я услышал украинскую песню «Розпрягайте, хлопцы, коней». По спине поползли мурашки, что делать, объявить себя?

Пойти попросить спичек у земляка, чтоб спечь картошку, печеная все же лучше, а заодно узнаю, где сейчас фронт.

Может, он не узнает, что я сбежал из лагеря, ведь одежда у меня гражданская? Но вид мой, конечно, выдаст меня с головой. Посмотрел на свои руки, они были такие худые, что мне сразу расхотелось ему показываться, откуда знать, что он не заявит в полицию. Чем ближе он к лесу, тем глубже я в лес. Он снова повернул, я постарался побыстрее выйти, так как заметил повозку. Очень быстро забрал его обед и возвратился в лес. Ты не пообедаешь, а я справлю себе день рождения. Сколько сразу событий — гражданскую одежду достал, а теперь настоящий обед. Можно и день рождения справить. Хорошо пообедал, первый раз за три года, запил молоком. В лесу чувствовал себя как дома, зверей не боялся, а только боялся встречи с людьми..

Хотелось побыстрее уйти от опасных мест, поэтому сколько хватало сил я шел, шел и шел, останавливался только отдохнуть и поесть желудей. Часто попадались кормушки для оленей, значит, можно столкнуться с людьми, а этого я больше всего боялся. Как-то ночью шел я сосновым лесом. Небо затянуло тучами, было совсем темно. Иду и думаю: «Куда ты так торопишься?

Вот напорешься на сук и глаз выколешь». Остановился, нет, идти дальше опасно. Тут же улегся спать и крепко проспал остаток ночи. На утро, когда проснулся, почувствовал, что мои ноги лежат под уклоном. Сел, о ужас, я сижу на краю обрыва. Если сейчас неосторожно повернусь, то полечу в пропасть. На четвереньках отполз подальше от опасности и стал сам себя хвалить. Какой я умница, какой умница! Если бы не подумал о том, что могу выколоть себе глаз, еще шаг и полетел бы в пропасть. Как хорошо, что я вовремя остановился. Осторожно обошел этот обрыв и спустился вниз. Какое прекрасное место! В затишье поднялась молодая зелень, из скалы вытекал тоненький ручей прозрачной воды, сразу захотелось попить из него. Прошел немного дальше и обнаружил небольшое углубление в скале. Здесь было так хорошо, что мне не хотелось больше идти, страшная усталость навалилась на все тело. В кармане было несколько желудей и картошин, поэтому я решил здесь же в пещере позавтракать. После завтрака продолжил осматривать местность. Вверх по склону горы простирался лес, а внизу, похоже, есть деревня. Можно немного пожить на этом

месте. Собрал листьев в пещеру и лег отдыхать. В листьях легко согрелся. Как мне хотелось побыть в тепле! Быстро уснул и проснулся, только когда сгустились сумерки. Надо идти на промысел. Когда вышел на опушку леса, увидел огромное поле и бурты с картофелем. Идти было тяжело, поле было вспахано еще на зиму. В первом бурте обнаружил картофель, но мне захотелось посмотреть в другие бурты поменьше, которые я приметил в стороне. В них я нашел свеклу и морковь. Как я обрадовался, когда увидел все это.

Выкинул из карманов картошку и взял морковь. Но пока я дошел до своей пещеры, пришлось несколько раз выбрасывать морковь, чтоб уменьшить вес, принес совсем мало — не мог донести. Поел и снова на промысел, до восхода солнца еще три раза сходил к буртам. Наконец понял, что от буртов до того места, где находилась пещера, далеко и я сделал себе хранилище на опушке леса.

Наносил картошки и морковки, но и следов оставил немало, дорогу протоптал до самого леса. Я надеялся, что сейчас ранняя весна и хозяева не придут в ближайшие дни, а там дождь смоем все следы. Теперь можно остаться в этой пещере до конца войны. Морковь укрепила мои силы, но от сырой картошки началась рвота.

Кто мне скажет, когда кончится война, может, она уже кончилась? Еще немного проживу здесь и, когда окрепну, пойду в деревню. Волосы уже отросли и одежда у меня гражданская. А если уж и остановит полиция, буду говорить фамилию своей знакомой, адрес назову старого лагеря. Скажу, что когда нас эвакуировали, то я сбежал.

Так я решил на всякий случай, а пока жить буду здесь.

Однажды произошел со мной удивительный случай, наверное, если проживу и до ста лет — никогда не забуду его. Как-то забрался я на вершину горы. Весна была в разгаре, трава зазеленела и все вокруг ожило. Перед моими глазами открылась чудесная панорама и в голову стали приходить удивительные мысли. Откуда произошла вся эта зелень? Уже и деревья начали зеленеть. На протяжении своего одиночества я привык рассуждать сам с собой.

— Кто создал эту красоту? — воскликнул я и снова, в который раз, вспомнил свои сны, — откуда они пришли, видно, есть какое-то подсознание. Но тогда кто мне мог говорить, объясняя сон — это уже не подсознание. Откуда кто знал, что я буду жить? А может, есть Бог? Может, и есть, но Его никто не видел, как об этом можно узнать?

Если б Он был, то кто-то видел бы Его. А если Он есть, Он может прийти ко мне ночью и объяснить мне, как тогда во сне, голосом, чтоб я узнал, что Он есть. А почему ночью, а не днем? Ученые могут не все знать, а сам Бог знает все о Себе. А что если спросить — есть Он или Его нет? Если Он есть, то и ответит, а если нету, то и отвечать будет некому. Люди становятся на колени перед Ним, наверное потому, что Он все знает? Здесь никого нет, нахожусь я на самой вершине горы, никто меня не увидит и не будет смеяться, что я стою на коленях и спрашиваю кого-то, существует ли Он. Стал на колени, закрыл глаза и не знаю, что говорить и как спрашивать. Стою на коленях и жду неизвестно чего. Меня почему-то бросило в дрожь, как будто я попал к большому начальнику на прием, и я стал говорить:

— Если Ты есть Бог на небе, Ты видишь, у меня нет ножа, чтоб почистить картофель, ем сырую и даже не очищенную.

Это не была молитва, я ничего не просил, я не просил нож. Я просто не знал, что говорить, поэтому сказал то, в чем больше всего нуждался в тот момент. Я ужасно мучился от голода... Вдруг какая-то сила подняла меня и развернула на 180 градусов. Первая мысль, которая пришла в голову: «Все... Поймался». Боялся даже глаза открыть. Но по-прежнему была тишина, открыл глаза никого не было. Кто же меня развернул? Стал подниматься с колен и оперся руками о землю. Смотрю, а передо мною лежит маленький перочинный нож. Меня стало трясти, как в лихорадке, если бы передо мной стояла полиция, то это бы меньше удивило, чем этот маленький нож. Стою на четвереньках и не знаю, что делать, было такое чувство, будто я не один, что за мной кто-то наблюдает. Взял нож и стал подниматься. Может ли это быть случайностью? Нож даже не ржавый, может, кто-то прошел и уронил? Какое невероятное совпадение. Лес большой и в этом месте потерять нож, когда природа

только оживает после зимней спячки, кто мог лазить по этим горам, да еще зимой. И надо же на это место прийти мне, стать на колени и сказать: «У меня нет ножа». Кто-то повернул меня, потому что нож лежал сзади. Это уже не случайность, это ответ на мой вопрос: «Есть ли Ты, Бог? Есть Бог! Есть Бог!» А может, это Бог говорил во сне: «Будешь жить». Тогда легко понять мои сны, они не случайно исполнились. А может, случайностей не бывает, ведь Бог знает все, что есть и что будет. Да, случайностей не бывает, все просто запланировано Богом наперед и я теперь точно знаю, что буду жить. Одно не могу понять, почему поставлено условие — если пройдешь преграду, будешь жить. А... кажется, понял, это так Бог хотел мне объяснить конец моих скитаний. Иначе как бы я знал, что в конце концов выживу, а теперь знаю, потому что преграду уже прошел. Не Бог уберет преграду, а мне надо пройти через нее. Много для меня тогда было не понятно, но одно я знал теперь точно, что Бог есть. Люди как-то молятся, а я не умею. Когда-нибудь я буду среди людей, куплю книгу молитв и выучу молитвы на память и тогда смогу молиться. Так я думал тогда.

Сколько я прожил в лесу, не знаю, постоянная борьба за существование вымотала из меня последние силы.

Днем еще крепился, но ночью — сырость и холод пробирали меня до костей, пытался согреться, набросав на себя побольше листьев. Раньше это помогало, но сейчас почему-то нет. По ночам поднималась температура и кашель рвал грудь. Наверное, снова воспаление легких.

Находясь в полусознательном состоянии, чудилось мне, что я уже дома — на Украине. То видел озабоченное лицо мамы, а то вдруг слышу голос моей сестрички Оли:

«Грицько, вставай, нэ лэжи, бо помрэш». Но приходя в себя, видел перед глазами все тот же серый каменный потолок моей пещеры. В последнее время даже кушать ничего не мог. Да что там ничего, если у меня кроме картофеля больше ничего не было, а на нее я и смотреть не мог, меня от нее рвало. Кое-как заталкивал себе в рот по одному желудю. Нет, без помощи людей мне не обойтись. Наверное, правильно Оля предупредила, когда я находился в полузабытье, что надо вставать, иначе умру.

Нужно выбираться отсюда. О, сколько раз я последним рывком своего измученного тела убегал от смерти, и только на этот раз я был уверен, что мне поможет Бог.

Хотя я не понимал еще, что можно помолиться, но был уверен, что Он сохранит меня. Я встал. Но куда идти, искать дорогу в Чехословакию, это осталось только мечтой, хотя бы дойти до ближайшей деревни. А что если попадусь? Все равно нужно идти. А вдруг и немцы помогут? Теперь я пришел к выводу, что это Бог посылал мне хороших людей, может, и сейчас пошлет. Но перебороть себя не смог — людей боялся. Ночью полез в погреб, чтоб взять что-то съедобное, но только не картошку. Первая попытка была неудачной — собаки подняли лай, и я удрал. В деревне увидел церковь, подумал, а что если я сяду возле церкви пусть меня заберет поп, а не полиция. Нет, лучше не рисковать, поп мог заявить в полицию. И я вернулся в лес. С утра начался дождь, стало сыро и холодно. Уже и желуды не мог есть и, в который раз, твердо решил ночью идти в деревню найти покушать, иначе совсем не смогу выбраться отсюда. Пусть все собаки лают, но я найду продукты.

Случайно наткнулся на проезжую дорогу и пошел по ней, пока не вышел на край леса. Огляделся и увидел недалеко станцию. Стал наблюдать за ней, увидел поезда и в моей голове начали зарождаться новые планы. Ночью я раздобуду продукты, потом сяду на товарный поезд и он меня довезет до Чехословакии, а там я уже и пешком дойду на свою родную Украину.

Освобождение

Меня терзал невыносимый голод, готов был идти в любой дом и просить есть. Вышел из лесу и пошел по направлению к деревне. У меня уже выработалась привычка запоминать названия деревень (на всякий случай).

Я прочитал название поселка и несколько раз повторил его в уме. Совсем близко

находилась станция. Снова пошел дождь, пришлось спрятаться под деревом. Небо затянулось тучами, потемнело, как ночью, можно бы пораньше пойти в деревню на поиски пищи. Но сознание говорило, что это день, и я не осмелился идти, присел под деревом и стал дожидаться темноты. Вдалеке приметил туннель, который проходил под железной дорогой. Уже вечерело, можно спрятаться там от дождя. Пока дошел до туннеля, окончательно промок. Вошел — ничего не видно. Прислонился к стенке и стою. Было очень тихо, но вдруг кто-то осветил меня фонариком. Страх сковал все тело: «Ну вот и все, попался, рухнули все мои планы».

Прямо передо мной стоял полицейский, направляя свет фонаря мне в лицо.

— Откуда ты идешь?

— С работы.

— А где живешь?

И я назвал деревню, название которой днем выучил.

— А кто твой баур?

Я замолчал, ведь я никого не знал. Полицейский приказал заложить руки за голову и идти вперед. Зашли на станцию. Он стал задавать мне вопросы, а я только головой кручу, мол, ничего не понимаю.

— Кто ты по национальности — рус? — спросил полицейский.

— Рус, — ответил я.

Он обыскал меня и в кармане нашел мой ножик.

Покрутил его и пробормотал удивленно:

— Таким ножом и цыпленка не зарежешь.

Потом стал проверять другой карман и вытащил желуди.

— Зачем тебе желуди? — еще больше удивился полицейский.

— Кушать.

Я взял желудь, очистил его и стал есть. На станции находилось еще несколько человек, они удивленно уставились на меня. Видно подумали, что я сумасшедший.

Со станции меня повели еще куда-то. Руки уже полицейский не заставлял закладывать за голову. Шел я по улице едва волоча ногу, ругая себя за такую глупость. Надо же мне было идти в тот туннель, чтоб так легко попасться. И хотя я едва переставлял ноги, все же незаметно осматривался по сторонам, чтоб запомнить дорогу на случай побега.

Мы зашли в какой-то дом и полицейский стал спрашивать у немки, где ее рабочие. Со второго этажа спустилась девушка и зашел молодой парень — работник. Эти молодые люди оказались с Украины. Полицейский решил допросить меня с их помощью. Он достал свои бумаги и стал задавать вопросы. Но тут я решительно отказался отвечать:

— Я уже два дня ничего не ел и если меня не накормят, я отвечать на вопросы не буду.

Я упрямо наклонил голову и замолчал. Все равно мне уже деваться некуда, может, хоть покормят. К удивлению, мне подали хлеб с маслом и молоко. Я поел и сразу повеселел, значит, не все потеряно, раз дали поесть. На вопросы я отвечал через переводчиков, а сам наострил уши, правильно ли они переводят. Решил не говорить откуда я родом, а назвать город Сумы. И тут получилась маленькая путаница:

— Где ты жил до войны?

— В Сумах. Переводчица закричала.

— Я тоже из Сум, на какой улице ты жил?

— Выгон, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Выгон, а я жила на соседней улице, но почему-то тебя не знаю и фамилия твоя не знакома.

Ну, думаю, пристала.

— Я только приехал в тот город жить и меня забрали в Германию.

На вопрос, как на эту станцию попал, я ответил:

— Нас везли машиной. С другом я договорился, что на крутом повороте я выпрыгну, а он выбросит мои вещи.

Когда я выпрыгнул, он не выполнил своего обещания, поэтому я оказался без вещей и вот уже двое суток не ел.

Сел на поезд и приехал на эту станцию.

Так благополучно закончился этот допрос и меня посадили в подвал. В подвале стояла кровать. Когда это я последний раз спал на кровати? Дома, до Германии. Я лег в постель с надеждой согреться и отдохнуть. Пробыл три дня в этом подвале. Еду приносили три раза в день и я был вполне доволен. Но вот на четвертый день завтрак не принесли, стал дожидаться обеда, но и обеда не было.

Что же могло случиться? Долго не думая, пододвинул свою кровать к маленькому окошку, которое находилось вверху, чтобы посмотреть, что там делается на улице.

Увидел играющих детей и стал стучать в окно, чтоб хоть кто-нибудь обратил на меня внимание. Собрались дети, смотрят, как на диковинку, потом кто-то позвал взрослых. Я начал просить у них поесть. Они переговорили между собой о чем-то и стали выбивать двери. Открыли подвал и выпустили меня на улицу. Осмотрелся по сторонам. На всех домах белые флаги, наверное, у них сегодня праздник и поэтому обо мне забыли. Полицаев не увидел, а только жителей, которые объяснили, что начальства нет. Я был очень голодный и стал просить поесть. Один немец взял меня с собой. Когда мы пришли к нему, там готовились ко второму обеду, значит, четыре часа, ведь у немцев во всем заведен точный порядок.

Дверь на кухню была открыта и оттуда неслись такие ароматы, что у меня сразу закружилась голова, и я прислонился к косяку двери. За столом сидели две девушки, а через боковую дверь вошли двое мужчин лет по тридцать пять. Хозяйка-немка подала обед на стол и тоже села вместе с ними. Тут хозяин объявляет:

— Сегодня у нас гость, я решил взять его к себе.

Хозяин подошел ко мне и стал приглашать к столу, но потом посмотрел на меня чумазого и повел в баню умываться. Все поджидали нас и не начинали есть, такой у них был порядок — не начинать обед без хозяина, а может, и у всех немцев так, я не знаю. Посреди стола стояла большая миска с едой и каждый наливал, сколько хочет в свои тарелки. Хозяин-немец посмотрел на меня изучающим взглядом. Все налили себе супа и я заметил, что в миске осталось много жира. Хотел взять весь этот жир, но хозяин забрал разливную ложку из моих рук и налил мне только юшку. Я быстренько все это проглотил и наблюдаю, что другие будут делать. Мужчины поели и снова берут добавку. Беру и я разливную ложку, решил съесть еще пару таких тарелочек, но хозяин снова отобрал у меня ложку и не разрешил мне есть. Налил в чашку кофе с молоком и дал кусочек хлеба с маслом. Так закончился обед. Сидел за стол голодным и вышел не сытый. Вышел во двор и думаю, куда же мне теперь идти, немец оказался скупой, даже хорошо не покормил.

Подошел хозяин и предложил сесть на скамейку, а сам ушел. Я не понимал, что он хотел со мной сделать, куда он так быстро ушел? Пока не поздно, надо бы сматывать удочки, но куда идти? Только я решил разобраться в обстановке, выходит немка и зовет меня в баню.

В бане я обнаружил на скамье брюки, рубашку и нательное белье. Хозяйка показала на ящик, куда можно бросить грязное белье и ушла. Не мог понять, что это за люди, кушать не дали вдоволь, а в баню завели такую красивую, какой я еще за всю жизнь не видел. Потолок был выкрашен в белый цвет, а стены обложены цветным кафелем. Мыла было очень много.

Наверное, он все же обознался, когда приглашал меня к себе, а во время обеда рассмотрел меня и теперь пошел докладывать начальству, что он задержал опасного преступника. А помыться предложили, чтоб задержать меня. Интересно, за кого он меня принял, может, он меня где-то видел? Пока они дознаются, откуда я, хоть вымоюсь нормально, а потом и убегу. А может, он и не думает меня сдавать начальству, а будет держать как работника. Нужно постирать свое нательное белье самому, ведь оно было все в печатях «Бухенвальд», сразу догадаются, откуда я.

Быстро искупался, оделся в чистое белье, а свое выстирал и развесил за сараем на дереве, чтоб никто не мог видеть. Когда же справился с этим делом, присел под деревом и

незаметно для себя уснул. Один из работников подошел тихо и положил руку мне на плечо. От неожиданности я закричал: «Мама». Он тоже не ожидал такого и отскочил от меня. Так мы стояли некоторое время, пяля глаза друг на друга. Немного пришел в себя и думаю:

«Чего я ору, ведь так можно на мякине попасться: сразу ясно, что я чего-то боюсь, никто за мной не гонится и за плечи не хватает». Во дворе стоял хозяин, а с ним пожилой, прилично одетый мужчина с чемоданчиком в руках, похоже, что в этом доме принято принимать гостей. По тому, как они улыбались, ясно было, что они слышали мой крик. На душе стало легче, я понял, что они ничего плохого мне не сделают. Вошли в дом, ужин уже был подан, и все сели за стол. Незнакомец начал разговор и спросил на ломаном русском языке.

— Какой мой звать?

Я понял, что он спрашивает мое имя и ответил.

— Григорий.

Все стали повторять мое имя. Один из работников хозяина был поляком и свободно повторил мое имя. Но у хозяина с хозяйкой получалось очень смешно и все развеселились.

— Можно говорить просто — Гриша.

Конечно, Гриша у них получилось лучше. Все говорили, кроме двух девушек, которые, как и днем, сидели молча за столом. За ужином повторилась та же история, что и в обед — хозяин не разрешил мне много есть. Только закончился ужин, хозяин предложил мне и другому гостю пройти с ним на второй этаж. Мы шли по длинному коридору, по обе стороны которого располагались комнаты. Открыл одну дверь и сказал, что это будет моя спальня. Зашли в его рабочий кабинет. Пожилой мужчина, который вероятней всего был не случайным гостем в этом доме, знал русский язык, но очень плохо составлял предложения.

— Есть ли у тебя документы?

— Нет.

Тогда он стал спрашивать фамилию, откуда родом и вдруг задал неожиданный вопрос.

— Веришь ли ты в Бога?

— Да, верю.

— Какое твое вероисповедание?

— Не знаю.

— Давно ли ты верующий?

— Уже девять дней.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Тебе двадцать лет и из них девять дней верующий? Тогда Расскажи, в какой церкви ты был и какая проповедь коснулась тебя?

— В церкви нигде не был и ко мне никто не касался.

— Тогда Расскажи, откуда ты знаешь, что есть Бог?

— Я Его спросил, и Он мне ответил.

— А ты молишься Богу?

— Нет, я еще не выучил молитву.

— А ты Христа знаешь?

— Нет, я с Ним нигде не встречался.

— А ты с Богом встречался?

— Нет, не я встретился с Богом, а Он со мной встретился и повернул меня лицом к Себе, чтоб я Его увидел, потому что я тогда стоял спиной к Нему и не мог Его увидеть. Я тогда стоял на коленях, а когда я встал на ноги, то Он уже ушел, и я Его не увидел.

Я стал прислушиваться, как переводит этот пожилой мужчина немцу-хозяину мой рассказ и услышал, что он совершенно не так объясняет, как я ему говорил, а потом еще добавил:

— Похоже, что этот мальчишка не в своем уме.

Это меня оскорбило, я повернулся к хозяину и начал объяснять как мог, на немецком

языке, откуда я знаю, что есть Бог. Рассказал ему историю о моем ножике.

— Этот нож полицией отобрал у меня на станции и отдал дежурному. Это было три дня назад, а девять дней прошло, как я спросил у Бога, существует ли Он. С тех пор я верю, что Он есть, поэтому я и сказал, что я верующий девять дней.

Хозяин дома пришел в восторг. Он привстал взял мою руку и начал ее трясти.

— Ты брат мой!

Я подумал, что он обознался и перепутал меня со своим братом, недаром же он во время обеда смотрел мне в лицо. И я решил сказать правду.

— Вы обознались, у меня есть два брата, но они моложе меня.

Хозяин обратился к незнакомцу и говорит:

— Доктор, проверьте его здоровье, может, ему нужна медицинская помощь.

Доктор попросил меня раздеться и начал прослушивать мою грудь и спину. Затем проверил мой пульс, температуру и заключил:

— Сильно истощен от голода. Жирного ему не давайте, молоко только кипяченое или кофе, а также суп и немного хлеба — это поправит его здоровье.

Потом обратился ко мне:

— Какую пищу вы употребляли в последнее время?

— Желуди, — ответил я и слегка улыбнулся, представив какую реакцию это вызовет у них.

— Что, какие желуди? Вы что, рвали с деревьев желуди и кушали?

— Нет, я их не рвал, а собирал вокруг дерева и ел вместе с сырой картошкой.

Врач предложил хозяину ежедневно проверять мой вес, я должен поправляться не менее чем по двести граммов в день.

Так прошел мой первый день в этой семье. Хозяин перед уходом пожелал мне спокойной ночи. Я остался один в комнате и стал разглядывать ее. Это была небольшая, но очень уютная комната. Кровать высокая, аккуратно застелена. Я представил, как буду в ней нежиться и мне захотелось побыстрее лечь. Уже собрался выполнить свое намерение, как вдруг на небольшом столике заметил зеркало. Уже более трех лет я себя не видел, интересно, как я выгляжу? Взял зеркало в руки и посмотрел, но сразу же с ужасом отшатнулся, чуть не уронив его на пол. Зеркало было небольшое и в нем я увидел череп, обтянутый темно-грязной кожей с черными глазами и черными волосами. Неужели это я? От этого потрясения не мог прийти в себя. Лег в постель, но уснуть никак не мог, она была слишком мягкой, да и спать под белой простынею не привык. Нервы мои были тоже на пределе, за кого они меня приняли? Ведь если они узнают, откуда я, скорее всего отдадут меня властям. И тут я вспомнил о своем белье, которое развесил на дереве для просушки. А вдруг кто-нибудь увидит его с печатями Бухенвальда, что тогда будет? Нужно обязательно снять, когда все уснут, но как это сделать незаметно? Вспомнил перед сном Николая Ивановича, как во время войны он зашел к нам ночью и признался, что он еврей. Потом спросил у отца: «А что ты будешь со мной теперь делать?»

Отец ответил: «Обогрею, накормлю, переночуешь, а утром сам скажешь, что мне делать». Бедный дядя Коля!

Лишился семьи и искал добрых людей, которые бы спрятали его. Конечно, отец был его другом, но рисковал он и своей семьей, укрывая от немцев. В народе говорят:

«Что посеешь — то и пожнешь». А может, Бог воздаст мне добром за добро, которое сделал мой отец? Ведь отца могли вместе расстрелять, только кто-нибудь заяви немцам. Жестокие немцы. Но что с моим хозяином, он тоже немец, но все же накормил и обогрел меня. Мысли возвратились к вешему сну, в который я так верил. Я прошел все преграды... Дрезденскую тюрьму, концлагерь Бухенвальд, потом побег и жизнь в лесу. Самая удивительная история — это история с ножом. Теперь я знаю, что Бог есть. Если Бог воздал добром за доброту моего отца, тогда мой девиз будет с сегодняшнего дня: — «Живи для людей». Но как жить для людей? Проснулся я от стука в дверь. Это был работник-француз, который позвал меня к завтраку. Быстро оделся и спустился вниз на кухню. Хозяин дома

повел меня проверить вес. Стал на весы — сорок один с половиной килограммов, при моем росте один метр шестьдесят восемь сантиметров. Хозяин, видно, не поверил своим глазам, сказал мне отойти, а сам стал проверять весы. Поставил гирю в пять килограмм — весы показали точный вес. Еще раз проверил мой вес, покачал головой и записал в блокнот. На завтрак подали кофе, хлеб и масло. После завтрака пошли на конюшню, где было десять лошадей и пять коров. Я переоделся в рабочую одежду и хозяин указал мне на тачку, которая стояла в углу. Работник-француз начал накидывать в тачку, а я должен вывозить ее. Еще работая кочегаром на заводе, я хорошо владел тачкой, а тут не смог справиться, хотя она была наполнена до половины.

Попытался везти ее, но меня стало водить то влево, то вправо. Не удержавшись, повалился вместе с тачкой набок. Хозяин, наблюдавший за мной, быстро подбежал ко мне. Я прикрыл голову руками, ожидая побоев. Сейчас посчитает ногой мои ребра, хотя бы не поломал, а удары заживут, потом, как говорится, дай Бог ноги. Но случилось то, чего я совершенно не ожидал — хозяин и работник подняли меня под руки и поставили на ноги. Хозяин приказал работнику, чтоб он постелил солому во дворе и уложил меня отдыхать.

Так проходили дни. Каждый день я кушал за столом со всеми, а когда все уходило работать, я шел отдыхать на свою соломенную постель. Со стороны можно было подумать, что дворняжка греется на солнце. Каждый раз, когда хозяин взвешивал меня, я слышал радостное восклицание: «Гут». Я прибавлял ежедневно по полкилограмма в весе. Я выходил за ворота — на домах висели все те же белые флаги. Весна была в разгаре и все возрождалось к жизни вместе со мной. Я радовался, что могу видеть всю эту красоту — аккуратные домики, с аккуратными клумбами, ухоженными садами. Но все это было такое чужое, непонятное, что тоска сжимала мою грудь.

Хотелось домой, на Украину, увидеть белые мазанки, которые утопают в вишневых садах, увидеть родные лица. Доведется ли? На одиннадцатый день, после завтрака, хозяин сказал:

— Хорошо все оденьтесь, сегодня войдут американские войска.

Мы все оделись и вышли на улицу. Боя никакого не было, а проехало очень много американских танков, которые заполнили все улицы. На танках сидели американские солдаты и местные жители махали им в знак приветствия. Тяжелые машины везли снаряды и орудия.

Было очень похоже на военный парад, только там едут все в касках, а здесь как на прогулке, у всех головы открыты. К вечеру весь этот «парад» проехал, и мы пошли ужинать. Стол был праздничный, а для меня вдвойне, хозяин разрешил мне самому наливать в тарелку и кушать, сколько я захочу. Но хотя я и стал больше кушать, все же мне не хватало этого и однажды я поймался на воровстве. После завтрака коровам выносили вареную картошку, которая остывала больше часа. Я заметил это и повадился ходить в коровник подкрепляться. Сяду возле таза чищу картошку и ем. Как-то хозяин вошел во время моего обеда, стал сзади и наблюдает. Хорошо наевшись, поднялся и увидел, что хозяин стоит, вытаращив на меня глаза. От стыда я чуть сквозь землю не провалился. Хозяин спросил:

— Ты что, голодный?

— Да, я ведь не завтракал, а только кофе попил.

Он запретил мне кушать в коровнике. Повел на кухню и сказал хозяйке, что всякий раз, когда я появлюсь на кухне, значит, я голодный и меня надо покормить. Может, я злоупотреблял добротой хозяина, но через каждые два часа я появлялся на кухне и каждый раз получал порцию от хозяйки. Почувствовал себя окрепшим, захотелось отблагодарить хозяина и решил сделать уборку в сараях.

Девятое мая

Утро. Хозяин и хозяйка празднично одеты. Обе девушки, дочери хозяина, вышли в нарядных платьях, с красиво уложенными волосами. Только сейчас я обратил внимание, что

это были очень милые особы. Во время завтрака хозяин с торжественным видом объявил.

— Сегодня закончилась война с Россией.

От радости я подпрыгнул за столом и спросил:

— Какое сегодня число?

— Девятое мая.

— Девятое мая, а сколько дней я прожил у вас?

Хозяин заглянул в блокнот и ответил.

— Девятнадцать дней. За девятнадцать дней ты набрал десять с половиной килограммов.

Я стал подсчитывать в уме, сколько же я прожил в лесу — вышло сорок шесть дней. Сорок шесть дней, а когда я жил в лесу, мне казалось, что прошло не меньше трех месяцев. Какие это были дни! Я как бы про себя проговорил.

— Сорок шесть дней.

— Что ты сказал? — спросил хозяин.

— Сорок шесть, — ответил я по-немецки.

— Это ты сорок шесть дней жил в лесу?

— А откуда вы знаете, что я жил в лесу?

— Я все знаю, на второй день я обнаружил твоё бельё на дереве. Принеси его сюда.

Теперь я понял, что он все знает обо мне, но я уже не боялся его, да и война окончилась. Я принес рубашку и подал хозяину.

— А теперь расскажи нам, откуда ты?

Я стал рассказывать ту же неправду, что говорил раньше, но хозяин меня остановил. Он развернул рубашку и держит её, как будто получил в награду.

— Элла, — обратился он к младшей дочери, — прочитай надпись на рубашке.

Элла подошла к хозяину, внимательно присмотрелась и говорит:

— Бухенвальд.

— Это твоё рубашка, — спросил хозяин, — или ты её украл?

— Моя.

— Тогда расскажи, откуда она у тебя взялась и не бойся, никто тебя здесь не тронет.

И тут я им открылся.

— Моя фамилия Зинченко, зовут действительно Гриша. И я стал рассказывать подробно о своей жизни, начиная с того момента, когда меня забрали на работу в Германию. Мой первый побег. Все пришли в ужас, услышав о тех мучениях и пытках, которые применяют к людям в Дрезденской тюрьме, от рассказа о подземном театре, где люди наслаждались человеческими мучениями. Тут меня хозяин немного прервал и добавил, что он слышал о таких театрах. Там обучают жестокости молодых офицеров — заставляют привыкать к виду крови и мучениям людей. Я продолжил свою историю о Бухенвальде и как я спасся от крематория. Когда я закончил свой рассказ, хозяин рассказал, что произошло с Бухенвальдом.

— Когда американцы бомбили стены Бухенвальда, чтоб арестанты могли разбежаться, то оказалось, что весь лес окружен немецкими войсками и всех, кто пытался бежать — расстреливали. Было даже объявлено по радио, что если кто заметит подозрительного мужчину или женщину, нужно сообщить в полицию. Арестанта можно опознать по выстриженному кресту на голове, вот и Григор говорит, что сбрил этот крест перед побегом.

Так в разговорах и воспоминаниях прошел праздничный ужин. С того дня я добровольно проявлял усердие: кормил лошадей, коров, делал уборку в сараях. За все мои старания меня кормили досыта, сколько я хотел.

Так как мы кушали наливая с общей миски каждый себе, я старался весь жир собирать в тарелку, к тому же, если кому попадался жирный кусок мяса, то его отдавали мне.

Я поедал все это с неизменным аппетитом. Когда же начались полевые работы и все уходило в поле, я оставался один и был за хозяина. Продолжал проверять свой вес и радовался, что ежедневно прибавляю по полкилограмма. Иногда я выходил в городок и

бродил по улицам, которые были переполнены войсками.

Как-то в воскресный день хозяин дал мне хороший костюм и предложил пойти в город вместе с Эллой, быть ее телохранителем, ведь город переполнен военными. Я стал своим человеком в этой семье. Хозяйка относилась ко мне доброжелательно, но девушки разговаривали со мной только тогда, когда нужно было передать какую-нибудь просьбу родителей. И вот, когда мы гуляли с Эллой по городу, я спросил у нее.

— Знаешь ли ты семью, в которой работают русские парень и девушка?

— Да, знаю.

— Можешь ли ты меня отвести к ним, я хочу поблагодарить их за ночной обед.

Мы вошли в дом. В зале сидела хозяйка и ее работница, которую я хорошо запомнил как землячку. Элла и хозяйка дома обнялись, а я сделал поклон головой. Хозяйка стала спрашивать Эллу обо мне, но я ответил сам.

— Вы меня видели, может, уже забыли?

Она внимательно посмотрела на меня и говорит.

— Нет, я никогда тебя не видела.

Тогда я спросил у землячки, помнит ли она меня, но и она отказалась. Я поблагодарил хозяйку за ночное угощение, которое получил от нее, когда полицей привел меня на допрос, а девушка и парень были переводчиками.

Девушка позвала парня.

— Ваня, иди сюда, ты узнаешь этого парня?

— Нет, я его никогда не видел.

— А помнишь, как-то ночью полицей привел мальчишку и мы переводили ему.

— Помню.

Но когда я заговорил к ним на украинском языке, то они сразу вспомнили. Я стал частым гостем в этом доме и они познакомили меня с другими украинцами, которые жили в этом городке. Когда мы собирались вместе, то делились новостями. У всех было одно желание — скорее вернуться на Украину. После таких встреч с земляками у меня не проходили мысли о доме, хотя здесь мне было очень хорошо. По воскресным дням мы ходили в церковь.

После служения хозяин мне рассказывал об Иисусе, но мой немецкий был очень ограничен, и я больше догадывался, чем понимал. Однажды после воскресного служения я сказал хозяину, что открылись лагеря, куда собирают русских для отправки на Родину и я тоже хочу возвратиться домой. Эта новость его сильно опечалила.

Я ожидал, что это обрадует его, ведь лишний рот за столом, но он не советовал мне возвращаться, уговаривал, чтоб я остался жить у него. Он предупреждал, что меня могут обвинить в измене Родине, и я уже почти решил оставить мысли о доме, ведь тут я чувствовал себя в безопасности.

Эллу я уважал как родную сестру, но частые прогулки по городку нас сблизили. Она рассказывала об отце, какой он хороший, что отец очень гордится мною и всем рассказывает, как спас меня. Он всегда мечтал иметь сына и меня принял, как сына. Моя душа разрывалась надвое.

Мне хотелось остаться в этом доме, но как только я вспоминал Украину, своих родителей, моих братьев и сестер, душа моя рвалась домой. Все чаще по вечерам заходил разговор на эту тему, но я старался уйти от этого разговора, а на прямо поставленный вопрос отвечал:

«Еще подумаю». Когда я проходил по коридору второго этажа, смотрел на двери. Первая дверь была кабинетом хозяина и потом их спальня. Затем шла спальня Мэри, а за ней Эллы. Здесь я останавливался и мне хотелось постучаться в дверь и пожелать ей спокойной ночи, но я этого никогда не делал, так как считал, что это неприлично. Проходил еще две комнаты, которые были уже пустые — француз и поляк уехали. Самая последняя комната — моя. Это мой дом, делай, что хочешь, отдыхай, читай.

Книг русских мне принесли много, было время — я читал, но сейчас не до книг.

Ложился в кровать, все хорошо, только бессонница мучает, домой хочется. Начинал мечтать, как вернусь домой, какая будет радость. Мы уже не виделись три года, возможно, кого-то уже нет в живых, ведь шла война. Но мысль о том, что родителей нет в живых, причиняла мне муку и я сразу отгонял ее в сторону. Хотелось верить, что все хорошо, скоро увижу своих. Вернутся прежние счастливые времена, когда за родительским столом собиралась вся семья. Обеды наши не были такими сытными, как у этого немца, зато веселья за столом было больше. Почему-то вспоминалось все хорошее. Веселые, с искорками насмешки глаза отца часто представляли перед моим мысленным взором, и в такие минуты я готов был снова обречь себя на трудности, лишь бы попасть домой. Всегда старался думать, что родители живы. Они меня провожали, и они меня ждут. И я останавливался на одном: мне нужно возвращаться домой. Съездил с друзьями на велосипеде в русский лагерь переселенцев, который находился примерно в двадцати километрах. Посмотрели на жизнь в лагере, народа там было много, кормили хорошо.

Рассказывали, что сюда приезжают вербовщики из Аргентины, Бразилии. Те, кто не хотел возвращаться обратно в Россию или на Украину, записались на очередь, чтоб выехать в какую-нибудь страну. Туда старались брать семейных. Эти люди должны были пройти медицинскую комиссию и потом их увозили в другой лагерь. Конечно, лагерей было много, а желающих остаться в Европе — еще больше. Но я окончательно решил ехать домой и ничто не могло повлиять на мое решение. Прощальный вечер прошел грустно и это понятно. Хозяин совершил молитву надо мной, мы обменялись адресами и распрощались. Я не знал, как отблагодарить хозяина и только повторял:

— Бог вам заплатит за меня.

На следующий день отправился в лагерь. Делать там было нечего и мы организовали группу велосипедистов, которые ездили по деревням и просили продукты для общей кухни. Я был доволен этой работой, ведь так быстрее проходило время. Когда мы ездили по селам, вели себя прилично и были довольны тем, что нам давали. Но существовала другая группа людей, которая занималась разбоем и прославилась своим пиратством.

Проявляли наглость, грабили и награбленное привозили в лагерь для общего пользования. У них даже появились мотоциклы с коляской. Но я к таким людям не присоединялся, поскольку считал себя верующим. Однажды наша группа примерно из пятнадцати человек выехала в направлении «моей» деревни. Я проговорился, что здесь недалеко живет мой хозяин. Все сразу же изъявили желание поехать к нему. Я согласился, но при одном условии, что мы ничего просить у него не будем, даже яиц, ведь он был такой добрый ко мне. Воображая из себя героев-победителей, мы вихрем внеслись во двор и я, как свой человек, иду к дому. На крыльцо вышел очень взволнованный хозяин дома, оно и не удивительно, ведь слух о русских, как о грабителях, дошел и до него. Я подошел к хозяину и снова стал благодарить за спасение моей жизни. Взгляд его сразу потеплел, а тут и хозяйка вышла на крыльцо. Нас пригласили в дом, накрыли стол и принесли ящик вина. Сколько я жил у них, ни разу не видел, чтоб в этом доме пили вино, поэтому был крайне удивлен. Прошло уже четыре года как я пил вино и знал, как болит голова после этого. Решил выпить совсем немножко, но даже от такого количества у меня закружилась голова. Я обратил внимание, что за столом не было Эллы.

— А где Элла?

— Она больная и лежит в своей комнате.

Я очень растерялся, не ожидая такого ответа. Поднялся на второй этаж, несмело постучал в комнату Эллы и зашел. Да, действительно она была больна. Немного посидел, поговорил. В последний раз я попрощался с Эллой, в ответ она покачала головой. Так и уехал в лагерь. Это было последнее свидание с этой семьей. Через несколько дней нас отправили на родину. Подали машины, загрузили наши вещи и прощай, Германия!

Эта история не выдумка, а действительная жизнь Григория Зинченко.

Часть III. Возвращение на родину

Был жаркий августовский день, церемония передачи пленных проходила в торжественной обстановке. Несколько сот американских солдат были выстроены в три ряда, как на параде, а с другой стороны в таком же порядке, но только в четыре ряда, выстроились русские войска. Машины с пленными находились на нейтральной полосе. Мы сидели в открытых машинах и ждали, что будет дальше. Но вот, по какому-то невидимому знаку, колонны двинулись навстречу друг другу. Со стороны казалось, что идут навстречу два вражеских полка. Было такое чувство, что русские сорвутся с места и с криком «Ура, за Родину, за Сталина!» — пойдут в атаку. Но произошло совсем по — другому, здесь навстречу друг другу шли союзники. Когда войска сблизилась, все остановились, офицеры вышли вперед. Минута напряженного молчания. Мы, казалось, перестали дышать, внимательно наблюдая, что будет дальше. Они подали друг другу руки, а потом стали обниматься. Ряды дрогнули и через какое-то мгновение все смешалось, солдаты бросились навстречу друг другу с распростертыми руками, как бы говоря, что оружия уже нет в их руках и они готовы обнять друзей. Простые солдаты двух могущественных стран обнимаются, и слезы радости блестят на глазах. Мы, сидевшие в машинах, были люди гражданские и не знали, что нам делать? Не верилось, что дожили до минуты освобождения, что страшное все осталось позади. Здесь были те, кого добровольно-принудительно угнали на работу в Германию, и сейчас они пожелали вернуться на родину. Но были и те, кому удалось спастись из фашистского плена, чудом оставшиеся в живых и поэтому особенно счастливые.

Женщины, со слезами на глазах, бросились к солдатам, все повыпрыгивали из машин, стали целоваться и обниматься, хотя были совершенно чужие, но радость всех объединила, сделала близкими и родными. Наконец, все успокоились, но слезы продолжали литься из глаз.

Солдаты стали угощать друг друга, чем могли. На душе был покой, конец скорбям! Свобода, скоро будем дома!

Какое счастье — после испытаний и трудностей соединиться в едином порыве радости. Уезжая, американские солдаты на прощанье долго сигналили, мы, провожая их, махали руками до тех пор, пока машины исчезли из поля зрения. Нам предложили располагаться кто где может, под открытым небом, поставили небольшую охрану, хотя мы и не собирались куда-то бежать. У некоторых были мешки и даже чемоданы с вещами. Стали делать постель для ночлега. У меня же не было ничего, кроме костюма, который дал хозяин и рубашки с печатью «Бухенвальд», но душа моя пела от радости. На следующий день нас разделили на группы, женщин отвезли в женский лагерь для отправки домой.

Мужчин же разделили на две группы, молодежь до двадцати пяти лет в одну группу, а остальных — в другую.

Позже я узнал, что старшую группу отправили в Сибирь на лесоповал. Меня, как и всю группу, зачислили в армию. Так, находясь еще на немецкой земле, я стал солдатом.

Когда-то, еще живя в лесу, я мечтал добраться до Чехословакии. И вот, похоже, мечта стала сбываться.

Там, где можно было пройти за три дня, нас водили целый месяц, по одной и той же дороге, из Германии в Чехословакию и обратно, то на север, то на юг. Наконец, мы вырвались из этого заколдованного круга и через Польшу двинулись на Украину. К зиме мы пришли в город Коростень Житомирской области, где и началась по-настоящему моя служба в армии.

Я быстро пошел на повышение. Меня сразу же приняли в комсомол, ведь это считалось путевкой в жизнь.

Затем перевели в отдел писарем батальона, так как у меня был красивый почерк, а вскоре я стал заместителем начальника по политзанятиям. Занятия проходили по понедельникам, и им я посвящал все свое время. В штабе мне давали подсобный материал и говорили, на какую тему я должен подготовить доклад. Занятия проводил капитан, у

которого я был помощником. Но через некоторое время мне доверили самостоятельно проводить политзанятия. Сначала, для практики, мне доверили роту, но впоследствии дали батальон. Слух о том, что я был узником «Бухенвальда», прошел по всему гарнизону.

Однажды мне предложили рассказать о своей жизни в «Бухенвальде». Собрался целый батальон. Стали сыпаться вопросы и вместо одного положенного часа учебы прошло четыре. С того времени парторг взял надо мною шефство, чтоб подготовить меня в члены компартии.

Прошло уже полгода службы в армии. Письма домой писал часто, но ответа почему-то не получал, наверное, из-за того, что писал много подробностей из моей солдатской жизни. Я описывал, что служу в авиации, город, где проходит моя служба. Так или иначе, но письма дальше армейской цензуры не шли. Я решил написать письмо в сельский совет, с просьбой сообщить о моих родственниках, живы они или нет. И вот за четыре года я получил первую весточку от родных. Писала сестричка Оля. С трудом я разбирал слова, письмо было в дороге месяц, изрядно потрепалось, да к тому же все залито слезами. От радости я даже не мог читать, хотелось сразу все охватить одним взглядом. Но вот читаю:

«Гриша, мы остались сиротами, родители убиты. Мы-то уже взрослые, но Рая, ей только семь лет, а Ване девять.

В прошлом году был неурожай, картошка уже на исходе, ждем новой. Володя и Дуся живы, так и живем впятером, только о тебе ничего не знали, даже не надеялись, что ты жив. Документы о гибели родителей мы имеем, но помощи для сирот никак не можем добиться. Может, ты попросишь свое начальство об этом, ведь отец погиб на войне».

Радость померкла, все поплыло перед глазами, я так ждал весточки из дома, так надеялся на встречу и вот...

Я представил своих братьев и сестер голодными, это дети, родители которых погибли на войне. Куда смотрит наша партия, в которую и я скоро влечу? А может, это только там, в моей деревне? И я решил при первой возможности поговорить с начальством. Хотелось съездить в отпуск, но кто отпустит? Фронтовики, которые пройдя войну, служили в армии и их не демобилизовали, многие имеют семьи. Дети, возможно, тоже голодают, нуждаются в помощи отца, но чем отец может им помочь сейчас? Ведь ни рядовому солдату, ни старшине жалование не полагалось, давалась только мизерная сумма, которой хватало разве что на три пачки сигарет в месяц. И это победители - солдаты самой сильной армии в мире. К чему все мои политзанятия? Я говорю солдатам о сильной, богатой и непобедимой стране, а они получают письма из дому и узнают, что их семьи не имеют вдоволь хлеба. А может, они и раздеты, до войны ходили в самотканых одеждах, а как сейчас? Вспомнилось, как в Германии во время перехода наш полк выстроили в поле. Объявили, чтоб все личные вещи, которые мы около месяца протаскали на горбу, сложить на землю в кучу. Все подчинились приказу. Потом приказали сдать все золотые вещи: кольца, часы, цепочки и другие изделия из золота офицеру, исключалась всякая возможность что-то спрятать. Нас заставили отступить от вещей на десять шагов, все облили бензином и подожгли. У меня была единственная рубашка, которую я одел на себя. Для меня это была память о «Бухенвальде». С болью посмотрел на солдат-победителей, которые приедут домой с голыми руками, к голодным семьям. Первый раз я пожалел, что не остался в Германии, но было поздно.

Снова стал готовиться к политзанятиям. Следующая тема: «Первая стадия построения социализма». Эта тема состояла из трех частей, две из которых мы уже прошли: «Переходной период от капитализма к социализму — НЭП». Вторая часть: «Коллективизация — вступление в социализм». Третья часть, к которой я готовился, была: «Без тяжелой индустрии — нет социализма».

Капитан решил провести занятия сам, потому что на уроке будет присутствовать комиссия, а мне надо будет только ответить на некоторые вопросы солдат, значит, сегодня выпал не тяжелый день.

Капитан провел лекцию в возвышенном духе. О построении тяжелой индустрии он

говорил мало, зато легкую разнес в пух и прах. Он объяснял, что враги народа предлагали постепенный переход от легкой к тяжелой индустрии. Сначала развитие легкой, а потом уже и тяжелой. Когда он закончил свою лекцию, солдаты стали задавать вопросы, на которые капитан отвечал сам.

Но на вопрос: «Почему для построения тяжелой индустрии понадобилось конфисковать банки у частных владельцев?» — капитан обратился ко мне и спросил:

— Сможешь ответить на этот вопрос?

Я согласился и стал объяснять:

— Богатство страны было разделено на три категории. Одна часть богатства принадлежала частным банкам, другая — церкви, но основная часть находилась у населения.

Пока я говорил про первую и вторую часть — все шло хорошо. Начальство было в восторге. Начал объяснять за третью часть:

— Золото также было у народа, но мужик даром его не отдаст, нужно золото и серебро взять силой, или хитростью. Для этого был разработан план. Открыли торгсины, где только за золото продавались хорошие товары, но когда в стране начался голод, здесь за золото продавали продукты. Для рабочих этот вариант сработал легко, но крестьянин, собрав хороший урожай, не нуждался в хлебе. Поэтому у крестьян забрали весь урожай, предложив покупать продукты в торгсинах...

В это время поднимается капитан и объявляет, что занятия затянулись, продолжим эту тему в следующий раз.

Первый допрос

После отбоя меня подняли и приказали собираться с вещами в командировку. Все вещи, какие у солдата, надел на себя и пошел в сопровождении конвоя. За углом нас ожидала машина, в которую меня посадили и повезли.

Когда выехали за город, водителю приказали остановиться и меня повели по тропинке в лес, руки приказали держать за спиной, идти никуда не сворачивая. Я шел впереди, а двое военных сопровождали меня сзади.

Пройдя немного, услышали оклик:

— Стой, кто идет, пароль?

Отвечили пароль и нас пропустили. Через время повторилось то же самое: «Стой, кто идет, пароль», — снова пропустили. Когда меня повели в лес и дали команду: «Руки назад», — я понял, это не к добру. Произошла какая-то ошибка, вины за собой не чувствовал, но почему ведут на расстрел без допроса? В штабе полка меня все знали, ничего подозрительного я не заметил, если же в чем и подозревают, почему никакой беседы не проводили?

Даже допроса не делали, а может, это из-за отца, может, он в чем-то был замешан, ведь он ездил со старостой села по лагерям военнопленных и выручал их. Вопросов сотни, но ни одного ответа. В лесу я привык ходить без охраны, куда хочу, туда и иду, а тут охрана и не убежишь, сразу расстреляют.

Мы пришли к большой палатке, которая охранялась двумя часовыми. В палатку впустили меня одного. В первой комнате сидел военный, спросил фамилию и пропустил в следующую комнату. И тут я увидел за большим столом трех военных. Посреди комнаты стоял стул, на который мне указали сесть. Начался допрос. Очень вежливо предупредили: «На все вопросы отвечать ясно и точно, за малейшую неправду подлежишь военному трибуналу». После этой церемонии предложили расписаться, что я буду говорить только правду. Задавали вопросы, которые не имели никакого значения.

— Фамилия.

— Зинченко Григорий Васильевич.

— Дата рождения.

— Двадцать четвертое марта, тысяча девятьсот двадцать пятого года.

— Значит, двадцать один год.

Стали спрашивать за деда, где жил и работал до войны, а ведь я его совсем не помню. Спросили, где работал отец и мать и кто были их близкие знакомые, чем занимался отец во время оккупации, какие были тайные собрания в доме во время войны? Со страху, я говорил все подряд, вспомнил и за еврея Николая Ивановича.

— Чем занимаются родители сейчас?

Этот вопрос был самый легкий. Я ответил, что три дня назад получил письмо, из которого узнал от своей сестры о гибели родителей во время войны. Стали выяснять мое прошлое, где учился, кем работал до войны, чем занимался во время оккупации и почему уехал в Германию? Здесь я погорячился и сказал:

— Мне было шестнадцать лет, когда нас бросили советские войска, я никому не был нужен, вот немцы и подобрали.

Сразу пошли оскорбления и угрозы в мой адрес. Слышу пришивают мне статью: изменник Родины и немецкий шпион. Но главное обвинение, которое выдвинули против меня, распространитель антисоветской пропаганды среди солдат.

— Признавайся, с кем имеешь связь и откуда получаешь ложные сведения?

— Все материалы к лекции я получаю в штабе через капитана.

— В штабе все лекции проверены и утверждены, ни одной даже подобной лекции там нет. Признавайся, откуда получаешь задание клеветать на Родину и сеять недовольство среди солдат?

Я стал отрицать это:

— Я никаких связей не имею и говорю только то, что изучал в школе по истории или дополнительной литературе, которую получал от капитана. Начался более откровенный разговор.

— Откуда ты получил ложные сведения за тридцать третий год? Если сейчас не выдашь всех клеветников, можешь считать, что живешь последнюю ночь.

А я подумал, сколько их было, последних ночей в моей жизни и ничего, пережил.

— Признавайся во всем. Понимаем, тебя втянули по молодости и неопытности, но если раскроешь всю эту банду, мы тебя пожалеем. Рассказывай кто они, эти лжецы, которые наговорили тебе таких глупостей.

Я вспомнил дядю Тиму, ведь он меня предупреждал: «Если кому расскажешь, попадешь в беду — это государственная тайна». Но какая же это тайна, когда весь мир знает? Много раз в Бухенвальде я слышал от иностранцев, которые любили рассуждать о политике, за тридцать третий год. Какой же я невезучий, что там сидел и слышал все это. Они, конечно, не предупреждали, чтоб никому не рассказывали об этом и не говорили, что это государственная тайна.

— Имена я их не знаю.

— Врешь, говори их имена.

— Они нерусские, поэтому я не знаю их имена. Были чехи, французы и итальянцы, когда я был в Бухенвальде, от них все слышал....

— Врешь, фашистский подонок, ты в Германии был.

— Да, я был в Германии, а Бухенвальд — это немецкий концлагерь, вот там я и услышал об этом.

— Ну хорошо, говори все, что они рассказывали.

Я повторил свой рассказ об искусственном голоде. Мой рассказ быстро записывали, иногда задавая дополнительные вопросы. Когда я окончил рассказ, один из военных заявил:

— Ни в каких лагерях ты не был и никаких доказательств у тебя нет. А теперь признавайся, где ты слыхал эту чушь?

Я расстегнул свой сюртук и показал рубашку с печатью «Бухенвальд». Меня заставили снять рубашку и отдать на экспертизу.

— Там сделают снимки, проверят твои отпечатки пальцев и тогда ты по-другому заговоришь.

Предложили расписаться в том, что я за всю свою жизнь никогда и нигде не буду распространять эту антисоветскую пропаганду и клевету на Советский Союз.

Я расписался под этими словами, а потом еще с десятков листов подписал и сам не знал за что, только бы отстали. Еще раз предупредили:

— Среди солдат никому ни слова. Иди и хорошо подумай, а на следующий раз расскажешь всю правду. Если спросят, куда вызывали, то отвечай, что был в командировке. Мы с тобой не виделись и ни о чем не разговаривали.

Когда я вышел оттуда, было уже утро. Те же двое привезли меня в штаб, а вечером я пошел в свою роту. Весь ночной кошмар остался позади. Счастье еще, что сам остался жив, а помогла мне лагерная рубашка, чудом сохранившаяся до этого времени.

С того дня эта история была моей глубочайшей тайной, я никогда и никому ее не рассказывал. Забегая наперед, хочу сказать, когда моему старшему сыну Виктору было двадцать пять лет, это было 7 августа 1975 года, я впервые рассказал ему о том случае в лесу и объяснил ему всю правду, зачем был устроен искусственный голод в 33 году. Он меня внимательно выслушал и сделал свой вывод: «Ты, отец, никому не рассказывай эту чушь. Это баптистская пропаганда. Я, как сын, промолчу, но если ты где-то проболтаешь об этом, то знай — первый раз ты отсидел как верующий, но второй раз сядешь за болтовню и больше тебе семьи не видеть. Я честный человек и пропаганда на меня не действует». Так тщательно старались скрыть правду о тех страшных временах, что даже родному отцу сын не поверил.

Прошло еще 12 лет. Этот же сын, который назвал себя честным человеком, приносит мне газету и показывает:

«Отец, читай, вот статья за голод 33 года. Здесь написано:

«Враги народа устроили голод в 33 году». Но подробностей в статье не было, что же это за враги, с какой планеты они свалились на наши головы? Кто им дал такую власть — уничтожать целые села, так и не хватило мужества автору этой статьи назвать их имена, а может, не имел права?

Как быстро я поднялся по положению в армии, так же быстро я покатился вниз — перевели в стрелковую роту рядовым солдатом.

Я христианин

Прошел год службы в Армии. Солдат из нашего полка, в том числе и меня, отправили в срочную командировку в Москву на строительство аэропорта Шереметьево. В своем полку я был писарем и здесь снова попал в писари. На строительные работы не ходил, хватало дел и в казарме — одни бригады приезжают, другие уезжают.

Я обязан был выписывать продовольственные карточки, ставить вновь прибывших на военный учет. В январе 1947 года пришел приказ всех солдат из ВВС (Военно-воздушные Силы) направить в свою часть. Работы прибавилось. Приближались выборы в Верховный Совет. Все солдаты должны были голосовать по месту прохождения службы, но так как нам срочно надо было уезжать, мы должны были иметь открепительные талоны на право голосования. Просидел всю ночь над этими талонами.

Утром дали команду готовиться к отправке на вокзал, а у меня с открепительными непорядок, задержал начальник штаба — нужна была его подпись и печать. Принес ему на подпись целую гору этих открепительных, которые после подписи солдатам надо раздать. Времени в обрез. Говорит, раздашь в поезде. Он стал подписывать бумаги, а я ставил печати. Я, конечно, усердный работник — положил тетрадь и штампу, где открепительные листы, а где и просто чистые. Сильно не злоупотреблял, но на пяти чистых листах печать стояла. В поезде я раздал солдатам справки на право голосования, а лучших друзей, но только не из нашего полка, награбил неиспользованным отпуском. Написал и себе: «За особо выдающиеся заслуги при выполнении военных обязанностей, награжден отпуском на 10 дней, без учета времени в пути. Ввиду сложившихся обстоятельств, отпуск не использован. Администрация Воинской части просит предоставить отпуск по месту прохождения

службы».

В конце была печать, которую я поставил раньше и ниже сам расписался.

Так в мае я получил «неиспользованный» отпуск.

Прошло шесть лет, как меня провожали на станцию всей деревней. А теперь иду один, а вернее бегу или лечу пять километров со станции домой, а душа поет: «Бежал бродяга с Сахалина, звериной узкою тропой». Был полдень, от волнения, казалось, сердце вырвется из груди.

Наконец появилась крайняя хата. По письмам я знал, что это наша. Отцовской уже не было, сгорела во время войны, а эту даже хатой трудно назвать — просто «курень» какой-то. Постучал в дверь. Тихо. Тут прибежала девочка лет девяти-десяти и снова убежала куда-то. Я сел на крылечко. Немного погодя услышал разговор:

— Там, какой-то дядя.

— Какой дядя, кто?

— Я не знаю, какой-то чужой дядя.

Заходят во двор.

— Вот этот дядя.

Рая держалась за руку старшего брата Володи.

— Братишка, Гриша, ты?

— А кто же еще, за вора приняли что ли...

Больше слов не было. Обнялись. Горло перехватило, говорить не можем, а только плачем.

— Рая, это наш...

Девочка стоит посреди двора в недоумении.

— Это наш... Наш Гриша. Я подошел и поцеловал ее.

— Конечно, откуда она может знать меня, ведь когда я уходил, ей было всего три годика.

Так мы стояли во дворе, разговаривали. Был уже обед и коровы, подгоняемые нетерпеливыми пастухами, возвращались домой.

— Гриша, сейчас увидишь, какой помощник у меня Ванюша, ему уже двенадцать лет.

Заходит Ваня. Красавец, глаз не оторвешь. Огромные черные, как угольки, глаза и черные, как смоль, кудри кольцами спадали на лоб. Защемило в груди, ведь копия отец. Мальчик не среагировал на меня, а я почему-то растерялся и не посмел обнять его.

— А Оля где? — спросил я.

— Она скоро придет, свеклу полет, а в обед приходит корову доить.

Тут стали доноситься девичьи голоса, шум, смех.

— Да тебе и горя нет, все шутки да прибаутки.

— Я уже свое отплакала, сколько можно, уже и слез нет. Не задерживайтесь, девочки, сегодня допоздна будем работать, первыми закончим свою ланку.

Не обращая внимания на нас, с ходу дает приказ:

— Володя, сегодня сам корову подоишь, а я только пообедаю и уйду. Заводи своего друга в дом, вместе пообедаем, а после поговоришь.

— Оля да это же...

— Вечером тоже не жди, сам управляйся.

Она подошла поближе к нам. Стала и остоленела, смотрит на меня и заикается, что-то хочет сказать и не может.

— Оля, это же Гриша! Я бросился к ней и обнял.

— Ты... — и слезы градом, — Гриша, — больше ничего не может сказать, слезы рекой и только изредка, — Роденький... Гриша...

Рая и Ваня, стоя в сторонке и видя наши слезы, тоже стали плакать.

— Да что мы стоим посреди двора, пошли в дом. На стене висел портрет родителей, обвитый черной лентой. Оля перехватила мой взгляд и снова расплакалась.

— Папочка, мамочка, посмотрите, он домой пришел, папа, посмотри твой любимчик

живой.

Мы, обнявшись впятером, стояли посреди комнаты и плакали. Оля то мне посмотрит в лицо, то деток крепче прижимает и голосит:

— Бедные мои сиротки, недобрые люди забрали папу и маму, но Бог милостив, нам братика возвратил.

В дом вошли девушки и тоже стали плакать. Я говорю:

— Оля, к тебе пришли.

Тут она заметила своих подруг и бросилась к ним, плачет. Я с Володей уже не плакали и стали успокаивать всех. Все утихло, а Оля как бы опомнилась:

— Да что это я делаю? Вы уже девочки пообедали, а я Грише и кушать не дала. Садитесь, вместе пообедаем.

— Спасибо, мы пообедали. Ты оставайся дома, а мы сами управимся.

Володя пошел доить корову, а Оля стала подавать на стол. Обед был очень скромный, борщ из крапивы, слегка зажаренный, и каша пшенная с молоком, которое занес Володя.

— Ну, братишка, мы шесть лет не виделись, но спирту я тебе не предложу, пить в моем доме не будем, я верующий, встанем и попросим благословения на пищу.

Как когда-то в детстве, начался семейный обед, только ухаживала не мама, а Оля.

— А где же Дуся, почему ее нет? — спохватился я.

— Ой Гриша, да она же замуж вышла, уже не живет с нами, видимся редко, она под Харьковом, в Дергачах, можно съездить к ней.

Так начался мой отпуск. Я стал ходить к друзьям, родственников проводывал. Везде меня угощали и ставили на стол что-нибудь спиртное. И всякий раз, когда я брал стакан в руки, в моих ушах звучали слова брата Володи: «Я верующий». Ведь я тоже верующий, я тоже знаю Бога, значит, я верующий. К вечеру голова трещала от выпитого, а ноги еле волочил.

Пришло воскресенье, все стали собираться в дом молитвы. Пошел и я. Говорящий объявил тему: «Христос обнищал ради нас (2 Кор. 8:9) и вы куплены дорогою ценою». Говорил просто и понятно. В заключение прочитал: «Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей. Христос положил Свою душу за нас».

После проповеди объявили, что вечернего собрания не будет, а будет встреча молодежи двух течений, баптистов и пятидесятников. Так я побыл в баптистском собрании, а вечером вместе с братом пошел на эту встречу. Беседа была бурная, каждый указывал на Евангелие, читал из него. Для меня, конечно, это был темный лес, но в голове, как гвоздь, застряли слова: «Христос умер за людей». Хорошие слова, но кто были те люди, за которых Он умер?

Беседа мне показалась скучной. Когда закончили непонятный для меня спор, молодежь пятидесятников предложила пойти с ними на молитву. Я и Володя решили пойти. Когда пригласили к молитве, то я, ради приличия, стал со всеми на колени. Молились усердно, с закрытыми глазами, не обращая внимания друг на друга, а я стоял и рассматривал молящихся. Но вот один парнишка на коленях подходит ближе ко мне и громко объявляет:

— Слушай слово Господне.

Все замолчали. Я весь превратился в слух, ожидая услышать голос, как когда-то во сне. Этот мальчишка начал говорить что-то непонятное. Но среди непонятных слов вдруг послышалась немецкая речь: «Пьяницы царствия Божьего не наследуют», — и дальше я снова не стал понимать. Но вот опять по-немецки: «Зачем ты носишь в кармане славу?» Дальше стали идти непонятные слова вперемешку с немецким. Последние слова были уже по-русски: «Ты мне нужен, ты мне нужен, ты не свой. Аминь». Все встали и обратили на меня внимание. Если б я сидел возле двери, выскочил бы. Встал и вытер пот с лица. Взоры всех были обращены на меня.

— Гриша, ты слышал, тебе два раза Бог говорил, что ты Ему нужен, покайся. Бог говорил: «Ты не свой».

— А вы слышали, когда Бог говорил?

— Мы слышали.

— Не Бог это говорил, а говорил этот мальчишка Петя, он был рядом со мной и я хорошо слышал. Он говорил на каком-то иностранном языке, которого я не знаю и на немецком тоже разговаривал, не ожидал я, что в нашей деревне есть такие образованные ребята. А скажите, верующим можно пить?

— Нет, написано, пьяницы царства Божьего не наследуют.

— Не сочиняйте, это вам Петя говорил. Петя, скажи, сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— А где ты учил немецкий язык?

— Я его не учил. Война была и я в школу не ходил.

— А откуда ты знаешь, что я выпиваю, и назвал меня пьяницей?

Тут все начали заступаться, что он такого не говорил.

— Я хорошо понял, он по-немецки говорил и еще он сказал, что я в кармане «славу» ношу. Вот это неправда, я на фронте не был и ордена «Славы» не имею.

— Петя, а в каком кармане у него «слава»?

— В рубашке слева.

Я достаю из гимнастерки комсомольский билет:

— Смотрите, кроме билета нет ничего.

— Гриша, а откуда ты придумал за «славу»?

— Петя меня спрашивал по-немецки: «Зачем ты носишь в кармане «славу»?»

Все поняли в чем дело, а я все еще недоумевал.

Открыли Писание и стали перечитывать места за иные языки.

— Это знамение для неверующих, а то, что ты понимал, было пророчество тебе в обличение. Смотри как написано: «Войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится», — тебе нужно покаяться, это не Петя говорил, а Дух Святой говорил через Петю, что ты не свой, ты нужен БОГУ.

В эту ночь я покался, получил прощение грехов и стал христианином. Очень быстро пролетело десять дней, отпуск окончился и надо было возвращаться на службу.

Меня провожала христианская молодежь баптистов и пятидесятников. На прощание подарили мне Евангелие. Уже на станции все еще раз совершили молитву за меня, и я уехал в свою часть.

Второй допрос

Все ушли в кино. Хорошо побыть одному, можно отдохнуть и поразмыслить. Я верил и знал, что есть Бог, но почему Он пошел на страдания, я до конца не понимал.

А теперь еще одна загадка — у Бога есть Царство, но кто там живет и как туда попасть? И я понял, что очень многого не знаю. Маленькое Евангелие, которое мне подарили, я прочел несколько раз от корочки до корочки.

Когда первый раз читал, казалось все понятно, но чем больше вникал в него, тем больше появлялось вопросов, на которые мне должен кто-то ответить. Нужно найти верующих, баптистов. Ведь у меня брат и родственники баптисты. И дядя Миша, проповедник, тоже баптист, все знает, выписал мне все места о Духе Святом. Я прилег в постель и углубился в чтение Евангелия. Меня очень волновали места о Божьей силе. Читая Евангелие, я не заметил, как уснул, проснулся утром. Сразу кинулся искать Евангелие, которого так и не нашел. Тут подошел солдат Коля Глухих и говорит шепотом:

— Вчера, когда мы вернулись с кино, ты спал и в руке держал Евангелие. У меня мама баптистка.

Так мы подружались. Когда настало воскресенье, мы пошли в город и нашли молитвенный дом баптистов.

После служения нас окружило много молодежи. Интересовались, давно ли мы верующие. Коля как-то замялся, а я сказал, что уже месяц. Я стал рассказывать, как

повстречался с молодежью, как уверовал, как молился и Бог проговорил ко мне, что я Ему нужен. Мы были очень рады, что нашли верующих. Когда нас провожали, одна девушка подала мне записку.

— Это адрес верующих, вы можете к ним приходить, это рядом с вашей частью.

Как-то вечером мы с Колей решили воспользоваться свободным временем и сходить к тем людям, адрес которых мы имели. Быстро разыскали дом, в котором жила вдова по имени Климца, ее дочери Света и Стася, и сын Казимир. Здесь собирались верующие для молитвы, и мы с Колей стали частыми гостями в этом доме. В то время я уже сознательно молился, после отбоя уходя к реке и там, возле скалы, в уединении молился Богу. Не подозревая слежки, часто бывал в доме Климцы. Однажды подняли всех по тревоге и объявили, что пропал солдат Зинченко, и те, кто следил постоянно за мной, после того случая с Евангелием, вызвались добровольцами найти меня, а что меня искать, — они знали все мои дороги.

Устроили надо мной самосуд. Выстроили всю роту в две шеренги и пропустили меня сквозь строй. Кто был в армии и хоть один раз видел, тот знает, что это такое.

Начиная с одного края шеренги, я шел сквозь строй, а каждому солдату приказано бить меня. Били в основном кулаками, но когда я падал, поднимали сапогами. Всей этой процедурой управлял капитан по политзанятиям, мой бывший друг. На следующий день меня вызвали на допрос в особый отдел. За столом, на котором лежало мое Евангелие, сидели капитан, командир полка и еще один военный, его я не знал. Я подошел ближе к столу и начался очередной допрос.

— Это твоя книга? — указывая на Евангелие, спросил один, — садись, поговорим.

Я обратил внимание на журнал с красной полоской поперек и стал вспоминать, где же я видел его. И вдруг вспомнил первый допрос в лесу — в этом журнале я расписывался о неразглашении государственной тайны.

Значит, на меня уже завели дело, а я и не подозревал, нужно быть осторожным. На все вопросы я отвечал коротко «да» или «нет». Сначала они грозили мне, а потом стали переубеждать, что Библия — это выдумка.

— В Библии написано, что не можете служить двум господам, а ты служишь в армии, не собираешься ли ты бросить службу?

— Нет, но двум господам служить не буду. Мгновенно пришла мысль: «Зачем носишь в кармане славу?» Я достал из кармана комсомольский билет и положил на стол, сколько раз я хотел избавиться от него и так просто все получилось.

— Билет заberi назад, нас просто интересует, правда, что ты молишься?

— Правда.

— А к какой вере ты принадлежишь?

У меня появилась мысль «ты Мне нужен», и я ответил:

— Я принадлежу Богу.

— Да нет, к какой секте ты принадлежишь?

— Я не понимаю вашего вопроса.

— А ты открытиям науки веришь?

— Истинная наука с Библией не расходится.

— Вот написано: вода в Красном море стояла стеною, вода — это жидкость, как она может стоять?

— Правильно, вода это жидкость, но гнал Бог море сильным ветром целую ночь, за ночь жидкость и на сто километров можно угнать.

— А что ты на это можешь ответить? Навин сказал: «Стой, солнце и луна», может такое быть, чтоб сразу остановилось солнце и луна? Ученые доказали, что солнце не вращается вокруг земли, а ты что скажешь?

О таком случае из Библии я еще и не знал, хотя догадался, что так есть написано. Вопросов было много, а ответ один: «Я этого еще не знаю». В заключение капитан говорит:

— Советую тебе покаяться.

— Я уже покался.

Этот ответ они растолковали по-своему. Так закончился мой второй допрос.

Каждое утро капитан задавал мне один и тот же вопрос:

— Что тебе Бог говорил сегодня ночью?

Я понимал, что он делает насмешку и поэтому всегда имел готовый ответ: Бог говорил, чтоб я был покорен начальнику... или не грубил... или не пил. Солдаты всегда слушали и ждали, что я буду говорить. Но однажды я ему ответил:

— Сегодня мне Бог сказал, чтоб я не бросал святыню перед свиньями.

Тут все засмеялись, капитану стало неудобно и после этого он уже не насмехался, но я понял, что он может мне отомстить.

Долго ждать не пришлось. Однажды зашел капитан и зачитал приказ: «За самовольную отлучку из части пять нарядов вне очереди», и от себя добавил: «С сегодняшнего дня после отбоя будешь мыть полы на двух этажах». Всю ночь я мыл полы, а днем он посылал меня на заготовку дров. Но солдаты начали жалеть меня, заготавливали сами дрова, а я тем временем отдыхал. Так прошло три дня, я уже из сил выбился, а обжаловать не мог, пока не пройдет срок наказания. И я решил облегчить себе труд. Когда все уснули, протянул шланг в коридор и открыл кран с водой, вода стала растекаться по казармам, а я лег в кровать отдохнуть и моментально уснул. Когда прозвучал подъем, все стали быстро вскакивать, но в комнатах было полно воды, никто не мог понять откуда. На это ЧП собралось начальство.

Нашли и виновного, пришлось докладывать, что во всем виноват я, работая четвертые сутки день и ночь, я забыл перекрыть кран — уснул. Мне простили такую оплошность и дали отдых на сутки. Не знаю, какое взыскание получил капитан, но на меня он был очень злой, всем давал увольнение по выходным, а мне нет, но я все же умудрился сбежать в самоволку, за что и получил десять суток карцера.

Но Бог был со мной. Находясь в карцере, я видел сон, будто стою я на берегу реки в белоснежной одежде, а на другом берегу меня ожидают. Я стал идти по воде и заходил все глубже и глубже, пока вода не покрыла мне голову, после чего я оказался на другом берегу. Я размышлял о значении этого сна, ведь я хорошо плаваю, но почему я пошел спокойно под воду и легко перешел на другой берег. Что-то новое ожидает меня, наверное состроят дело и в тюрьму посадят. Что будет, не знаю, но на душе моей было легко, ведь эту реку я перейду. Но сон сбывся в тот же день. Часовым возле моего карцера был мой друг и брат Коля Глухих. К нему прибежал сын вдовы и говорит:

— Мама зовет срочно, а если возможно, то и дядю Гришу.

Как раз это было в обеденный перерыв, все солдаты ушли на речку купаться. Была середина июля, самая жара, на берегу и стать негде, все загорают. Коля выпустил меня, закрыл пустой карцер, и мы убежали. Я, конечно, не сильно рисковал, но Коля если бы попался, пошел бы под военный трибунал.

В доме Климцы было полно верующих, приехал служитель из Киева Петя Губенко, готовились ночью совершать водное крещение для всех новообращенных.

Вспомнили и о нас, но сразу же стал вопрос, сможем ли мы прийти ночью? Коля сказал, что он сможет проскользнуть возле дежурного, но я был под арестом, так что об этом не могло быть и речи.

— А что если днем? — предложил кто-то.

Двое побежали на разведку, но вернулись расстроенные.

— Народу тьма, весь город собрался купаться. Я стал рассказывать свой сон, как был одет в белую одежду и погрузился под воду. Сразу же нашлись толкователи сна.

— Ты сегодня примешь водное крещение.

Мы склонились на колени и просили помощи у Бога.

В это время поднялся сильный ветер, небо покрылось тучами и началась летняя гроза. Послышались возгласы.

— Это Бог услышал нашу молитву, в такую погоду никого на речке не будет и можно спокойно преподавать крещение.

Молодежь и руководители общины пошли на речку. В то время, когда все отдыхающие, бежали на крутую гору, спасаясь от грозы, мы с такой же скоростью, бежали вниз к реке. Когда мы добежали до реки, там уже никого не было. Мне и Коле одели белые халаты и среди бела дня нам преподали водное крещение. Дождь так же резко прекратился, как и начался, через пять минут после крещения снова ярко светило солнце. На берегу пропели псалом: «Не расскажет ручей говорливый никому моей тайны святой» и мы двинулись назад, в то время как солдаты снова стали идти к реке отдыхать. Нас с Колей окружила молодежь, и мы благополучно вернулись в дом, где еще раз совершили молитву, и я снова вернулся в карцер, а Коля продолжал охранять меня, чтоб я ненароком никуда не сбежал.

После крещения, казалось, весь ад восстал на нас.

Коля с дерзновением рассказывал о Христе, было много слушателей, а противников еще больше. Религиозная пропаганда запрещалась, и вина ложилась на меня, все считали, что я обратил Колю в свою веру, а Коля еще двоих. За каждого уверовавшего мне добавляли срок.

Капитан рассвирепел и предъявил мне ультиматум:

— Или покайся, или начнешь гнить в карцере и догниешь в тюрьме.

Здоровьем я был слабый, при хороших условиях я еще держался, но в карцере давали только хлеб и воду, и я быстро ослабел. Я сравнивал капитана с Гримбергом и не чувствовал особой разницы между ними. Капитан каждый день требовал отречения и покаяния.

Однажды выстроили весь батальон и привели меня.

Чувствую, все это не к добру. Вышел комбат, начал говорить о моем прошлом.

— Григорий был лучший солдат, но попал под влияние религиозной пропаганды и покатился вниз. Он хорошо подумал, осознал и хочет покаяться перед всеми.

Дали мне слово.

— Я верю в Бога, хорошо осознал, что весь мой пройденный путь был промысел Божий и я хочу покаяться. В Евангелии написано: «исповедуй грехи свои» и в своем покаянии я хочу исповедать грехи. Вы все знаете, что раньше я курил, но теперь покался, раньше выпивал, но покался, я был безбожник, но теперь христианин.

После такого покаяния меня снова отправили в карцер. Однажды приходит ко мне капитан, ласковый такой, улыбается и говорит:

— Я упросил начальство, чтоб тебя освободили, и ты будешь полностью в моем распоряжении, пойдем, с тобой хотят поговорить.

Меня вывели из карцера. Иду по дороге и думаю:

«Так просто, по-доброму уже из рук не выпустят».

Зашли в особый отдел. Разговор состоялся очень вежливый, но я решил отмалчиваться, все равно добра не жди. Прочитали целую лекцию:

— Религия это заблуждение, она умирает вместе со стариками. Это пережитки капитализма, выдумка эксплуататоров. Наука доказала, что Бога нет и верят в Него только забитые, неграмотные люди. В твои двадцать три года ты прошел Крым и Рим, сам знаешь, кому выгодна религия. Ты был первым помощником по политзанятиям и мы хотим восстановить тебя. На работу и в наряд посылать не будем, пусть твоя голова немного проветрится, что скажешь, товарищ капитан?

— Григория я понимаю, невозможно сразу от всего отказаться, для этого надо время. Мы были хорошими друзьями, теперь я прошу вас, дайте мне срок один месяц, пусть Зинченко будет полностью в моем распоряжении.

Клянусь своими погонами, что через месяц я его перевоспитаю, если же нет — сниму свои погоны.

Речь его была уверенная, а я так и не проронил ни слова. Мы ушли. Вскоре он сильно заболел и попал в госпиталь. Врачи признали у него открытый туберкулез легких и через месяц его уволили в запас.

Я не говорю, что Бог его наказал. Благодарю Бога и думаю, что для него это лучше, он

покаялся своими погонами, что через месяц их снимет и ровно через месяц он их снял.

Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом. Думал капитан сгноить меня в тюрьме, но я благополучно вернулся домой, после всех испытаний остался христианином.

Думал, что спокойно буду жить, да где там...

Весна 1950 года. Прошло восемь лет скитаний и вот свобода. В армии прослужил пять лет. Дали мне сухой паек на три дня, деньги на дорогу и старую шинель — это вся моя зарплата за пять лет.

Дома, конечно, все изменилось. Оля вышла замуж.

Володя женился и заботу о младших взял на себя.

Тяжелые это были годы, после войны кругом разруха да еще и неурожай.

Остановился жить я в семье брата. Воспоминаниям не было конца и на мой вопрос, как живешь, братишка ответил:

— Хорошо, Ваня с Раей подросли, помогают.

— А хлеб для помощников есть?

— И хлеб есть, и молоко.

Так прожил нахлебником неделю. Потом услышал на кухне голос Паши, Володиной жены.

— Володя, сегодня последнюю муку использовала и картофель на исходе, что будем делать, ведь только апрель месяц и на сирот опять ничего не дали.

— Пойду просить у начальства в долг под новый урожай.

— Володя, ведь это не день и не два, четыре месяца надо прожить.

На завтрак Паша поставила лепешки с молоком. А я и говорю:

— Володя, ты говорил, что хлеб имеешь, а я слышал ваш разговор с Пашей на кухне.

— Тогда, когда ты спрашивал хлеб был, но уже прошла неделя.

— А деньги у тебя есть, чтоб купить муки?

— Какие деньги? В колхозе нам не платят, работаем весь год за трудодни. В прошлом году так заплатили, что до апреля месяца только хватило. Теперь вот буду просить в долг под новый урожай.

Стали мы обсуждать, как дальше жить.

— Жениться надо тебе, Гриша. Но ищи себе невесту побогаче, езжай в город. В нашей деревне одна беднота, да и мне полегче будет. Приданое разделим пополам сестричку я себе оставлю, ей двенадцать лет. А Ваню тебе, он уже взрослый, ему четырнадцать лет, в городе можно устроить на работу.

— Благодарю, Володя, добрая у тебя душа, осталось немного, найти жену, а приданое уже готово. Потерпи немного: семь лет ты их кормил, поил и одевал, пару месяцев пусть моя часть у тебя еще побудет.

Распрощались мы, и поехал я в город. Братишку Ваню, мое «приданое» оставил в селе, а с собой взял совсем немного: солдатскую рубашку, брюки и рваные ботинки — все, что было на мне. На дорогу Паша положила последние лепешки, а в сердце теплилась надежда:

«Все будет хорошо».

Я продолжал молиться. В первый же день нашел работу, устроился в общежитие и получил аванс в долг до получки. В субботу я постирал свою одежду и в воскресенье пошел на собрание к баптистам. Верующих было очень много, около двух тысяч. После служения вся молодежь пошла в парк. Ребят было очень мало. В основном молодежь состояла из сестер, ведь время было послевоенное. В парке устроили обед, каждый принес с собой продукты, только я был гостем. В тот день познакомился со многими. Я еще несколько раз сходил в собрание, а потом перестал. Одежда совсем порвалась и мне не в чем было пойти в собрание, но я не прекращал молиться и свою судьбу передал в руки Бога. Среди множества девочек легко ошибиться в выборе, а Бог знает всех.

Стал я молиться: «Не надо мне богатую жену, как советовал мне мой брат Володя. Пусть она будет бедная, но добрая душой, чтобы много горя уже перенесла, чтобы мое

приданое любила». И сегодня я скажу: «Жена мне Богом дана».

Я не знаю, все ли молодые девушки просят у Бога себе мужа, друга жизни, но моя жена решала этот вопрос с Богом.

Жила она в очень большой и бедной семье. Отец у нее был служителем и хорошим христианином. Воспитывал детей в послушании Господу и родителям. Учил любить людей, никогда не носить зла в сердце, прощать людям их недостатки. Родители ее жили в деревне.

Работала она в Райпотребсоюзе калькулятором производства, а потом была переведена на должность заведующей Карточного бюро, так как продукты в то время распределялись по карточкам на каждого члена семьи.

Когда начались гонения на верующих, ее уволили с работы «по собственному желанию». В то же самое время уволили с работы отца и старшую сестру. Не найдя никакой работы в своем районе, с тремя рублями в кармане она приехала в Харьков в надежде найти себе работу. Тут ей удалось устроиться по специальности в столовой. Посещала собрание баптистов. Среди молодежи она отличалась молчаливым характером.

Конечно, ей, как и всем, хотелось иметь друга жизни, но смотря на жизнь своих друзей, которые вышли замуж за неверующих, она стала взывать к Богу. Не раз склоняясь на колени, просила в своих молитвах: «Господи, Ты видишь мои истекающие силы, прошу пошли мне друга жизни. Друга жизни, конечно, верующего. Но если суждено мне быть одной, то помоги остаться верной Тебе до конца».

И вот однажды приснился ей сон. Ясный солнечный день. Она стоит на огромной лестнице, посреди которой водопадом течет вода, а по сторонам ходят люди. Кто-то сказал ей: «Вот твой муж». Она оглянулась и увидела, что идет к ней молодой человек. Высокий, красивый, волосы черные. Одет был в военную гимнастерку.

Проснувшись, сон как сон и она про него быстро забыла.

Я сменил военную форму на гражданскую, заимел много друзей, но искал подругу. Однажды, после вечернего собрания я возвращался трамваем домой в общежитие. Было поздно. Вижу, девчонка смотрит на меня и я стал рассматривать ее. Раньше никогда не видел.

Один ее взгляд меня пленил и я подумал:

«Вот если б ты была христианкой, да, такая за меня и не пойдет». Но все-таки не устоял и решил познакомиться.

— Откуда едешь?

— Из собрания, мы же вместе там были. Я осмелел и предложил.

— Можно, я вас провожу?

— Можно, но только до ворот, у меня хозяйка очень строгая. В трамвае мы разговорились. Она рассказала, как перенесла гонения. И я полюбил ее всей душой. И вот мы уже приехали и идем домой. Я не знаю, с чего начать разговор, но твердо решил сделать ей предложение.

— Ты что одна, у тебя что, нет друга? Она промолчала.

Мы идем рядом и вдруг меня осенило, что я даже не спросил, как ее зовут.

— Скажи, как тебя зовут?

— Зовут меня Варя, родом из Курской области.

— А я в жизни имел разные имена, не знаю даже как представиться.

— А я знаю, вас зовут Гриша.

— Но это чудо, откуда ты меня знаешь, я впервые тебя вижу!

— Но я вас видела когда вы только приехали, еще в парке. Часто видела вас на собрании, вы всегда садитесь на балконе справа. Видела вас на беседе молодежи и слышала ваш рассказ о встрече с Богом. Ну, вот мы и пришли. Конечно, я видела вас еще один раз, но это было давно.

— Где, когда?

— Долго говорить я не могу, меня хозяйка ждет.

— Ну хорошо. Тогда еще один вопросик. Ты согласна выйти за меня замуж?

Она сначала растерялась, а потом говорит:

— Я очень бедная, у меня и приданого нет. Если ты возьмешь, я согласна.

— Это не беда, что у тебя нет приданого, зато у меня есть, братишка мой — он круглый сирота. Скажи, а где ты меня видела раньше?

— Во сне.

Так мы договорились и в скором времени поженились с Варей. Свадьбу справили у брата Володи в деревне. Это было в 1950 году. Жили мы бедно, но дружно. Наше приданое увеличивалось, родилось у нас шестеро детей. С большими трудностями, но нам все же удалось построить дом, в котором, как в рукавичке, находили приют младшие сестры моей жены, а также все верующие, которым негде было жить. Не было такого случая, чтоб мы отказали нуждающемуся в помощи. Также в нашем доме постоянно проходили собрания евангельских христиан-пятидесятников. Однажды я пришел с работы утром, после ночной смены, это было 26 января 1962 года.

Получку нам тогда задержали и я ничего не купил. Варя встретила меня со слезами.

— Положила детей спать полуголодными, сама ничего не ела и на сегодня ничего нет, а ведь тебя сегодня заберут. Во сне я подошла к окну и увидела «черный ворон» и уже наяву я закричала: «Ой, приехал «черный ворон» и забрал Гришу». Все дети подхватились и мы ночью молились за тебя.

Не успели мы решить вопрос, чем накормить детей, как явились незваные гости. Они предъявили документ на право обыска и начали переворачивать в доме все вверх дном, ища запрещенную и иностранную литературу. Я расписался о том, что у меня ее нет. Но они не внимали этому и перевернули весь дом, так ничего и не найдя. Это был обед, старшие дети, Витя и Таня возвращались со школы домой. От пытливого детского взгляда не ускользнуло то, что возле каждого дома стояли соседи и провожали их сочувствующими взглядами, приговаривая: «Бегите домой, бегите». Забежала Таня, вся в слезах, растерянно глядя на чужих людей в доме.

Увидев, что все живы бросилась ко мне на руки. Ей три дня назад исполнилось девять лет. Через некоторое время прибежал и десятилетний Витя, глянув на всех изучающим взглядом, молча стал возле меня. После обыска мне предложили:

— Оденься, немного поговорим на улице.

Жена в слезы:

— Дети, прощайтесь с папой, дяди забирают его у нас.

Малыши подняли плач.

— Зачем терроризируешь детей, мы заберем и их у тебя.

— Варя успокойся, мы только поговорим, и я вернусь.

— Да ты что, не читал «у арестованного сделать обыск»? Ведь ты арестованный.

Тут только я понял, что они меня хитростью берут.

Тогда я сказал детям: «Давайте помолимся». Склонил колени, Варя упала рядом, а дети, как бы желая защитить меня от этих злых людей, окружили нас кольцом и, не обращая внимания ни на соседей, которые набились в дом, ни на незнакомых мужчин, начали взывать к Богу.

Удивительная это была молитва. Моя пятилетняя дочка Наташа на этой молитве дала обещание Богу, что будет Ему служить всю свою жизнь, даже если и папа не вернется. Обету этому она осталась верной, никогда прелести этого мира не трогали ее сердца. Таня на этой молитве решила, что она никогда не преклонит колени перед людьми, только перед Богом. Сколько же твердости было в этом маленьком сердечке, что она даже не проронила ни слезинки, чтоб эти неверующие не видели ее страданий. Когда молились «Отче наш», моя годовалая Люба, которая только училась разговаривать, после слов: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день», добавила: «И сахайку». Ее молитва была услышана, в доме никогда не переводился сахар. Соседи, наблюдая за этой картиной, рыдали. После молитвы я обнял жену и детей, поцеловал их и только стон вырвался из моей груди: «Храни их, Боже».

В тот день забрали еще пять человек, и все они были многодетные. Нас судили по

статье 209, которая гласит: «Посягательство на жизнь и здоровье граждан Советского Союза под прикрытием религиозных служений».

Мера наказания до пяти лет. «Посягательство» — значит несовершеннолетний факт, но он мог бы совершиться, если бы не помешали другие обстоятельства.

В газетах постоянно печатались статьи о том, что появились секты, которые приносят в жертву детей, чтобы замолить свои грехи. О нас писали, что раскрыта ужасная религиозная секта. Главарей всех арестовали и будут судить по статье двести девятой, которая гласит: «Посягательство на жизнь граждан...». Читая такие газеты, можно было принять все за чистую монету. Ведь если пишут в газетах, то это правда.

После ареста прошло уже четыре месяца, а на допрос не вызывали ни разу. Только уже перед судом меня вызвали подписать акт обвинения. Обвинительное заключение составило четыре тома и чтобы это все только прочитать, нужна неделя. Следователь Беляев сообщил, что по делу проходят трое пострадавших в качестве свидетелей. Прочитал их фамилии, две из которых я даже никогда и не слышал, а третья была Ира Зинченко, моя однофамилица. В обвинении было написано: «Все трое лечились в психиатрической больнице. Умственные отклонения произошли на религиозной почве. Больная Ирина Зинченко была взята из больницы под строгое наблюдение врача-психиатра. Два раза в год она проходит осмотр в психоневрологическом институте». Этот документ был заверен профессором института.

Двое, которых я никогда не видел и ничего о них не слышал, не тронули мое сердце. Но за Иру я сильно смутился. Знал я ее около восьми лет, умственных отклонений за ней никогда не замечал. Многие места из Евангелия она знала на память и помнила, где это написано. До уверования закончила институт, работала бухгалтером. Я был очень поражен, неужели за эти четыре с половиной месяца, пока я находился под арестом что-то произошло с Ирой? Я спросил у следователя, когда он последний раз ее видел и что с ней случилось? Но он ответил, что никогда ее не видел, а документы получил из института. Я был очень расстроен за нее, ведь она была христианкой. В этот вечер моя молитва была за Иру. Я молился, чтоб Господь освободил ее из больницы, ведь из-за нее одной все могут пострадать. И чем докажешь, что в ее болезни никто не виновен?

О тех двоих, чьи имена были упомянуты в документе, я узнал позже. Первая была Коваленко Вера. В восемнадцатилетнем возрасте, будучи христианкой, она получила срок двадцать пять лет тюремного заключения, но через семь лет была освобождена и отправлена в психиатрическую больницу, где и умерла. В Харькове никогда не была. (Не представляю, как она могла быть свидетелем на суде.) Вторая свидетельница работала грузчицей на заводе. Однажды, когда перевозили тюки на машине, она сидела сверху и во время езды упала.

Разбила голову, долго лежала в психиатрической больнице и вышла оттуда инвалидом. В собрание христиан она никогда не ходила. Узнав, что будут судить верующих за то, что она по их вине стала больной на голову, взяла документы инвалидности и пошла в областную прокуратуру. Там она оскорбила начальника, за что ей дали десять суток ареста. Это произошло в те дни, когда нас судили.

И вот начало суда. Нас судили сразу шесть человек, в том числе и одну старушку, которой в то время было более шестидесяти лет. День суда даже не сообщили нашим женам. По всему городу были развешены объявления, которые гласили: «Разоблачена запрещенная секта христиан. Обвиняются в посягательстве на жизнь граждан СССР. Суд будет показательный, вход свободен для всех желающих». Зал был забит людьми, около двух тысяч.

Начался первый день суда. Старушку Мотю, так звали нашу сестру, вывели под руки, так как она совсем изнемогла за четыре с половиной месяца. В камерах было ужасно жарко и их никогда не проветривали. Камеры были рассчитаны на десять заключенных, но там держали до пятидесяти человек. В углу стояла «параша» и к утру, как обычно, она была переполнена. Утром, когда убрали камеру, пол мыли хлоркой. Конечно, от такого воздуха у молодого человека закружится голова, а наша старушка Мотя сидела в такой камере. Ежедневно, кроме воскресенья, всех выводили на получасовую прогулку, но наша Мотя

была лишена и этого. Камера была на третьем этаже, а по ступенькам она не могла спускаться, поэтому все четыре месяца она пролежала в камере.

Допрос начали с Моти.

— Почему ты не подписала обвинительный лист?

— Я не умею писать, я не знаю буквы.

— Тогда вместо подписи поставь крестики.

— Поставьте их сами.

Так старушку Мотю и судили без ознакомления с делом. Как начался суд, я не помню, был очень занят одной мыслью, почему в зале нет моей жены? Суд был показательной, неужели ее не пустили? Всмотривался в лица людей, но ее не мог найти. Не было в зале и детей, несмотря на то, что все подсудимые были многодетные.

В зале также не было моих сестер и братьев. Вдруг увидел

— возле стены поднял руку мой братишка Ваня. Он уже отслужил три года в армии танкистом и снова вернулся к нам жить. И вот я увидел, что к нему подошли двое взяли под руки и вывели. Я так сильно расстроился, что не услышал даже вопроса, который мне задали. Меня стали толкать в бок и тут только я услышал грозный голос судьи:

— Подсудимый Зинченко, почему не отвечаешь на вопросы. Еще раз спрашиваю, вас обвиняют по статье двести девятой уголовного кодекса Украины, считаете ли вы себя виновным?

— Нет.

— На каком основании вы опровергаете обвинение.

— Если вы в законе напишете, что разрешается пить только стакан воды, а я выпью два, то я виновен перед тем законом, что вы написали, но перед своей совестью и перед народом я не виновен. В вашем законе написано, что запрещается молиться Богу, а я молюсь, я не виновен ни пред своей совестью, ни пред Богом. Согласно вашему закону я виновен, но пред Богом я чист.

Судья объявил народу:

— Зинченко признал себя нарушителем закона. Он обвиняется по нескольким статьям. В нашей стране запрещается эксплуатация человека человеком, а есть данные, что в сентябре 1960 года группа молодежи из их секты, выходной день отработала на уборке картофеля и весь свой дневной заработок отдала ему, что вы скажете в свое оправдание?

— Да, это правда, но я их не нанимал и даже не знал о их желании помочь мне. В тот день меня послали проводить группу верующих стариков, живущих далеко от города. Когда я вернулся домой, то во дворе лежала картошка. Я даже и не видел, кто ее привез. Мне жена рассказала, что это молодежь из нашей церкви, а не секты, как вы называете, привезла картофель.

— Второй вопрос. Вы купили костюм, который стоит вашей месячной зарплаты. У вас шесть детей и на ту зарплату, что вы имеете невозможно прокормить детей.

Откуда у вас деньги?

— Это правда, я купил себе первый костюм за свои тридцать шесть лет. Жена родила и ей выплатили одноразовое пособие на шестого ребенка. Вот к этим деньгам я еще немного добавил и купил костюм средней стоимости.

— Третий вопрос. У вас шесть детей и жена не работает, каким образом вы содержите свою семью?

В первых рядах сидели журналисты. Они быстро записали вопрос и стали смотреть на судью, как бы спрашивая: «К чему такие глупые вопросы, что здесь общего с покушением на жизнь людей?» Я не стал объяснять, что мои дети не пьют вдоволь молока, что у них нет переменной одежды, а просто сделал сравнение.

— У моего дедушки было шестнадцать детей и он всех их выкормил при царе. У меня только шесть детей, и я живу при Советской власти.

Здесь я спохватился, не наговорил ли чего лишнего, не оскорбил ли власть, чего доброго, еще и политическую статью пришьют, тогда я пропал, с тюрьмы не выпутаешься. И

я решил молчать, да меня и не спрашивали больше. Начался допрос брата Николая.

Судья зачитал его дело:

— Козелько Николай Михайлович, украинец, 1930 года рождения. Рецидивист. Судим в 1949 году. Был приговорен к смертной казни, но смертная казнь была заменена двадцатью пятью годами тюремного заключения, после чего должен отбыть пять лет ссылки, а после ссылки на пять лет лишался всех гражданских прав.

И тут судья весь свой гнев обрушил на Николая.

— Это террорист, изменник Родины задумал разрушить Советскую власть. Он участник банды террористов, расклеивал листовки по деревне, призывая весь украинский народ освободиться от власти Москвы. Он призывал к отделению Украины от России, призывал разрушить Социалистический строй, разрушить колхозы, а землю передать народу в частное владение. Он со своей группой призывал к восстановлению капиталистического строя. И это все было в то время, когда наша страна была ослаблена в борьбе с фашизмом.

Советская Армия добивала фашизм в его собственном логове, а этот человек восстал против такой могучей страны, страны Советов. Его помиловали, смертный приговор отменили, оставили в живых, чтобы он своими глазами увидел мощь Советского государства, по амнистии освободили из лагеря, а он... организовал запрещенную в Советском Союзе религиозную секту пятидесятников. Он был старшим на их Богослужениях, на молебнах читал Евангелие и совершал хлебопреломление. Не уведомляя органы власти, тайно совершал водное крещение. Он!!! Он и его секта обвиняются как посягатели на жизнь и здоровье граждан Советского Союза. В продолжение длительного времени мы собирали данные о их служениях, их религиозном дурмане, что и отразилось на здоровье безграмотных стариков и старух. Но за последнее время в их сеть попало много грамотной и даже с высшим образованием молодежи. Сегодня наша задача — разоблачить принародно опасность данной секты и спасти молодежь от гибели.

Наша задача — изолировать всех сектантов от народа.

В таком духе прошли три дня суда. Вызывали и допрашивали ежедневно не менее десяти свидетелей из верующих. Вопросы были в основном одинаковые.

— Знаете ли вы подсудимых?

— Знаю.

— В своих проповедях, читали ли они запрещенную литературу — Евангелие или Библию?

— Да, читали из Библии.

— Есть данные, что Козелько вел пропаганду против Советского Союза, агитировал молодежь не брать оружие и отказываться от службы в армии. За ложные показания вам грозит тюремное заключение сроком до двух лет.

— Ложь говорить не будем. По Писанию это грех, пропаганды и агитации не слышали.

Каждый вечер по телевизору показывали нас, подсудимых, но не суд. Диктор объявлял, что свидетели дали показания о великих злодеяниях подсудимых. Город волновался, как встревоженный улей. На заводах и фабриках проходили собрания о том, что судят злейших преступников, которые приносят в жертву людей. Народ требовал высшей меры наказания — казнить их через повешение и принародно. Газеты писали статьи одна другой страшнее: «Дети — жертва секты», или: «Хотел в небо попал в психбольницу», или «Неудачная жертва».

В зале же суда была совершенно другая обстановка, задавались одни и те же вопросы: «Принуждают вас молиться или вы сами молитесь? Ведь становиться на колени и молиться — это рабство». Помню, как одну старушку-христианку, лет семидесяти, привезли в свидетели.

— Верите ли вы, что есть Бог?

— Верю, сынок, раз я есть, значит и Бог есть.

— Верите ли вы, что Бог простил вам грехи?

— Верю, сынок, покайся и тебе Бог простит.

- Вы говорите на незнакомом языке?
- Покайся, сынок, и ты заговоришь красивым языком.
- Вы верите, что Бог вас примет на небо?
- Покайся, сынок, и тебя Он примет.
- Верите, что святая дева Мария родила Сына?
- Поверь, сынок, не смогла б грешная родить Святого Сына.
- Вы верите, что Бог этого Сына принес в жертву за народ?
- Покайся, сынок, ведь эта жертва была и за твои грехи.

В зале поднялся шум, кончилось терпение у народа, стали выкрикивать: «Ближе к делу, сколько можно слушать бессмысленные вопросы, где свидетели против убийц».

Прокурор потребовал прекратить беспорядок. Объявил, что суд переносится на четвертый день. Завтра будут свидетельствовать пострадавшие.

Начался четвертый день суда. Зал был забит до отказа. Еще немного и будут раскрыты все преступления сектантов, будут пострадавшие свидетели. Прошло больше часа, а суд все не начинался. Звонок. Вошли представители судебной коллегии. В зале наступила мертвая тишина, начался четвертый день суда.

Привели Ирину и прокурор спросил у нее:

- Пострадавшая Зинченко Ирина, вы знакомы со всеми подсудимыми?
- Да, знакома.
- Сколько лет вы их знаете?
- Лет восемь.
- Согласны давать все верные показания?
- Согласна.
- Вы выступаете перед судом как пострадавшая на почве религиозных предрассудков.

Вы согласны засвидетельствовать пред всеми причину вашей болезни?

- Нет, я чувствую себя совершенно здоровой.
- Здесь присутствует общественный обвинитель, доцент Психоневрологического Института товарищ «Н», который может подтвердить устно. Но мы имеем также и письменное подтверждение из истории вашей болезни.

Он достал лист бумаги и стал выборочно читать:

— Зинченко Ирина имеет высшее образование и на почве религиозного стресса имеет умственные отклонения. В данный момент находится под постоянным наблюдением врачей. От госпитализированного лечения отказывается, советы врачей игнорирует. Последние два года ее болезнь прогрессирует. Ей запрещено посещать церковные богослужения, которые отрицательно действуют на ее здоровье. Разрешается только легкий физический труд». — Стоят подписи врачей и заверено доцентом института.

На все вопросы судьи Ира отвечала словами из Евангелия, что совершенно вывело судью из равновесия. Он объявил, что ответы Зинченко Ирины свидетельствуют о том, что она религиозная фанатичка. Слово предоставили общественному обвинителю. Это был профессор атеистических наук. Он начал возвышенную речь против Библии, доказывая, что все места Писания противоречат одно другому. Периодически обращаясь к Ире просил, чтоб она объяснила то или другое место. Ира на все вопросы отвечала удивительно мудро, я внутренне благодарил Бога. Чтоб сделать насмешку над Библией, профессор задал ей вопрос:

— Как понять Евангелие Иоанна, первая глава, восемнадцатый стих? Там написано, что Бога никто, никогда не видел. А в Библии, когда Бог обращался к Моисею, написано: «когда Я (Бог) буду проходить ты увидишь Меня», — что ты скажешь на это?

Ира спокойно ответила, что такого в Библии не написано. Атеист стал горячиться, доказывая, что он разов десять прочитал Библию, Коран, знаком с Буддизмом. Но Ира снова повторила:

- Такого нет в Библии, вы выдумали. Тогда он спросил:
 - А как же там написано? «Ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо».
- Исход 33 глава, 23 стих.

Так закончился допрос Иры. После всего этого она обратилась к прокурору:

— Разрешите задать вопрос профессору-психиатру?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, каким ответом вы остались недовольны?

— Благодарю, доволен всеми.

— Могу ли я еще задать вопрос?

— Пожалуйста.

— Скажите, пожалуйста, на каком основании вы выдали справку, что я умопомешанная? Ведь я вас впервые вижу и вы меня видите в первый раз, не так ли? Я никогда к врачам не обращалась и в психиатрической больнице никогда не была. На учете нигде не состою. Относительно физической работы никто мне советов не давал. А вы знаете где я работаю? Я работаю на электронно-вычислительной машине. Таких машин в нашей стране еще не выпускают. На двух самых больших заводах «Турбинном» и «ХЭМЗе» только три человека знают, как на них работать. Предоставленная справка сфабрикована.

Тут судья моментально выхватил микрофон из рук Ирины. Суд прервали и судебная коллегия ушла на совещание, которое длилось около двух часов. В зале поднялся шум — одни возмущались, а другие восхищались, но ответа на вопрос: «Где же жертвы? Где пострадавшие?» не было. Судья зачитал приговор:

— Козелько Николай — пять лет лагерей строгого режима, после чего пять лет ссылки и конфискация имущества.

Так как из имущества оказалось одно единственное пальто, то его и забрали, а ведь эта семья ожидала третьего ребенка.

— Дуртан Матрена — 1,5 года тюрьмы и конфискация имущества.

Так бедная старушка и осталась без дома.

По болезни ее освободили через восемь месяцев и она еще долго скиталась, бездомная, среди верующих.

— Рубашка Николай, Чубенко Федор и Горькавый Иван получили по три года лагерей.

Мне дали полтора года лагерей. Отбывать срок отправили в лагерь на Холодной Горе города Харькова. Я успокаивал себя стихом из Евангелия: «Гнали Меня, будут гнать и вас».

Лето 1962 года было особенно жаркое. Работал я в трудовой колонии общего режима в литейном цехе. Работа была тяжелой, расплавленный чугун носили вручную. Хотя прошли времена и многое забыто, но друга своего, Женю Сирохина, брата из баптистов, с которым познакомился в лагере, не могу забыть. Он был судим по той же статье, что и все христиане. С ним мы встречались ежедневно на «пяточке» — несколько деревьев и пешеходная дорожка вокруг, место, где заключенные имели получасовую прогулку. Весь лагерь, состоящий из пятисот человек, ходили один за другим по этой дорожке.

Женя выходил на пяточок рано и стоя на обочине с палочкой в руке, ведь он был совершенно слепой, обычно пел псалом.

— Над Родиной нашей восходит заря, о братья и сестры, вставать нам пора.

Подойдя тихо к нему, я слушал. Голос у Жени был приятный, мягкий. Немного погодя, я подходил к нему и брал за руку. Он сразу же говорил:

— Это ты, Гриша? Ну пошли, браток.

В разговорах, он всегда меня называл «браток». Он брал меня под руку, и мы ходим вспоминая свою прошлую жизнь, семью. Порой и забудешь, что ты в лагере. Помню, я спросил его:

— Женя, расскажи, как ты потерял свое зрение.

— Э, браток, то были самые тяжелые годы моей жизни.

Отец мой умер рано и мы жили с мамой. Кончил семь классов и началась война, тогда мне было пятнадцать лет. В семнадцать лет попал на фронт. За три месяца мы прошли военную подготовку и сразу же на передовую.

Оружия нам не дали, а сказали, если товарища убьют, берите его винтовку и воюйте. Окопы рыли с напарником и одной винтовкой воевали. И вот во время боя убило моего

напарника, а меня землей засыпало. Я был ранен.

Меня привезли в лазарет, забинтовали все лицо, лишь только нос и рот было видно. Через три дня, когда делали перевязку, открыли мне глаза, я ничего не видел. Так и отвоевался, остался слепым на всю жизнь.

Приехал домой, на иждивение мамы. Позабыт, никому не нужен, даже петь перестал. Целыми днями сидел возле дома. Кто проходил мимо меня, а кто и заговорит ко мне. Глазами я не вижу никого, а как заговорит, то сразу представляю, кто со мной говорит и даже в какой одежде он. Бывало, как вспомню школу, то весь класс предо мной будто встал. Однажды вечером в субботу я как обычно сидел возле дома, вдруг слышу голос:

— Узнаешь меня?

— Зоя, это ты? Откуда ты?

Среди тысячи голосов я узнал бы ее голос, девчонка из моего класса... Она присела рядом. Мне стало обидно за свою судьбу, ведь я никому не нужен. И тут я услышал ее тихий голос:

— Жень, чего ты плачешь?

Я не поверил ее словам, неужели мои глаза могут плакать? Я провел рукой по глазам.

— В Евангелии написано: «Бог отрет всякую слезу с очей».

— Эй ты, штундистка, чего к нему пристала?

— Зоя, а ты в самом деле штундистка, в Бога веришь?

— Да, Жень, я христианка, хожу в собрание уже два года. Нашла я счастье в жизни.

— Какой же он? Такой красивый как и ты?

— Я не пойму тебя. Жень, о ком ты говоришь?

— За того, кто счастье тебе дал, за мужа.

— Ты меня не понял, я не замужем, но я христианка и счастливой меня сделал Христос. Завтра воскресенье, я иду в служение, хочешь, пойдем вместе.

Собрание меня не интересовало, но пройтись вместе не против, да и обидеть не хотел. Так мы и договорились.

С тех под, каждое воскресенье я посещал собрание, через время обратилась к Господу и моя мама. На следующее лето мы приняли водное крещение, я был счастлив, что спасен.

Осенью я подошел к нашему дьякону и спросил:

— Что мне делать, я хочу жениться. Но он задал мне странный вопрос:

— А кого ты выбрал?

— Как я могу выбрать если я не вижу, кто согласится взять такое горе на всю жизнь, тот и будет для меня самый дорогой человек.

— А сейчас есть у тебя самый дорогой человек?

— Есть, Зоя. Она первая побеспокоилась за мою душу, но знаете... За нее я и думать боюсь. Я калека... Слепой.

— Хорошо, брат, я поговорю с ней, потом и решим.

Нас обвенчали. Сейчас у нас пятеро детишек.

— А за что тебя судили?

— Ты слышал про типографию «Христианин», которая печатает Евангелие. Все Евангелия, отпечатанные в этой типографии, считались запрещенной антисоветской литературой. Я со своей тринадцатилетней дочкой занимался транспортировкой Евангелий. Однажды приехал домой, а жена говорит, что у нас был обыск в доме и чемодан с Евангелиями забрали. За это меня и судили по 209 статье, обвинили в распространении запрещенной литературы, которая действует на психику человека. Мне дали три года и нас с женой лишили родительских прав. Так я и не знаю судьбу моих детей, где они сейчас.

Из письма Жень узнал, что когда его жена вернулась домой после суда, детей дома уже не было. Подогнали автобус и детей увезли. Старушки, которые присматривали за детьми, подняли крик. Двое из приехавших объяснили, что отец потребовал привезти детей попрощаться. Зое никто не говорит, куда их увезли, по всей стране их тайно ищут верующие. Старшую Танечку нашли за двести километров, жена уже ездила к ней. А недавно мне

сообщили, что нашли малютку Леночку, ей сейчас полтора годика.

Как-то на прогулке Женя дал мне письмо.

— Прочитай, браток.

«Дорогой Женечка, сообщаю тебе радость, у нас родился сынок и я назвала его твоим именем. Женя. И еще одна радость — друзья разыскали всех деток, они находятся в интернатах по разным городам, но я была только у меньшей, Леночки. Меня пустили с условием, что я не буду с нею говорить, а только посмотрю со стороны. Леночка игралась во дворе, там было много таких же малышей, как и она. Я не смогла удержать слез, но заведующая предупредила: «Не терроризируй детей, к чему слезы?» Я ответила: «Не могу удержаться, это же моя доченька, Леночка». Леночка услышала мой голос и закричала: «Мама! Мама!» — Женечка, пойми сам, мое состояние.

Заведующая тоже заплакала и разрешила подержать Леночку на руках, свидание было только пятнадцать минут. Пусть Бог тебя благословит. Целую, твоя любящая жена Зоя».

Я отдал ему письмо, а перед глазами стояли мои дети, их у меня тоже осталось шесть.

— Не печалься, Женя, как-то все устроится. Ведь нас тоже решением исполкома лишили родительских прав, но мои пока еще дома. Варя рассказывала на свидании, как она прятала детей при виде любой машины. Соседи у нас хорошие, дают приют моим детям. Витю и Таню в школу не пускала до тех пор, пока директор школы не пообещала, что без жены детей в детдом не отправят.

Как будто все успокоилось, но с сентября детей опять начали оформлять в детский дом, в это время уже и третий сын Толик пошел в школу. Вспоминается один случай, который Таня мне рассказывала на свидании, была она тогда в третьем классе. Приехали в школу корреспонденты из газеты. Директор школы вызвала ее к себе в кабинет для беседы. Двое мужчин и женщина, директор школы, решили убедить эту десятилетнюю девчонку, в том, что нет Бога.

— Ты веришь в Бога, а ты Его когда-нибудь видела?

— Я и Ленина никогда не видела, но все равно верю, что он был.

После такого сравнения они на несколько минут потеряли дар речи. Часа два они пытались убедить ее отказаться от Бога и согласиться жить в детдоме, где о Боге никто и вспоминать не будет. В конце концов директор школы не выдержала, что они не могут справиться с какой-то девчонкой. Она схватила Таню за косы, а волосы у нее были густые и длинные, ниже пояса, намотала себе на руку и выволокла ее из кабинета. Потом толкнула ее ногой и приказала идти в класс. Но она пошла в класс к младшему Толику, позвала его и они вдвоем убежали из школы.

Но еще больше на свидании меня расстроила Наташа.

Она устроилась спать возле батареи и ни в какую не хотела уходить оттуда, заявив, что здесь теплей, чем у нас дома. А когда нас строем стали уводить из комнаты свиданий, она просила заключенных спрятать ее между ними, чтоб ей можно было жить там, где и папа. Когда же ее не пустили, она подняла такой крик, что уже и надзиратели не выдержали, приказали мне успокоить ребенка. Я пообещал ей, что когда я освобожусь, то даже домой не буду заезжать, сразу заберу ее из детского садика. Она успокоилась, молча пошла к маме. Я сильно не придавал значение этому обещанию, просто хотел ее успокоить. Не знаю, как она запомнила день моего освобождения, но в тот день воспитатели детского сада, где она вместе с Петей находилась в круглосуточной группе, не могли уложить их спать. Она всем заявила, что папа все равно за ней придет, хоть и ночью. Мог ли я думать, что она даже ночью ждала и не теряла надежды?

Но наша Советская власть не могла даже по-человечески из тюрьмы освободить людей, даже этот день им надо отравить. Ждали меня с утра. Дети уселись возле автобусной остановки на камне и целый день просидели там. Мама не могла их уговорить даже покушать. Борщ, который приготовили для встречи папы, прокис. А выпустили меня только в восемь вечера, после окончания рабочего дня, когда все начальство уходило домой. Домой я приехал ночью и каково же было мое удивление, когда на остановке я увидел своих детей.

Как легко решались судьбы людей, но нелегко переносить это. Был издан закон — искоренять все святое, искоренять Церкви, но слова Иисуса Христа верны. Он сказал: «и врата ада не одолеют Ее (Церковь)», — Церковь будет существовать! Какие бы законы ни были на земле, но Церковь Христова есть и будет.

«Вы дайте им есть!»

(От Марка 6,37)